

Годъ 9-й.

Кн. XXXIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗДАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897. № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Я н ч у к а.

МОСКВА.

Таво-лит. Н. Ф. Александрова, Арбатъ, близъ Арбатскихъ вѣр., домъ Платоновъ.
1897.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ЦИМЦЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Очерки обычного семейственного права крестьянъ Минской губерніи. Гл. III. (Окончаніе). <i>М. Довнаръ-Запольскаго</i>	1.
II. Кое-что изъ народныхъ примѣтъ, касающихся погоды и урожая. <i>II. И.</i>	17.
III. Женщина Туркестана по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ. <i>О—чева</i>	44.
IV. Свадебные обряды и обычи вотяковъ Казанскаго уѣзда. <i>С. Багина</i>	59.
V. Смѣсь:	
Экскурсы въ область народной пѣсни. II. Коротенькія пѣсни, или „пригѣвки“. <i>А. Балова</i>	93.
Прибавленіе:	
1. «Сбирушки» изъ Череповецкаго уѣзда Новгородской губ., запис. <i>Кл. М. Гарднеръ</i>	104.
2. «Частушки» изъ Покровскаго уѣзда Владимірской губ., запис. <i>А. Е. Грузинскій</i>	113.
Къ вопросу о новыхъ мотивахъ въ малорусской народной поэзіи. (Изъ украинскихъ сахарозаводскихъ пѣсенъ) <i>М. К. Васильева</i> . Съ прибавленіемъ <i>А. Малинки</i>	120.
Собіраніе и изученіе Латышскихъ народныхъ пѣсенъ <i>Л. А. Берзина</i>	130.
Къ исторіи этнографическихъ изученій. Письма Ю. Фейфалка и В. Маннгардта къ А. Н. Афанасьеву. Сообщ. <i>А. Е. Грузинскій</i>	139.
Матеріалы для словаря условнаго языка. <i>Н. Я.</i>	152.

VI. Критика и Библиографія.

1. Книги, ученія и справочныя изданія 156—166.

Проф. Колеръ. Право, какъ элементъ культуры. Перев. А. Э. Вормса. *Н. X.* (156).—Гр. И. Толстой и Н. Кандаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. V. *Н. X.* (157).—Матеріалы по археологiи Кавказа. Вып. V, подъ ред. гр. П. С. Уваровой. *А. Хаз—ова.* (161).—С. Рыбаковъ. 1) О поэтическомъ творчествѣ уральскихъ мусульманъ.—2) Курай, бакширскій музыкальный инструментъ. *Д. Ни—аю.* (163).—Н. О. Катарновъ. Преданія тобольскихъ татаръ о Кучумѣ и Ермакѣ. *Н.* (164).—С. Е. Повояндъ. Медико-топографическій очеркъ Ольгинскаго округа Карсской области. *Д. Никольскаю.* (164).—В. Винольскій. Медико-топографическіе очерки Исснъ-Кульскаго уѣзда, Семирѣченской области. *Д. Н—аю.* (165).—И. Мняквичъ. Обрѣзаніе у древнихъ колховъ и другихъ народовъ. *Ею же* (166).

2. Газеты и журналы 167—171.

3. Новости этнографической литературы 172—174.

VII. Вопросы и отвѣты:

1. Русскія народныя пѣсни (по поводу экспедиціи Е. Э. Лиевои). 175.

2. Кукольный театръ (письмо В. Н. Перетца). 177.

VIII. Извѣстія и замѣтки:

Къ исторiи современной русской этнографiи (собираніе автобиографическихъ матеріаловъ). — Волинскій этнографическій музей.—Некрологъ: † П. А. Кулишъ. † О. И. Буслаевъ . . 178.

ОЧЕРКИ ОБЫЧНАГО СЕМЕЙСТВЕННОГО ПРАВА КРЕСТЬЯНЪ МИНСКОЙ ГУБ.

III *).

Намъ остается еще разсмотрѣть вопросъ о раздѣлахъ, наследованіи и опека. Эти отдѣлы обычнаго права настолько важны, что они могли бы составить предметъ особой работы. Мы, впрочемъ, остановимся на нихъ лишь настолько, сколько это необходимо для полноты обзора обычнаго права семьи.

Незачѣмъ говорить о причинахъ раздѣловъ. Въ Бѣлоруссіи эти причины тѣ-же, что и въ остальной Россіи, и онѣ очень хорошо извѣстны. Обѣднѣніе семьи, малоземельность, неурожай, часто бывшіе въ послѣднее время, трудность найти заработки, и между тѣмъ довольно значительныя подати, обременяющія хозяйственный бюджетъ крестьянина,—вотъ общія причины, вызывающія раздѣлы. Слѣдствія раздѣловъ не менѣе хорошо извѣстны. Старшіе члены семьи, выдѣлившіеся уже съ взрослыми сыновьями, еще перебиваются кое-какъ; но младшіе, обремененные подростками, падаютъ, безсилѣютъ подъ тяжестью труда, въ концѣ концовъ бросаются на посторонніе заработки, сплавъ, и все хозяйство приходитъ въ упадокъ. Вишнія причины, вызывающія, по объясненіямъ крестьянъ, раздѣлы, выражаются ссорами среди членовъ семейства. Ивану кажется, что Степанъ лѣнивъ, что онъ могъ-бы въ одинъ день скосить сѣнокошь, да затянулъ на другой, а тутъ пошли дожди и сѣно пропало; а Степану въ свою очередь кажется, что по винѣ Ивана пала кобыла, цѣлый годъ кормившаяся соломой съ крыши, и т. д. до

*) См. XXXII кн. „Этногр. Обзоръ“.

безконечности. Всякому кажется, что если бы онъ самъ косилъ, не полагаясь на брата, то дождь не сгноилъ-бы сѣна, да и кобыла хоть безъ сѣна, а жила бы и т. д. Братья еще кое-какъ терпятъ, младшій уступаетъ старшему, и тотъ и другой понимаютъ тяжелое положеніе хозяина—одиночки. Но женщины сживаются съ большимъ трудомъ. Онѣ ссорятся другъ съ другомъ изъ-за дѣтей, работы и пр., и если самъ хозяинъ не пользуется достаточнымъ авторитетомъ, не прикрикнетъ во-время, то эти ссоры ведутъ къ раздѣлу: жены пользуются всякимъ случаемъ, чтобы возбудить враждебныя отношенія между мужьями. Въ рѣшеніяхъ суда мы постоянно встрѣчаемъ указанія на то, что причина раздѣловъ—женскія ссоры; судъ указываетъ иногда виновныхъ, но это мало помогаетъ дѣлу и только отсрочиваетъ раздѣлъ.

Что касается до отношенія крестьянъ къ раздѣламъ, то въ общемъ сочувствіе массы не на сторонѣ раздѣла, не исключая даже и тѣхъ, которые сами подѣлились. Они очевъ хорошо знаютъ всѣ невыгодныя стороны раздѣловъ, но жизнь все-таки дѣлаетъ свое, и раздѣлы увеличиваются.

Въ бытовомъ отношеніи интересно привести нѣсколько указавій на причины раздѣла. При отрицательномъ взглядѣ на раздѣлъ, судъ, слѣдуя общественному мнѣнію, въ каждомъ данномъ случаѣ старается установить наличность такихъ причинъ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее совмѣстное существованіе семействъ. На судѣ, напр., констатировано, что одинъ изъ братьевъ „отвыкъ отъ работы“, скитаясь на службѣ по чужимъ дворамъ; понятно, что семья мало пользы отъ такого отбившагося члена, и судъ даетъ братьямъ раздѣлъ (Бобр.). Изъ другого дѣла выясняется неприглядное положеніе младшаго брата въ семьѣ старшаго, и суду приходится раздѣлить ихъ (Бобр.). Или, наконецъ, члены семьи не выполняютъ всѣхъ условій общей жизни и заставить ихъ исполнять эти условія невозможно, напр. „стали сами себя зарабатывать деньги и употреблять ихъ на себя“ (ib.), или жена одного изъ братьевъ „задорная женщина и на спокойствіе въ семьѣ нѣтъ надежды“ и т. п.— и судъ постановляетъ раздѣлъ. За то съ другой стороны,

судъ не разрѣшаетъ раздѣла, разъ есть надежда на то, что семейныя дѣла пойдутъ гладко. Въ одномъ интересномъ дѣлѣ между родными братьями приводится содержаніе трехъ предыдущихъ рѣшеній суда: всѣми ими запрещалось братьямъ дѣлиться, но, наконецъ, раздѣлъ фактически произошелъ помимо суда, какъ видно изъ дѣла, по невозможности братьямъ сжиться (Бобр.). Въ другихъ случаяхъ иногда приводятся и аргументы, почему раздѣлъ воспрещается: „семья малы, чтобы жить отдѣльно“, говоритъ одно дѣло, мотивируя отказъ. Но у суда есть еще одинъ важный аргументъ для отказа въ раздѣлѣ: нежеланіе раздѣла со стороны старшаго въ семьѣ—отца, брата, примака и пр., вообще „хозяина“—служить самою вѣскою причиною для отказа; судъ въ такихъ случаяхъ не только отказываетъ зачинщикамъ раздѣла, но и наказываетъ ихъ за неповиновеніе „старшему въ домѣ“. Такого рода факты настолько многочисленны, что нѣтъ нужды приводить отдѣльныхъ примѣровъ; слѣдуетъ только отмѣтить, что въ южной полосѣ Минской губ. и случаевъ отказа встрѣчается больше, и мотивировка, только что указанная, встрѣчается чаще. Только выясненіе полной невозможности дальнѣйшаго существованія семьи нераздѣльно, или выясненіе неодобрительныхъ поступковъ хозяина по отношенію къ младшимъ членамъ семьи, можетъ побудить судъ обратить вниманія на протесты представителя семьи.

Стремясь предупредить раздѣлы, судъ иногда прибѣгаетъ къ средней мѣрѣ, въ практичности которой можно усомниться: онъ предписываетъ раздѣлиться движимымъ имуществомъ, жить въ отдѣльныхъ избахъ, но владѣть землею сообща. (Пин.). Въ одномъ случаѣ, судъ потребовалъ такого общаго владѣнія землею отъ братьевъ, раньше раздѣлившихся (Бобр.). Мало того, судъ готовъ преслѣдовать того изъ братьевъ, который отдѣлится самовольно, безъ согласія остальныхъ: въ такихъ случаяхъ онъ иногда налагаетъ наказаніе, а иногда, подтверждая раздѣлъ, лишаетъ виновника его извѣстной части семейнаго имущества, по крайней мѣрѣ движимаго (Пин.).

Таковъ взглядъ суда на раздѣлъ, и едвали нужно доказывать, что онъ отражаетъ въ себѣ представленія большей

части, наиболѣе консервативной, крестьянскаго общества: практика суда вполне сходится съ впечатлѣніями наблюдателя ¹⁾.

Отцы не всегда надѣются, что послѣ ихъ смерти дѣти долго проживутъ вмѣстѣ. Вотъ почему нѣкоторые заранее готовятъ все нужное для раздѣла: строятъ общими силами семьи избы и др. хозяйственные постройки для каждаго сына и пр. Бываютъ раздѣлы и при жизни отца; иногда даже отецъ предлагаетъ сыновьямъ мирно раздѣлиться и дѣлится ихъ самъ, оставаясь или при одномъ изъ сыновей (обыкновенно младшемъ) или, если можетъ еще работать, оставляя себѣ часть равную съ сыновьями; отецъ не можетъ надѣлать своихъ сыновей по своему усмотрѣнію: въ случаѣ малѣйшаго отступленія судъ уравниваетъ права отца съ сыновьями и заставляетъ его дать имъ равныя части ²⁾. Если отецъ имѣетъ младшихъ сыновей и выдѣляетъ старшаго сына, то обязанъ ему дать равную часть, но при передѣлѣ земли, когда подрастутъ малолѣтніе, сынъ обязанъ возвратитъ свою землю и раздѣлиться съ братьями поровну (Пин.). Отецъ оставляющій занятіе хозяйствомъ, можетъ

¹⁾ Къ нашимъ личнымъ наблюденіямъ прибавимъ еще одинъ отзывъ восточнаго жителя бѣлорусской деревни: „Народъ считаетъ раздѣлы разрушителями хозяйства; въ особенности же ими недовольны старики; молодые же ищутся съ раздѣлами, какъ съ неизбежнымъ зломъ потому именно, что никакъ не могутъ удержать своихъ женъ отъ ссоръ съ прочими членами семьи“ и пр. (П. П. Демидовичъ).

²⁾ Приведемъ слѣд. выдержку изъ одного рѣш. суда Пинскаго у.: Михаилъ Слижъ просилъ рассмотреть дѣло „о завладѣніи его частью земли и сѣнокоса отцомъ его Василиемъ и братомъ Еремѣемъ, за которую онъ улачиваетъ ежегодно, а также гумна и хлѣба, засѣяннаго ими на его части земли рожью, не давая. А потому проситъ о вышензложенномъ удометвореніи. Вслѣдствіе сего былъ спрошенъ отецъ Михаила Василій, который показалъ, что онъ третью часть земли отдалъ сыну Михаилу, которую онъ нынѣ пользуется, изъ строеній слѣдующую ему часть получилъ, а гумна ему не слѣдуетъ. Что же касается до засѣяннаго хлѣба, то такового не давалъ и давать не намѣренъ. Судъ рѣшилъ: крестьянинъ Василій Слижъ обязанъ дать сыну своему Михаилу въ добавокъ къ нынѣшнимъ у него строеніямъ, еще двѣ стѣнки отъ гумна, а также изъ засѣва ржи 80 сноповъ, кромѣ сего предоставляется право рядовому Михаилу Слижу совмѣстно съ отцомъ и братомъ пользоваться доходами съ 1/2 части земли и сѣнокоса“.

удержать себѣ часть земли (обыкновенно седьмую) и передать ее до своей смерти тому сыну, у котораго онъ живетъ; объ этой землѣ мы уже говорили.

Послѣ раздѣла, каждый изъ раздѣлившихся имѣетъ право распорядиться своимъ участкомъ, какъ ему угодно. Одинъ крестьянинъ, уже раздѣлившійся съ братомъ, пожелалъ взять примака къ своей дочери и передать ему землю, такъ какъ сыновей у него не было. Но братъ его воспротивился. Дѣло было представлено на судъ и онъ рѣшилъ, что всякій изъ братьевъ можетъ по своему усмотрѣнію передавать землю послѣ раздѣла (Пин.).

Выше шла рѣчь о дѣлѣжѣ имущества при жизни отца. Но если отецъ умираетъ, не раздѣливъ сыновей, то раздѣлъ въ такомъ случаѣ опредѣляется или завѣщаніемъ или обычаемъ, хотя завѣщаніе едва ли когда либо противорѣчитъ обычаю.

Только въ послѣдніе годы бѣлоруссы чаще и чаще обращаются къ письменнымъ завѣщаніямъ. Обыкновенно же все, что завѣщаетъ отецъ своимъ сыновьямъ—это жить мирно, не спорить, жить вмѣстѣ, а если и дѣлиться, то по любви, безъ дракъ, не проклиная имени отца. Эти увѣщанія отца къ дѣтямъ очень обычны: они считаются какъ бы священною обязанностью бѣлорусса, они же вмѣстѣ съ предсмертнымъ благословеніемъ считаются самымъ дорогимъ завѣтомъ для сыновей. Бѣлоруссъ умираетъ очень спокойно и прямо смотритъ въ глаза смерти. На смертномъ одрѣ онъ съ мельчайшими подробностями рассказываетъ сыновьямъ, какъ они должны жить и какъ и чѣмъ дѣлиться; только сдѣлавъ такое „наказаніе“ и благословивъ дѣтей, онъ считаетъ свой жизненный долгъ исполненнымъ.

Предсмертное „наказаніе“ замѣняется или дополняется письменнымъ актомъ, когда хозяинъ предвидитъ раздоры въ семьѣ при дѣлѣжѣ. Убѣжденный ходомъ окружающей жизни, старикъ рѣшается завѣщаніемъ напередъ распределить имущество между сыновьями ¹⁾. Если раздѣлы между родными

¹⁾ Напр., изъ Бобр. у.: Я, Колосенко, будучи въ настоящее время уже въ дряхлости и старости, но при здоровомъ умѣ, имѣя двухъ сыновей Мартина и

братьями далеко не всегда совершаются гладко, то тѣмъ болѣе трудно отстоять свои права примаку, сдольнику, приемышу. Неудивительно поэтому, что завѣщанія въ пользу послѣднихъ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ завѣщанія въ пользу родныхъ сыновей. Такъ, дядя дѣлаетъ устное завѣщаніе при свидѣтеляхъ о раздѣлѣ земли между племянникомъ, которому назначаетъ одну треть ея, и примакомъ, получающимъ остальные двѣ трети (Шин.). Легко можно предположить, что раздѣлъ между племянникомъ и примакомъ могъ бы повести къ цѣлому ряду споровъ¹⁾. Весьма понятно также желаніе примака или сдольника, право на землю ко-

Сафона, оба семейные, пожелалъ распредѣлить при моей жизни принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущихъ возникнуть послѣ моей смерти между моихъ сыновьями споровъ и тяжбъ. Принадлежація мнѣ постройки я распредѣляю такъ: Мартинъ долженъ получить въ свое пользованіе одинъ новый домъ съ сѣнями, два скотскихъ сараевъ, одинъ сарай для овецъ и одинъ сарай для свиней, одну варивню, одну влѣтъ и одну пуню; всѣ означенныя постройки въ настоящее время находятся уже въ пользованіи Мартина. А другому сыну Сафону я отдаю старый домъ съ сѣнями, 2 сараевъ, варивню, влѣтъ и гумно съ овинною; также и эти строенія находятся въ пользованіи Сафона. Все остальное принадлежащее мнѣ имущество должно находиться въ пользованіи такъ, какъ оно находится въ настоящее время, и ни одинъ изъ моихъ сыновей не имѣетъ права протестовать за имущество къ другому.

1) Приведу еще одно рѣшеніе Горб. в.: Я, Андрей Шереметь, будучи въ настоящее время въ престарѣлыхъ лѣтахъ, но при здоровомъ умѣ, имѣю двухъ дочерей, старшая Александра и младшая Ирина, изъ которыхъ къ Александрѣ въ настоящее время принимаю въ мужа Ивана Севруна, пожелалъ заблаговременно распредѣлить между ними принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущаго возникнуть послѣ моей смерти спора о такомъ. Принадлежащее мнѣ движимое имущество и строенія я распредѣляю такъ: старшей своей дочери Александрѣ я завѣщаю жилой домъ съ сѣнями, 1 новый сарай, одного молодого мерина масти рыжей и двое старыхъ свиней, а младшей Иринѣ варивню, гумно, одного старого мерина и 2 свиней. Прописаннымъ выше имуществомъ дочери мои Александра и Ирина могутъ воспользоваться лишь послѣ моей смерти, но если младшая дочь Ирина еще при моей жизни или послѣ моей смерти выйдетъ замужъ въ другое семейство, т. е. не приметъ мужа къ себѣ на мое хозяйство, то она имѣетъ право взять себѣ въ видѣ приданаго описанный ей выше скотъ, а завѣщанными ей строенія должны оставаться на мѣстѣ и перейти въ собственность старшей дочери Александры, въ собственность которой по выходѣ Ирины въ замужество въ другое семейство остается и все положительно принадлежащее мнѣ имущество, кромѣ упомянутаго Иринѣ приданаго.

торыхъ основывается на обычай, утвердить за своими наследниками землю. Такъ, напр., отчимъ-примакъ, владѣвшій въ качествѣ хозяина-примака землею пасынка, дѣлаетъ письменное духовное завѣщаніе въ пользу и пасынка и своихъ дѣтей (Пин.) и т. д. Завѣщаніе матери намъ встрѣтилось всего одно, но и оно передаетъ волю ея покойнаго мужа, выраженную имъ при своемъ духовномъ отцѣ. При отсутствіи завѣщанія порядокъ раздѣла покоится на обычай.

При жизни отца раздѣлъ совершается весьма просто: неизвѣстны даже случаи приглашенія постороннихъ лицъ для совершенія раздѣла. Братья, если дѣлятся въ согласіи, иногда обходятся безъ постороннихъ лицъ. Но въ спорныхъ случаяхъ присутствіе послѣднихъ обязательно. Иногда дѣлящіеся приглашаютъ только близкихъ людей, родственниковъ, но бываютъ раздѣлы и при стеченіи 20 человекъ (Пин.), съ участіемъ сельскаго старосты, или даже всего сельскаго общества: большинство раздѣловъ довольствуется присутствіемъ третьихъ лицъ, но иногда составляется ими же письменный актъ ¹⁾.

¹⁾ Бобр. у.: 1892 года, октября 13 дн. Мы нижеподписавшіеся крестьяне Бобрыйскаго уѣзда, Горбацевичской волости, Сычковского общества, села Сычкова Онуфрій Федоровъ Гринюкъ, дер. Мирошина Михаилъ Тимофеевъ Сафонъ и застѣпка Краснаго Игнатій Бобоць, будучи приглашены по добровольному желанію вр. нашего общества, села Сычкова родными братьями Климонъ, Тимофеевъ и Савелиемъ Павловичи Зубовичами для раздѣла ихъ между собой снора въ отношеніи между ними ихъ движимаго и недвижимаго имущества и рѣшенія такового по нашему убѣжденію, осмотрѣвъ ихъ строевія мы рѣшили: 1-му Климу должно остаться изъ строеній жилой домъ съ сѣнцами, въ которомъ онъ живетъ, скотскій хлѣвъ и воловину пуня, а гумно пополамъ съ двоюроднымъ братомъ Платономъ Зубовичемъ. 2-му Тимофею должно остаться дворъ, жилая истопка, амбаръ, половина скотскаго хлѣва и половина запаснаго гумна, а 3-му Савелію должно остаться пяти-аршинный хлѣвъ дѣлнй и половина восьми-аршиннаго, а жилой домъ онъ построилъ новый. Имѣющимся у нихъ земля въ количествѣ 10½ дес. должна остаться въ общемъ пользованіи Клима и Тимофея Зубовичей, за которую они общими силами должны оплачивать денежные и отбивать натуральныя повинности, а брату ихъ Савелію они должны уступить безплатно кусокъ земли, гдѣ онъ построилъ себѣ жилой домъ, и дать ему же за причитающийся влагежъ сѣвокоса среднюю лучку въ уроч. Галахъ; и такъ какъ Тимофей и Савелій отошли отъ Клима по собственному желанію, то Тимофей и долженъ дать Савелію изъ своей части кусокъ нахатнаго поля въ уроч. подъ Василевчи, гдѣ уже онъ ни къ Климу, ни къ Савелію касаться не долженъ.

Нѣтъ нужды подтверждать особыми примѣрами права при раздѣлѣ отдѣльных членовъ семьи на общее имущество. Единокровные братья получаютъ равныя части отцовскаго имущества. Если дѣлится племянникъ съ дядьями, то онъ получаетъ часть, которая слѣдовала бы его отцу. Изба отцовская переходитъ къ младшему изъ братьевъ съ тѣмъ однако, что онъ помогаетъ въ постройкѣ старшимъ; если отцовская изба весьма плоха, то младшему брату надбавляется что-либо изъ построекъ. Надворныя постройки дѣлятся поровну, по стѣнкамъ. Если одинъ изъ братьевъ не участвовалъ въ возведеніи той или иной постройки (будучи, напр., въ солдатахъ или на заработкахъ въ свою пользу), то онъ и не получаетъ изъ нея соотвѣтственной части. Тоже примѣняется и въ томъ случаѣ, если братъ не жилъ въ семьѣ при покупкѣ скота, посѣвѣ хлѣба и пр. Надо имѣть въ виду, что если братья единокровные въ малолѣтствѣ не живутъ на землѣ отца, уходятъ съ матерью къ отчиму, то они не теряютъ правъ своихъ на землю. Съ другой стороны, необходимо напомнить, что при раздѣлѣ принимается въ расчетъ и то, всѣ ли братья одинаково трудились на общей землѣ. Если одинъ изъ нихъ не работалъ въ семьѣ по собственному желанію, уйдя напр. въ пріемы или въ пріемыши, то такой земли не получаетъ.

Всякаго рода обязательства, напр. долги, принятые на себя главою семьи, отчимомъ, старшимъ братомъ и др., въ имущественномъ отношеніи падаютъ на всѣхъ тѣхъ, кто владеетъ имуществомъ ¹⁾.

¹⁾ Крест. дер. Боларъ Паниратъ Курильчикъ жаловался на крест. дер. Осова Давида, Федора и Андрея Бебчиновъ, которые не отдають ему 10 рублей, одолженныхъ у него ихъ покойнымъ отцомъ, и кромѣ того Давидъ Бебчикъ, какъ старшій въ семьѣ послѣ смерти отца, взялъ у него одинъ возъ сѣна и пару колесъ, за что ему также не платитъ. Просить взыскаъ съ отвѣтчиковъ 16 р. Отвѣтчики показали: Давидъ Бебчикъ, что дѣйствительно отцовскаго долга осталось 10 р., и кромѣ того, когда они братья жили еще вмѣстѣ, онъ бралъ у Курильчика и въ сѣна и пару колесъ для общаго ихъ хозяйства, за что еще неуплачено. Андрей и Федоръ Бебчики показали, что Курильчикъ собственно желаетъ, чтобы съ нихъ взыскаъ 16 руб. въ пользу зятя своего, а ихъ брата Давида, почему онъ и признаетъ этотъ долгъ, но въ сущности онъ уже уплаченъ. Волостной судъ во выслушаніи сторонъ, предлагалъ дѣло кончить

По опредѣленности правовыхъ нормъ съ правами братьевъ надо сопоставить права сдольниковъ, примака или приемыша. Ихъ участіе въ общесемейномъ имуществѣ зиждется на обычай или на письменномъ договорѣ, который приходитъ въ послѣднее время въ подкрѣпленіе обычая. Общественное мнѣніе о такихъ лицахъ наводитъ справку въ одномъ направленіи: было ли оно въ семьѣ семьявиномъ, или простымъ рабочимъ. Въ первомъ случаѣ они получаютъ часть земли или опредѣленную договоромъ, или равную съ остальными сонаслѣдниками. Выше было достаточно говорено о правахъ приемныхъ членовъ семьи въ общее имущество, и здѣсь нѣтъ нужды повторять прежнее.

Гораздо труднѣе опредѣлять права наслѣдованія такихъ лицъ, которыя не являются сыновьями, родными или приемными, оставившаго имущество лица. Практика волостного суда имѣетъ мало случаевъ высказаться по этому поводу, понятія крестьянской среды также смутны. И это вполне понятно. Стоитъ ближе взглянуть въ народную жизнь, чтобы убѣдиться въ томъ, что имущество, земельное и движимое, рѣдко остается безъ прямого наслѣдника.

Юридическія права на имущество крестьянинъ получаетъ только при образованіи собственной семьи — съ женитьбой. Но если безсемейный крестьянинъ умираетъ до раздѣла, то его жена уходитъ изъ семьи покойнаго, а имущество его остается въ средѣ этой послѣдней. Если крестьянинъ отдѣлился (что съ безсемейными опять таки бываетъ очень рѣдко) и умеръ, оставивъ послѣ себя жену или дочерей, то онѣ имѣютъ возможность завладѣть землей, если останутся на ней, принявъ къ себѣ примака или сдольника. Только тогда, если ни жена, ни дочь не остаются на землѣ, можетъ быть рѣчь о наслѣдникѣ. Въ этомъ случаѣ передача земли зависитъ отъ сельскаго общества, которое далеко не всегда справляется, при передачѣ земли, съ родственными отношеніями: оно, правда, предпочитаетъ передать землю родствен-

иномъ, но за непослѣдованіемъ такового, судъ, признавая жалобу Курильчича основательною, рѣшилъ: взыскать съ Давида, Андрея и Федора Бебчиновъ для Павлрата Курильчича всего 18 руб. (Горб. в.).

нику покойнаго, но наименѣе обезпеченному землей или совсѣмъ безземельному, причемъ близость родства не имѣетъ особеннаго значенія.

Право женщины на наслѣдованіе землею зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: уходитъ ли она въ чужую семью, или вѣтъ. Въ первомъ случаѣ женщина никоимъ образомъ не получаетъ части земли. Это одинаково относится какъ къ вдовѣ, послѣ мужа которой остается земля безъ наслѣдниковъ¹⁾, такъ и къ незамужнимъ. При назначеніи опеки надъ пятью малолѣтними сиротами, среди которыхъ были двѣ дѣвочки, сельскій сходъ Побоквичскаго общества (Бобр. у.) задался вопросомъ: кто по существующимъ мѣстнымъ обычаямъ въ обществѣ долженъ почитаться наслѣдникомъ на оставшееся имущество? Сходъ нашелъ, что мѣстный обычай по наслѣдовавію имуществомъ существуетъ такой: прямыми наслѣдниками считаются дѣти мужескаго пола, а женщины имѣютъ право получить изъ имущества при выходѣ въ замужество лишь приличное состоянію приданое, но наслѣдница женщина, оставшаяся на хозяйствѣ отца и принявшая къ себѣ примака, имѣетъ равныя права на наслѣдованіе имуществомъ наравнѣ съ наслѣдниками мужескаго пола; каковой обычай наслѣдованія и примѣнить къ малолѣтнимъ Селивановичамъ⁴⁾.

¹⁾ Выпись изъ рѣш. вол. суда Горбацевичской волости: Волостные судьи въ засѣданіи своемъ слушали: прошеніе кр. дер. Дѣдково Пелагеи Гавриловой Росликъ объ отнатиі отъ нея десятины земли, надѣленной на перваго ея мужа солдата Осипа Шпила, переданной бывшимъ старшиной солдаткѣ Екатериной Головачъ въ дер. Побоквичалъ. На судѣ изъ полсеиия сторонъ и свидѣтельскихъ показаній оказалось слѣдующее: просительница Пелагея Росликъ за смертію ея перваго мужа солдата Осипа Шпила 10 лѣтъ уже вышла вторымъ бракомъ за крест. дер. Дѣдково Парфена Рослика, который имѣетъ хозяйство и новый участокъ земли; десятина же земли, надѣленная на ея перваго мужа солдата Осипа Шпила, какъ оставлена просительницею, и какъ (просительница) не имѣетъ дѣтей отъ перваго мужа, б. старшиною передана солдаткѣ Екатеринѣ Головачъ съ согласія общества. По выслушаніи обстоятельствъ дѣла постановили: десятину земли, надѣленную и записанную по вышупнимъ документамъ при дер. Побоквичалъ на солдата Осипа Шпила, который послѣ смерти какъ не оставилъ наслѣдниковъ и жена его Пелагея Гаврилова вышла вторымъ бракомъ въ дер. Дѣдково, въ домогательствѣ ей отказать, а землю признать въ пользу солдатки Екатерины Головачъ.

Рѣшеніе схода, равно какъ и рѣшеніе суда, приведенное въ примѣчаніи, вполне раскрываютъ народный взглядъ на наследованіе женщины; въ словамъ его слѣдуетъ только прибавить, что такой взглядъ развитъ повсемѣстно въ изученномъ нами районѣ, и нѣтъ надобности приводить дальнѣйшихъ цитатъ.

Можно прибавить, что ссылка на „мѣстные обычаи“ особенно часто встрѣчается въ дѣлахъ, касающихся правъ наследованія женщины: волостной судъ, или сельскій сходъ несомнѣнно знаютъ, что мѣстный обычай въ данномъ случаѣ не сходится съ писаннымъ правомъ, и потому особенно настойчиво напоминаютъ о немъ.

Пока выяснится, останется ли вдова или дѣвушка на землѣ, или удалится въ другую семью, она сохраняетъ всѣ наследственные права на землю ¹⁾.

¹⁾ Приведемъ еще одно рѣшеніе суда, любопытное по своей сложности: обстоятельства дѣла слѣдующія: послѣ смерти крест. дер. Атрошковичъ Василя Семенова Рутки родныхъ дѣтей не осталось, а только надчерица Магдалина Осипова и ея мужъ Петръ Ошурко, которые и до смерти своей владѣли имуществомъ Рудки, а послѣ смерти ихъ остались дочери Домна, Целагея, Макрина, Грипина и Фрузина. Изъ нихъ на старшей Домнѣ женился крест. дер. Петровичъ Лука Бородинъ и завладѣлъ имуществомъ Василя Рудки. А какъ послѣднего племянникъ записалъ въ одномъ семействѣ по X народной переписи Илья Рудко, то и предъявилъ права на имущество Василя Рудки. Никѣ на судѣ крест. Лука Бородинъ объяснилъ, что 7 лѣтъ тому послѣ смерти Петра Ошурки, онъ былъ работникомъ въ хозяйствѣ Ошурки, а потомъ остался хозяиномъ, какъ женился на старшей дочери Петра Домнѣ, и владѣетъ имуществомъ по праву наследства жены Домни Петровой. Илья Рудко объяснилъ, что ранѣе не предъявлялъ правъ на имущество для Василя Рудки, какъ состоялъ приемшемъ въ дер. Забудкахъ Городковской волости, но за возрастомъ сноровой у тестя и вѣтшенія его изъ хозяйства тестя, онъ, оставшись безземельникъ, предъявилъ права на имущество дяди изъ 1883 г., и съ тѣхъ поръ производилось дѣло въ разсмотрѣніи сельскаго схода и нѣсколько разъ волостнаго суда. Свидѣтели подтвердили жалобу Илья Рудки. По выслушаніи обстоятельствъ дѣла судъ нашелъ: хотя дѣйствительно по X народной переписи по дер. Атрошковичи въ одномъ семействѣ записанъ Василій Рудко, его племянникъ Никифоръ съ отѣткою „рекрутъ“ и послѣднего снѣхъ Илья, и по вышуннымъ документамъ участокъ земли записанъ на Василя Рудка, но такъ какъ Илья Рудко не жилъ въ семействѣ Василя, а жилъ приемшемъ къ дочери Магдалинѣ Петръ Ошурко и отъ нихъ происходятъ дѣти Домна, Целагея, Макрина, Грипина и Фрузина, восстановили: все имущество Василя Рудки предоставитъ въ пользу дѣтей Петра Ошурки: Домни, Целагея, Макрины, Грипини и Фрузини.

Если бы по малолѣтству дочерей земли отца была захвачена кѣмъ нибудь, то дочери имѣютъ право требовать землю назадъ (Пин.). Если дочерей нѣсколько, то всѣ онѣ признаются наследницами въ равныхъ доляхъ (Пив.) При раздѣлѣ дочь или мать, принявшія примака, уравниваются въ правахъ на землю съ другими членами семьи: извѣстны многочисленныя случаи, когда женщина получаетъ часть земли такую же, какъ и братья. Изъ одного дѣла видно, что дочери дана была равная часть съ семьяниномъ примакомъ, принятымъ ею отцомъ къ своей племянницѣ, — „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ“. Въ другомъ случаѣ судъ раздѣлилъ дочь и ея мужа примака съ матерью, принявшею тоже примака, в опредѣлилъ имъ пользоваться равными долями (Пин.).

Такимъ образомъ, права дочерей на землю ограничиваются лишь такими случаями, когда отецъ, отдѣлившись отъ своей семьи, не оставилъ мужескаго потомства, и когда эти дочери остаются на своей землѣ, принимая къ себѣ примаковъ: въ такомъ же отношеніи стоитъ жена къ мужниной землѣ.

Для полноты остается отмѣтить о правахъ наследованія по женщинѣ. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о движимомъ имуществѣ. Материнское приданое и сбереженія переходятъ къ дочерямъ, и даже мать не можетъ взять приданое покойной дочери, если у послѣдней остались дочери; если ихъ нѣтъ, то приданое возвращается въ родную семью.

Обычное право, въ разныхъ углахъ изслѣдованнаго района, смотритъ совершенно одинаково на *опеку*, на то, кто можетъ быть опекуномъ и въ чемъ ея суть. Разнообразіе заключается не столько въ пониманіи обычнымъ правомъ своей задачи, сколько въ чисто внѣшней сторонѣ дѣла: въ однихъ мѣстностяхъ, преимущественно въ южныхъ, сельскій сходъ составляетъ изустныя приговоры, въ другихъ—всякій приговоръ заносится въ соответственную книгу волостнаго правленія. Высшее попеченіе надъ сиротами находится въ рукахъ сельскаго схода.

Для него опека имѣетъ двойное значеніе: онъ наблюдаетъ за „воспитаніемъ“ сиротъ, т. е. за тѣмъ, чтобы было ихъ кому одѣвать и кормить, и за исправнымъ взносомъ податей

съ того участка земли, который принадлежит малолѣтнимъ; къ этому надо присоединить и заботы о дѣлности опекаемаго имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго. Если сироты необеспечены землей, то сходъ старается пристроить ихъ приемышами въ болѣе состоятельныя семьи.

Когда нужно назначить опеку, сходъ собирается и составляетъ приговоръ, въ которомъ называются имена опекуновъ, перечисляется движимое и недвижимое имущество опекаемыхъ, опредѣляется срокъ опеки (до совершеннолѣтія старшаго изъ опекаемыхъ мальчиковъ или до выхода дѣвочекъ замужъ) и даются наставленія о томъ, чтобы имущество было сохранено въ дѣлности и подати уплачивались бы аккуратно. Нѣтъ нигдѣ намёка на то, чтобы опекаемые получали что нибудь вродѣ аренды съ земли; опекунъ обязанъ только платить за нихъ подати и кормить ихъ; даже изъ скота къ концу опеки онъ обязанъ сохранить то же количество, которое получаетъ въ попеченіе, рѣдко говорится о томъ, что приплодъ составить собственность дѣтей. Такимъ образомъ за заботы о малолѣткахъ опекунъ получаетъ доходъ съ земли и имущества.

Однако, всё эти сложныя формальности опеки имѣютъ мѣсто тогда, когда въ семьѣ не осталось старшаго, хозяина: среди многочисленныхъ приговоровъ не удалось встрѣтить такого, который бы поручалъ опеку старшему брату—представителю семьи, дядѣ въ нераздѣлившейся семьѣ и т. п. Впрочемъ естественно, что сходъ въ этомъ случаѣ не считаетъ вужнымъ вмѣшиваться въ дѣла семьи: оставшійся его представитель является опекуномъ малолѣтнихъ и плательщикомъ податей. Встрѣчаются случаи порученія опеки приемышу надъ дѣтьми приёмнаго отца, или примаку, вошедшему въ домъ къ старшей изъ малолѣтнихъ уже по смерти отца. Въ такомъ случаѣ къ мужу переходитъ опека и надъ женою до раздѣла ея съ остальными сонаслѣдниками, или ихъ совершеннолѣтія.

Если у малолѣтнихъ есть мать, то дѣти поручаются ей, а веденіе хозяйства возлагается на особо назначенныхъ опекуновъ въ томъ случаѣ, если мать не намѣрена вести его сама. Такъ, въ одномъ случаѣ сельскій сходъ назначаетъ

опекунами мать и еще двоихъ крестьянъ, хотя высшій надзоръ за дѣтьми онъ оставляетъ за собой. Можно даже указать приговоръ схода, назначающій опекуна, при жизни матери дѣтей безъ указанія на то, сохраняетъ ли она права опеки надъ дѣтьми или устраняется. Но эти единичные случаи, можетъ быть объяснимы какими-либо особыми условіями, не измѣняютъ однако повсемѣстнаго представленія, по которому мать имѣетъ неотъемлемое право опеки: она распоряжается имуществомъ, совершаетъ за опекаемыхъ сдѣлки и пр. ¹⁾.

Другое дѣло если сходу приходится заботиться о сиротахъ не только по отцу, но и по матери. Въ такомъ случаѣ онъ назначаетъ опекунами ближайшихъ родственниковъ и усиливаетъ надъ ними контроль, смѣняетъ ихъ и пр.

Необходимо отмѣтить еще и то, что сельскій сходъ беретъ въ опеку только сиротъ. Извѣстны случаи, когда сходъ назначаетъ опеку надъ семьей, представитель которой боленъ, вести хозяйства не можетъ, а въ семьѣ одни малолѣтки, безъ хозяйки ²⁾.

¹⁾ Приведемъ по этому поводу рѣшеніе Горбачевич. вол. суда (1891 г.): Крестьянка дер. Старинныхъ Палаговъ Курильчикъ жаловалась на братьевъ покойнаго мужа ея Устина, Леона и Григорія Курильчиковъ, которые забрали въ свое пользованіе всю землю, у нихъ находящуюся, а ей ничего не дадутъ, такъ что она не имѣетъ гдѣ посадить картофель. Такъ какъ послѣ смерти мужа остался сынъ Антонъ 14 лѣтъ—она желаетъ его отдать въ дядѣ его, т.е. въ брату мужа ея Устину Курильчику, почему и проситъ судъ слѣдующую часть земли передать въ пользованіе Устина, при которомъ будетъ находиться сынъ ея Антонъ. Отвѣтчики показали: Устинъ, что онъ согласенъ принять къ себѣ Антона съ тѣмъ, чтобы часть его земли находилась у него; Леонъ, что согласенъ отдать часть Антону но совершеннолѣтн его;—Григорій, что онъ засѣлъ одинъ загонъ картофеля Пелагеѣ и больше дать не хочетъ. Волостной Судъ, по выслушаніи сторонъ, предлагалъ дѣло кончить миромъ, но за непослѣдованіемъ онаго, признавая жалобу Пелагеи основательною, рѣшилъ: предоставить Устину Курильчику право пользоваться одною четвертою частію земли изъ общаго ихъ надѣла, принадлежащей малолѣтнимъ Курильчикамъ, съ тѣмъ, что они должны будутъ находиться на полномъ его попеченіи.

²⁾ 1877 года, апрѣля 21 дня, Ми нижеподписавшіеся крестьяне дер. Бояръ, собравшись на деревенскій сходъ и въ присутствіи нашего сельскаго старости, разсуждали между собою о томъ, что односельецъ нашей деревни крестьянинъ Григорій Рудикъ совершенно больной, такъ что нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе, и онъ не имѣетъ жены, а имѣетъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей—сына Василія и дочерей Матрону и Прасковію, за которыми нуженъ присмотръ, а

На обязанности опекуна, какъ сказано, лежитъ наблюдение надъ дѣтьми и сохранение имущества. Опека прекращается, когда дѣвушки выходятъ замужъ и парни женятся. По отношенію къ первымъ, если дѣвушка выходитъ въ чужую семью, на обязанности опекуна лежитъ выдача ей приданого „по состоянію“. Если дѣвушка живетъ въ семьѣ брата, то та же обязанность лежитъ на немъ.

Мы разсмотрѣли строй бѣлорусской семьи и нормы обычного права, которыми она регулируется. Нашъ бѣглый очеркъ достаточно свидѣтельствуетъ, что обычай въ данное время слабѣетъ въ крестьянской средѣ, уступая новымъ жизненнымъ условіямъ. Но и то, что осталось въ настоящемъ, представляетъ глубокий научный интересъ, который способенъ еще болѣе возрасти, при сопоставленіи настоящаго съ прошлымъ. Рядомъ съ семейною общиною, состоящею изъ родственниковъ, въ крестьянской средѣ бытуетъ община, составляющаяся искусственно. Прототипъ такой семьи можно бозошибочно указать въ дворищъ-службѣ періода Литовско-русскаго государства; въ основѣ своей дворищеносило семейно-родовой характеръ, хотя и тогда уже сябры не всегда были связаны кровнымъ родствомъ. Въ XV—XVI в. преобладающею формою крестьянскаго землевладѣнія—было сложное

также и за самимъ Григоріемъ, для того единогласно приговорили: для досмотра за Григоріемъ Рудякомъ и его дѣтьми назначить опекуна крест. дер. Болръ Семена Шмиока съ тѣмъ, что онъ обязанъ при всѣхъ взять къ себѣ на свое иждивеніе, принадлежащую землю Григорію Рудяку, $\frac{1}{2}$ надѣла отдать въ пользование Шмиоку на восемь лѣтъ, Семенъ обязанъ платить за Григорія всѣ казенныя повинности и за землю выкупной платѣжъ, а такъ какъ у Григорія Рудяка есть движимое имущество: два вола, одна корова и одна свинья, жилой домъ, амбаръ, варница и хлѣвокъ, то это должно находиться въ распоряженіи Семена Шмиенка въ теченіе 8 лѣтъ, а по истеченіи этого срока когда сынъ Василій будетъ совершеннолѣтнимъ, Семенъ Шмиокъ обязанъ землю ему возвратить, а также и движимое ему имущество; строенія Шмиокъ обязанъ поддерживать, дабы не приходили въ ветхость. Нынѣ же на Григоріи числится много казенной недоимки и онъ не имѣетъ денегъ очистить оную, то предоставить право Шмиоку одного вола продать и такую пополнить: когда Григорій умретъ, то Шмиокъ обязанъ похоронить его по христіанскому обряду.

дворище, но, оно какъ тогда такъ и теперь, не сосуществовало рядомъ съ формой малой семьи. Мало того, можно даже указать на то, что способы и причины образования семейной общины нѣсколько вѣковъ тому назадъ часто во многомъ совпадаютъ съ нынѣшними: пріемъ въ семью „за сына мѣсто“, какъ выражаются документы, большой надѣлъ при маломъ числѣ рабочихъ рукъ и очевидныя выгоды сибриннаго владѣнія — побуждали соединяться нѣсколько семействъ въ одно дворище; наоборотъ, малоземельность, обиліе рукъ заставляли семью дѣлиться и младшихъ членовъ ея уходить „на свой хлѣбъ“. Въ самой организаціи семейной общины, въ характерѣ, напр., власти отца, порядкѣ наследованія и опеки и пр., можно найти типическія черты которыя легко сопоставить съ бытомъ отдаленнаго прошлаго.

М. Довнаръ-Заловскій.

КОЕ-ЧТО ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРИМѢТЪ,

касающихся погоды и урожая.

(Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія и быта крестьянъ Купянскаго уѣзда).

Чѣмъ полнѣе и глубже изучаются повѣрья, обычаи и обряды малороссовъ, тѣмъ чаще открываются, тѣмъ яснѣе обнаруживаются слѣды вліяній, между прочимъ, древняго классическаго греко-римскаго міра на славянъ. Таково мнѣніе многихъ изъ нашихъ ученыхъ. Такъ, напр., въ статьѣ: „Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу“ проф. Н. Θ. Сумцовъ говорить: „Вліяніе отдаленнаго Рима на славянскую, въ частности южнорусскую обрядность, не можетъ быть отвергаемо“ (стр. 9). И далѣе: „Здѣсь естественно возникаетъ мысль, что между древними классическими народами и славянами, и въ особенности той отраслю славянскаго племени, отъ которой впоследствии пошелъ южно-русскій народъ, было тѣсное общеніе и единеніе, не только племенное, по крови, но и духовное, культурное, общеніе сильное, глубокое, неуступающее по интенсивности общенію германскаго міра съ латинскимъ западомъ“ (стр. 23). Другіе наши ученые (акад. А. Веселовскій, проф. В. Θ. Миллеръ, покойный проф. Потебня) слѣды такого культурнаго общенія между славянами и греко-римлянами указали въ малорусскихъ колядкахъ и русской масляницѣ. Малорусскіи метеорологическія повѣрья, вообще, и примѣты погоды и урожая, въ частности, также заключаютъ въ себѣ, по моему мнѣнію, не мало отзвуковъ классической старины.

Матеріальное благосостояніе человѣка, а въ связи съ нимъ душевное его спокойствіе, довольство, радость и веселіе, или, наоборотъ, скудость, печаль и уныніе находятся весьма часто въ прямой зависимости отъ силъ и явленій природы. Сознаніе могущественнаго вліянія природы на жизнь людей заставило уже древняго человѣка обратить особенное вниманіе на ея явленія, какъ въ періодически повторяющіяся, неизмѣнныя въ своемъ величавомъ теченіи, такъ сказать, божественныя, такъ равно и на случайныя, нарушающія стройный порядокъ первыхъ, носящія на себѣ отпечатокъ какъ бы произвола, страсти, прихоти.

Настойчиво, но и до сихъ поръ тщетно, старается человѣкъ освѣтить искрой, похищенной отъ божественнаго огня, непроглядный мракъ начальныхъ причинъ, и страшно медленно, съ ошибками почти на каждомъ шагѣ, успѣваетъ, при слабомъ блескѣ ея, обслѣдовать да и то только частью міръ повседневныхъ явленій.

Уже первобытный человѣкъ пытался воздѣйствовать на таинственныя силы, коимъ онъ приписывалъ причину наблюдаемыхъ имъ явленій, усиливался направить послѣднія въ свою пользу, измѣнить ихъ, отвратить или, по крайней мѣрѣ, предугадать ихъ вредныя послѣдствія. И путемъ многовѣкового наблюденія явленій природы умъ человѣка подмѣтилъ если не причинную связь между ними, то все же извѣстную между нѣкоторыми изъ нихъ послѣдовательность. Это и дало основаніе къ установленію примѣтъ, по которымъ человѣкъ сталъ заключать отъ предшествующихъ къ послѣдующимъ явленіямъ и такимъ образомъ получилъ нѣкоторую возможность предохранять себя отъ ихъ вредныхъ вліяній.

Первоначально религія, а затѣмъ и наука стремились, и доселѣ стремятся, подчинить себѣ силы природы, присвоивъ имъ различныя наименованія, и направить ихъ на пользу человѣка. Молитвы, жертвоприношенія, заклинанія, съ одной стороны, наблюденіе, опытъ и его примѣненіе, съ другой, — вотъ средства, при помощи которыхъ и древній и современный человѣкъ пытался и пытается воздѣйствовать на природу, чтобы подчинить ея силы своимъ матеріальнымъ и духовнымъ нуждамъ.

Предусмотрительность—существенное отличіе культурнаго человѣка отъ дикаря. И вотъ уже на первыхъ ступеняхъ культуры высшіе классы первобытныхъ обществъ сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ учрежденія, устанавливающія и регулирующія отношенія народной массы къ силамъ природы и ихъ проявленіямъ. Предметы вѣшной природы отъ небесныхъ свѣтилъ до древеснаго угля, отъ парящаго въ выси орла до ползающаго по землѣ червя стали служить указателями и предсказателями будущихъ, какъ благопріятныхъ, такъ равно и неблагопріятныхъ событій. Составились правила молитвъ, жертвоприношеній, гаданій; установлены были обряды, явились календари.

Римскій календарь заключалъ въ себѣ почти тѣ же рубрики свѣдѣній, какія мы находимъ и въ нашихъ современныхъ календаряхъ. Въ немъ обозначались дни рабочіе, присутственные и неприсутственные, дни общественныхъ молитвъ, жертвоприношеній, очищеній, дни счастливые и несчастливые, дни благопріятные и неблагопріятные для разнаго рода сельскохозяйственныхъ работъ и занятій.

Римскій государственный культъ долженъ былъ внушительно дѣйствовать на болѣе юные славянскіе народы и оставить въ немъ глубокіе слѣды своего вліянія. Дѣйствительно, еще и донынѣ среди народовъ славянскаго племени хранится многое изъ древняго языческаго римскаго обычая и многое изъ старинной книжности, глубоко черпавшей изъ того же источника.

Если римскій понтифексъ, при появленіи новой луны, обращался къ богинѣ Юнонѣ, символическимъ образомъ которой служила луна, съ молитвеннымъ воззваніемъ о покровительствѣ нарождающемуся, молодому, то и современная малорусская дѣвушка, не зная о существовавшемъ нѣкогда обрядѣ, тѣмъ не менѣе, по традиціи, увидѣвъ новую луну, тоже молится и взываетъ: «Молодыкъ, якъ быкъ! тоби на сповня, мини на здоровья; тоби на свити свитыты, мини на свити жыты; тоби остры рогы, мини чорвы бровы!» И затѣмъ, не сходя съ мѣста, проситъ подать ей ножницы и отрѣзать три раза кончикъ косы. Отрѣзанные волосы она зарываетъ подъ правой ногой въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ

стоитъ. Иныя, впрочемъ, эти волоса закатываютъ въ сухой пометъ коровы и потомъ вмазываютъ его въ плетень, чтобы волоса плелись, коса лучше росла.

Правда, у всѣхъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и современныхъ, извѣстна масса вѣрованій относительно луны и вліянія двухъ ея фазъ, новолунія и полнолунія, на погоду и людскія дѣла, тѣмъ не менѣе возможно допустить, что большинство малорусскихъ аграрныхъ примѣтъ имѣетъ своимъ ближайшимъ источникомъ древній римскій культъ и, въ частности, древній римскій календарь. Конечно, теперь трудно или, точнѣе сказать, почти невозможно фактически доказать, положимъ, вліяніе римскихъ ауспицій на нынѣшнія народныя примѣты погоды по птицамъ или по внутренностямъ кабана. Но когда мы и въ наше время находимъ у народныхъ грамотѣевъ списки календарей прошлаго столѣтія и когда мы знаемъ, что рукописные календари, бывшіе въ употребленіи въ Польшѣ въ XIII вѣкѣ, содержали тѣ же свѣдѣнія о вліяніи планетъ и луны на человѣка и погоду, какія затѣмъ повторяются, съ незначительными измѣненіями, въ календаряхъ XVI, XVII и даже XVIII вѣковъ, то невольно составляетя не только предположеніе о возможности вліянія римскаго государственнаго культа на славянъ, но даже и увѣренность въ неизбѣжности такового вліянія и сохранения слѣдовъ его въ народной памяти.

Въ самомъ дѣлѣ, съ первыхъ вѣковъ христіанства и отцы церкви и соборныя постановленія часто и сильно говорятъ противъ примѣси языческихъ обрядовъ къ христіанскимъ, противъ вѣровавій древняго классическаго міра. Издается рядъ постановленій относительно употребленія книгъ вѣрующими, съ перечисленіемъ „еретическихъ книгъ, ихъ же не подобаеть чести православнымъ“, какъ вто обозначено, напр., въ такъ называемой Кирилловой книгѣ, столь почитаемой нашими старовѣрами въ слободахъ Ново-Николаевкѣ и Нижней-Дуванкѣ. Въ ней поименованы слѣдующія еретическія книги: „Мартолой, рекше Астрологъ, Астрономія, Землемѣріе, Чаровникъ, въ ней же суть дванадесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичьихъ, еже есть первое хранить тѣло свое мертво, летаетъ орломъ и истребомъ, и воровомъ, и

дятломъ, и рыщетъ лютымъ звѣремъ и рысью, и вепремъ дикимъ, и волкомъ, и медвѣдемъ, и лютымъ змѣемъ. Книга Грошникъ, Молніяникъ, Мѣсяць окружится, Коледникъ, Метаніе, Мысленикъ, Сносудецъ, Волховникъ, волхвующе птицами и звѣрями, еже есть сіе: храмина трещить, ухозвогъ, воронограй, куроликъ"... И далѣе: „Путникъ книга, въ ней же есть писано о стрѣчахъ коби всякія еретическія, и о часѣхъ добрыхъ и злыхъ, еже есть Богомъ отречено“ и т. д.

А между тѣмъ первые проникшіе изъ Польши въ Малороссію календари наполнены были не только предсказаніями о погодѣ и о времени, когда начинать работы, дѣлать покушки, но и „о днѣхъ, въ нихъ же достоить отъ всего хранитися: не врачевать человѣка, ни скота, кровь пускать, ни бравоу творить, ни дѣтей учить...“ Короче сказать, налагается все то, въ богѣе или менѣе категорической формѣ, противъ чего ратовала церковь. И календари съ такого рода свѣдѣніями получаютъ наибольшее распространеніе между церковниками, какъ лицами книжными и среди тогдашняго общества наиболѣе образованными, а черезъ нихъ календарныя свѣдѣнія проникаютъ и въ народную массу. Причемъ свѣдѣнія эти, сохраняя въ неприкосновенности почти всѣ свои древнія и средневѣковыя черты, постепенно пріобрѣтаютъ въ глазахъ народа извѣстный авторитетъ, такъ какъ для усиленія послѣдняго грамотѣи не стѣснялись включать ихъ и въ чтимые народомъ апокрифы, напр., въ „Сонъ Богородицы“, или происхожденіе ихъ приписывали разнымъ ученымъ и даже святымъ. Такъ въ находящемся у меня современномъ спискѣ «Сна Богородицы» помѣщена при концѣ апокрифа таблица „несчастливыхъ дней“, и о ней сказано: „Таблица эта составлена славнымъ европейскимъ астрологомъ Пибульскимъ, военнаго монастыря въ каменной стѣнѣ найдена была 165 года. Оный пишетъ, въ томъ году найдется 32 дня, въ которые не должно ничего начинать или совершать важнаго и никуда въ путь не отправляться. Кто въ эти дни родится, тотъ бываетъ небогаты, а кто заболѣетъ, не такъ скоро выздоровѣетъ, или если перейдетъ съ двора во дворъ, или съ службы въ службу, или изъ деревни въ деревню, — вездѣ за нимъ послѣдуетъ несчастье“.

Въ другомъ спискѣ начала текущаго столѣтія съ печатнаго календаря, носящаго заглавіе: „Календарь грекорусскаго сочиненія математики учителемъ Василюемъ Карифевымъ Ивасовскимъ. Печатано въ Кролевцѣ Прусскомъ отъ лѣта Господня 1730 года на сто лѣтъ“,—помѣщена слѣдующая таблица: Сентября 3—24, Октября 3—21, Ноября 5—11, Декабря 3—24, Генваря 2—13, Февраля 2—11, Марта 4—23, Апрѣля 5—20, Майя 6—21, Іюня 3, 12, 20, Іюля 3, 8, 21 и Августа 6 и 17. Затѣмъ прибавлено: „вышеписанныхъ мѣсяцевъ и чиселъ не дни, а минуты нѣкоторыя есть злыя“. А въ объясненіе къ ней сказано: „сія дни ихъ же прояви Богъ преподобному отцу Герасиму черноризцу Печерскому, въ нихъ же не подобаетъ ни садити, ни сѣяти.

Такимъ образомъ римскіе *nefasti dies*, пройдя долгій путь, являются въ концѣ 19-го вѣка у малорусскаго грамотѣя несчастными днями, за удостовѣреніемъ авторитетнаго для народной массы имени.

Хотя въ древней „Кормчей книгѣ“ и запрещаются всякія пированія и возліанія на могилахъ въ поминальные дни, однакожь обычай этотъ сохраняется кое-гдѣ и въ наше время. Хотя вѣра въ сглазъ, въ чохъ отнесена въ названной книгѣ къ числу еретическихъ, но, какъ древніе римляне почитали чиханіе хорошимъ предзнаменованіемъ, вѣрили сглазу, имѣли обычай оговариваться и отплеиваться, такъ и современный крестьянинъ-малороссъ неизмѣнно хранитъ все это въ числѣ своихъ исконныхъ обычаевъ и повѣрій.

При устойчивости формъ земледѣльческаго быта, тѣсно связаннаго съ явленіями окружающей природы, всѣ перемены въ послѣдней должны были вызывать усиленное вниманіе перваго земледѣльца и всѣ послѣдующія затѣмъ явленія должны были твердо запечатлѣваться въ его памяти и становиться достояніемъ послѣдующихъ поколѣній. Цвѣтъ неба, закатъ солнца и луны, блескъ звѣздъ, направленіе и сила вѣтра, движеніе и форма тучъ, крики животныхъ,—все служить предзнаменованіемъ будущей погоды, все становится практической примѣтой и всѣ такого рода примѣты закрѣпляются со временемъ письменностію.

Въ нашихъ письменныхъ памятникахъ 16-го вѣка встрѣ-

чается статья: „о́круженіе солнцу и луны“, въ которой, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Аще о́кружится мѣсяць августъ, рыбы и меду много будетъ. Аще о́кружится мѣсяць сентябрь, дожда много будетъ. Аще о́кружится октябрь, лѣто сухое будетъ...“ или: „Кольцо вокругъ солнца—къ ненастью. Кольцо вокругъ луны—къ вѣтру. Рога луны остры и ярки—къ ведру; круты—къ морозу; пологи—къ ненастью“ и т. д. Почти тѣже самыя примѣты относительно солнца и луны мы находимъ въ извѣстномъ съ прошлаго столѣтія письмовникѣ Курганова и въ собранныхъ нами, приводимыхъ ниже, мѣстныхъ народныхъ примѣтахъ.

Народныя примѣты аграрнаго характера:

ПРИМѢТЫ ПОГОДЫ И УРОЖАЯ.

А. Предсказанія погоды.

По небу.

1. Равній разсвѣтъ—къ хорошей погодѣ, поздній—къ ненастью.
2. Заря, утренная или вечерняя скоро потухаетъ—будетъ вѣтеръ.
3. Утреннее небо желтоватое—къ дождю.
4. Чистое небо вечеромъ — къ хорошей погодѣ; если же вечернее небо туманно „подулось“—на вѣтеръ.
5. При ясной погодѣ лѣтомъ отдаленные предметы неясны, какъ бы во мглѣ,—къ засухѣ.
6. «Якъ на чыстимъ неби блыскамонія,—буде суша».
7. Послѣ сильнаго дожда быстро выяснится—опять будетъ дождь.
8. Чистое небо при заходѣ солнца предвѣщаетъ хорошую погоду, а покрытое тучами—ненастную.
9. Сврый цвѣтъ вечерняго неба предвѣщаетъ ненастье и вѣтеръ, а голубой—хорошую погоду.
10. Вечернее ярко-желтое небо—къ вѣтру.
11. Вечернее небо блѣдно-желтое — къ дождю. Вообще, красная вечерняя заря къ вѣтру, блѣдная—къ дождю.

12. Вечерняя заря скоро погорить,—на слѣдующій день будетъ вѣтеръ; а если утренняя скоро погорить, то будетъ дождь.

По солнцу.

1. „Якъ схватыца сонце рано, то той же день буде дощъ“, т. е., если утренняя заря короткая, продолжается недолго.

2. Солнце утромъ сразу выскочило—къ дождю.

3. При восходѣ солнце медленно выплываетъ изъ-за облака—къ хорошему дню.

4. Солнце восходитъ изъ-за тучи—къ хорошей погодѣ.

5. Солнце восходитъ ясно и затѣмъ за тучу—къ дождю.

6. Солнечные лучи при восходѣ короткіе, темные, желтоватые или зеленоватые—къ скорому дождю.

7. Солнце при восходѣ красновато—къ вѣтру.

8. Солнце идетъ въ кругъ—къ дождю.

9. „Стовпъ“ впереди солнца—къ хорошей погодѣ, позади—къ дождю.

10. Темноватое облако около солнца, или солнце кажется въ туманѣ, въ кругѣ, или солнце блѣдно—къ дождю.

11. Лѣтомъ солнце сильно паритъ и лучи его темнѣютъ—къ сильной грозѣ.

12. Свѣтлые столбы около солнца зимою — къ сильнымъ морозамъ.

13. Чистый закатъ солнца—къ ведру.

14. Если при восходѣ или при закатѣ солнца бываютъ около него столбы, то лѣтомъ будетъ страшная „спѣка“ (жара), а зимой—сильный морозъ.

15. „Якъ бувають стовпы коло сонца зимою, то будутъ люти морозы, а якъ литомъ, то буде засуха“.

16. Солнце садится за „стину“ (тучу), а остальное небо чистое—къ дождю.

17. При захожденіи солнца появляются темныя облака,—ночью или къ утру дождь.

18. Солнце лѣтомъ садится во мглѣ, красноватое—къ засухѣ.

19. При закатѣ солнце „червоно“ и заря „червона“ — къ вѣтру.

20. Если послѣ солнечнаго заката при облакахъ послѣднія дѣлаются красными, „погорыть зоря“, то на слѣдующій день будетъ вѣтеръ, и тѣмъ сильнѣе будетъ, чѣмъ краснѣе облака и заря.

П о л у н ѣ.

1. Луна ярка—къ ведру; блѣдна, мутна — къ дождю или (зимою) къ снѣгу; красновата—къ вѣтру.

2. „Кругомъ мѣсяца кругъ — на дощъ; видкиля ворота (разрывъ въ кругѣ), виттиль витерь“.

3. „На молодыку (новолуніе) ридко бува годына“ (вѣдро).

4. Если молодикъ покажется на третій день, — мѣсяць будетъ погожій; если покажется послѣ третьяго дня,—погода будетъ перемѣнная.

5. Тонкій молодикъ предсказываетъ хорошую погоду на весь мѣсяць, „обдутый—витерь; насыть пузомъ выгъ — на дощъ“. Нижний рогъ тонкій, а верхній толстый — первая половина мѣсяца погожая, вторая—ненастная, и наоборотъ.

6. Молодикъ съ острыми рогами—къ ведру, съ тупыми—къ ненастью; верхній рогъ крутой, острый, нижній отлогій,— первая половина мѣсяца будетъ зимою морозная, лѣтомъ—сухая; а вторая—зимою теплая, влажная, лѣтомъ дождливая.

7. „Якъ молодыкъ прямой, — годыноватый буде, а колы крывый—дощевый“.

8. „Молодыкъ народытца, на другый день обмыетца, а на третій день прогляне“.

9. Какою погодою начинается „кватыря“ (четверть), такая будетъ во все ея продолженіе.

10. Если на новолуніе пройдетъ дождь, „скупае молодыка“, то и вся „перва кватыря“ будетъ дождливая.

11. Какая погода на ущербѣ луны, такая будетъ и въ теченіе всей четверти.

12. «На переходи» (конецъ послѣдней четверти и начало новой) большею частью бываетъ «негода».

13. Если зимою луна блѣднѣе обыкновеннаго и на ней замѣчаются разноцвѣтныя полоски, то жди «вихолы», то есть сильной бури съ снѣжной мятелью.

14. Кольцо около луны — къ вѣтру; луна въ кругѣ красноватомъ—тоже къ вѣтру, въ блѣдномъ—къ дождю, ненастью. Вообще круги около луны предвѣщаютъ перемѣнную погоду: лѣтомъ —ненастье, зимою — мятель.

15. «На всповни мисяця добре всяку всячину солыты, шобъ повненька удалась». Шобъ бувъ повный макъ, повни гвоздыкы, треба сіяты на повнимъ мисяци».

П о з в ѣ з д а м ъ .

1. «Зори (звѣзды) подулысь—на витьеръ; ясни—на годьну. Багато зирокъ—на годьну, мало—на негоду».

2. Сильно блестятъ звѣзды зимою—къ морозу, лѣтомъ—къ жарѣ.

3. Звѣзды какъ бы бѣгутъ—къ вѣтру; лучи ихъ темныя—къ бурѣ, зимою—къ мятели.

4. Звѣзды мутны—къ дождю; мало звѣздъ тоже—къ дождю. «Якъ зирки маненьки та темни на неби,—скоро дощъ буде; а якъ вельки та ясни, то скоро не дожидай его».

5. Въ какой части неба звѣзды блестятъ сильнѣе, оттуда жди вѣтра.

6. Зимой звѣзды ярко блестятъ, посылая лучи во всѣ стороны—къ сильному морозу съ вѣтромъ.

7. Если звѣзды кажутся высоко и свѣтитъ тускло,—зимою къ оттепели, лѣтомъ къ дождю.

8. Звѣзды яркія и пляшуть, —зимой къ морозу, лѣтомъ къ сушѣ.

9. Ясный млечный путь—лѣтомъ къ сушѣ, зимою къ морозу; тусклый—къ ненастью.

По облакамъ и по туману.

1. Свѣтлое облако на востокъ при восходѣ солнца скоро исчезающее —къ погожему дню.

2. «Якъ на заходи сонця хмары йдуть за сонцемъ — на годьну, а якъ одъ сонця—на негоду».

3. «Хмары йдутъ противъ вѣтру — на дощъ; низьво хмары йдутъ — на дощъ, высоко — на годину».

4. При заходѣ солнца затягиваетъ небо съ сѣвера — къ вѣтру.

5. Синія вечернія облака — къ перемѣнѣ погоды.

6. Если съ вечера ходять по небу большія кучевыя облака, то на другой день будетъ хорошая погода; если же съ вечера по небу разбросаны облака мелкими клочьями, жди на слѣдующій день дождя.

7. Если гѣтомъ при закатѣ солнца облака сгущаются, темнѣютъ и становятся свинцоваго цвѣта, — жди ночью грозы.

8. Туманъ стелется утромъ по водѣ — къ хорошей погодѣ, поднимается съ воды вверхъ — къ дождю.

9. Туманъ, исчезающій послѣ восхода солнца, предвѣщаетъ хорошую погоду, поднимающійся съ рѣки вверхъ — къ дождю.

10. Туманъ, опускающійся зимою къ землѣ, предвѣщаетъ «одыгу», (оттепель), высоко держащійся надъ землею — хорошую погоду.

Р о с ь .

1. Большая утромъ роса: къ хорошей погодѣ; вѣтъ росы — къ дождю. Вообще выпаденіе росы предвѣщаетъ сушу, а ея отсутствіе дождь.

2. «Въ литне времяя якъ утромъ не буде росы, то буде днемъ дощъ».

3. Если появившаяся послѣ дождя роса скоро опадаетъ, то вслѣдъ затѣмъ будетъ опять дождь; а если долго держится, то — хорошая погода.

4. Роса появляется на травѣ съ вечера — къ хорошей погодѣ; тихая свѣтлая ночь безъ росы — ожидай на слѣдующій день дождя.

5. Роса, имѣющая кисловатый или горьковатый вкусъ, полезна для растений, а для скота здорова, а сладкая на вкусъ вредна для скота.

По вѣтру и по звуку.

1. «Витырь зъ нызу (съ юга)—на дощъ, зъ горы (сѣвера)—на годыву».

2. Вѣтеръ съ лѣтнаго восхода—зимою на морозъ, а лѣтомъ къ хорошей погодѣ; вѣтеръ съ зимняго восхода—лѣтомъ къ сушѣ, зимою къ морозу.

3. «Якъ подуе низивка, то буде дощъ, а зимою мокрый свигъ, а якъ доше подуе, то и дощъ. Витырь зъ вырхивъ (сѣверный) сухой и холодный; витырь съ-пидъ сонця (восточный) якъ подуе дня тры, то буде довго дуты и буде за-суха; витырь съ-пидъ горы (западный) найчаще бува та-кий же, якъ и низивка».

4. Продолжительный, нѣсколько дней сряду, сѣверный вѣтеръ зимою предвѣщаетъ бурю съ снѣжной мятелью, причемъ снѣгъ будетъ крупный и густой.

5. Восточный порывистый вѣтеръ со свистомъ—къ продолжительному холоду зимою.

6. Продолжительный южный вѣтеръ приноситъ дождь, западный—хорошую погоду. Вообще же, сѣверный и восточный вѣтеръ предвѣщаютъ постоянную погоду; лѣтомъ—сушь, зимою—морозы; а южный и западный—перемѣнную.

7. Откуда по захожденіи солнца дхветъ вѣтеръ, оттуда будетъ дуть на слѣдующій день.

7. Вихрь идущій лѣтомъ въ тихую погоду столбомъ—къ сушѣ, растилающійся—къ ненастью.

9. Если колокольный звонъ слышенъ ясно, сильно, то будетъ зимою морозъ, лѣтомъ хорошая погода; если глухо слышенъ звонъ,—лѣтомъ—къ дождю, зимою—къ снѣгу.

10. Если зимою шумить лѣсъ,—ожидай оттепели.

11. «Якъ млыны (водяныя мельницы) шумять, то буде негода, и чымъ дужче шумлять, тымъ скорій негода».

12. «Якъ здорово чуты Радъкивскій (съ юго-запада) звинь и спивы парубкивъ у ясну погоду, то выприминно скоро буде дощъ, а зимою, якъ здорови морозы,—на одтыпель».

13. Зимою ставни у оконъ скрипятъ на мятель и въ ливадахъ вербы шумять тоже на мятель.

14. Вѣтрыяки скрипятъ—буря будетъ; вѣтрякъ туго поворачивается—на сушь и безвѣтріе.

15. Когда зимою вверху въ воздухѣ слышится шумъ, то жди мятели.

16. «Вербы зимою ревуть—на мятель».

По дыму и по огню.

1. «Дымъ на землю пада — на негоду, вгору поднимаеца стовпомъ—на годыну».

2. Дымъ изъ трубъ опускается внизъ и стелется по землѣ, — жди зимою оттепели, а лѣтомъ дождя; идетъ вверхъ — зимою къ морозу, лѣтомъ къ сушѣ.

3. Дрова въ печи шинять, дымить, плохо загораются — на оттепель.

4. При горѣнн дровъ въ печи слышенъ пискъ и трескъ зимою къ морозамъ.

5. Дрова въ печи горятъ сильно и пламя стремится въ трубу съ какимъ-то гоготаніемъ,—жди бури.

6. Сильная тяга въ печи зимою ва морозъ, лѣтомъ на сушу, а слабая—на сырую погоду.

7. Солома при горѣнн въ печи сбивается въ «кимяхъ» (шаръ) передъ морозомъ; зола скоро тухнетъ—къ оттепели.

8. На морозъ и вообще на сухую погоду жаръ (горящіе уголья) въ печахъ отъ дровъ яркій, сильный, дольше остается и медленно тухнетъ, на сырую—скоро обращается въ золу. Соломенный жаръ на морозъ сбивается въ комья, трудно его разгромаживать кочергой.

9. «Косарыкы на челюстахъ (въ печи) косятъ (схватывается пламя по налету сажи)—на дощъ».

10. «Огонь въ печи реве на годыну и витерь. Якъ при топци печи гуде пламя, то буты здоровому витру».

ПО ЖИВОТНЫМЪ.

По собакамъ

1. Собака свертывается и лежитъ калачикомъ—на холодъ, растягивается по землѣ, раскидавъ ноги, — на тепло, ѣсть

траву — на дождь, мало ѣсть и много спать — къ ненастью; катается по снѣгу — къ мятели, по травѣ — къ вѣтру.

2. «Якъ собака лизе або на постройку, або на солому, то буде тепло; а якъ лягае де-выбудь пидь соломою, або пидь сараемъ, однимъ словомъ — пидь закрытыямъ, то буде дощъ, а якъ качаетця на снигу, то буде метельца».

3. «Передь дощемъ собаки качающа по травѣ, йдять траву, а якъ зимою качающа по снигу, то на вихолу».

4. Собаки гоняются одна за другой и играютъ въ снѣгу — на заверюху.

П о к о ш к а м ѣ .

1. Кошка бѣгаеть-играеть на сушь, дереть лапами на дворѣ деревья, въ комнатѣ ковры, мебель — на вѣтеръ, лежитъ посреди помнаты, откинувъ хвостъ — на тепло, садится на подоконникъ и смотритъ въ окно — тоже на тепло, ложится, свернувшись клубкомъ, на что-нибудь мягкое или на печь — въ холоду, ѣсть траву — на дождь, лижетъ лапу — на хорошую погоду, лижетъ хвостъ и прячетъ морду — къ ненастью.

2. «Кишка деретца лапами объ мишокъ або объ стовпъ — на мятиль, на пичъ ховаецця — на холодъ, на доливци ляга — на тепло. Кишка третця объ шо-нибудь, — тепло буде, якъ зогнетця, — холодно буде, лежитъ на спыни, ногамы догоры, — къ дощу».

3. «На дощъ и на снигъ кишка сонлива, а якъ устает, то потягаецця и передними лапами царапаетъ дерево».

По рогатому скоту и по овцамъ.

1. Если при хорошей погодѣ скотъ изъ загороды самъ идетъ въ сарай или подъ навѣсъ, — ожидай скоро ненастья: лѣтомъ дождя, зимой мятели, и наоборотъ: скотъ идетъ въ загороду къ хорошей погодѣ.

2. Когда ночью на пастыбѣ волъ лежа кладетъ хвостъ на спину — скоро будетъ дождь.

3. Скотъ мало пьетъ воды, днемъ спать — къ дождю.

4. Телята лѣтомъ дрочатся, т. е. бѣгаютъ поднимая хвосты — къ бурѣ и грозѣ.

5. Коровье молоко закисаетъ вскорѣ послѣ удоя—къ грозѣ. Коровы даютъ меньше молока — на дождь; дойки у коровы холодныя—къ морозу и мятели.

6. Ягнята весело бѣгають вокругъ могилъ и на могилахъ (курганахъ)—къ хорошей погодѣ.

По лошади.

1. Лошадь фыркаетъ лѣтомъ—къ дождю, зимою—къ мятели.

2. «Якъ кони прыскають, то буде дощъ, въ яку сторону поворачиваютъ морду, виттѣля и жды доща».

3. «Кони, або скотына, выбрыкують, зимою одъ воды йдучы,—на митяль».

4. Лошадь ложится на землю лѣтомъ передъ сырою погодой, зимою передъ снѣгомъ.

По свиньямъ.

1. На дождливую погоду свиньи становятся безпокойными: ходять хрюкая, жмутся, съ поля убѣгають домой, носятъ пучки соломы, тряпки даже куски дерева въ свою берлогу; особенно чувствительны въ этомъ отношеніи поросята.

2. «Якъ свини носятъ у барлигъ солому, то буде холодно; якъ вони барложатъца у калюжи, то буде тепло, а якъ вони бижать изъ поля до дому и ковичать, то буде дощъ».

3. «Свини выщать, якъ бижать съ черидки—на дощъ».

4. Свинья чешется, трется объ столбъ—къ теплу.

По грызунамъ.

1. Предъ наступленіемъ сильныхъ морозовъ зимою зайцы приближаются къ жилью, поселяются въ ливадахъ и садахъ, на теплую погоду они возвращаются въ поля и лѣса.

2. Если лѣтомъ въ полѣ ночью мыши поднимають возню: пищать, бѣгають, гоняются одна за другой, жди на утро хорошей погоды; если же онѣ сидятъ въ норкахъ тихо,—будетъ ненастье.

ПО ДОМАШНИМЪ ПТИЦАМЪ.

П о к у р а ш ь.

1. Курица машетъ крыльями и вертитъ хвостомъ—на вѣтеръ, купается въ песокъ—на бездождіе, охорашивается, поправляетъ перья—къ дождю или непогодѣ; находятъ куры, приподнимаютъ перья—къ холоду, сидя на насѣсти, жмутся одна къ другой—къ морозу.

2. Если куры влетаютъ на самыя высокіе предметы въ саду, въ сараѣ или подъ навѣсомъ,—жди скоро дождя; если куры садятся на «сидало» раньше обыкновеннаго времени,—жди холода.

3. «Куры оскубуются—на дощъ, купаются у попили—на годьну, не ховаются одъ дощю—на бильшій дощъ».

4. Если пѣтухи поютъ тотчасъ по заходѣ солнца, то будетъ переменна погоды; если же они распоятся позже 10-ти часовъ, то ночь будетъ тихая, хорошая.

5. «Якъ сида пивень на сидало и заспива, то значить, буды на другой день пирина погода, спиваютъ ночью—на годьну».

По гусямъ и уткамъ.

1. Гуси и утки прячутъ зимою носъ подъ крыло—на морозъ, купаются въ снѣгу—къ оттепели и мятели, оправляютъ на себѣ перья—къ мятели; во время дождя вытягиваютъ шею и поднимаютъ вверхъ головы, стоя на дождѣ,—будетъ сильный и продолжительный дождь. Въ лѣтнее время поднимаютъ крылья и машутъ ими,—будетъ буря; плавая по рѣкѣ, часто ныряютъ, бьютъ по водѣ крыльями, перепархиваютъ, вообще играютъ—къ теплой дождливой погодѣ.

2. «Гусы носы ховаютъ—на холодъ, стоятъ на одной ноzi—на тихый морозъ, купаются въ свигу—на метиль».

3. «Вутка зимою часто кахае—на оттепель, а якъ во время морозовъ селызынь раскарячица, вытягве шыю и голову та й свыстыть,—на другой день буде одлыга».

По голубянь.

Если голуби, сидя на голубятнѣ, часто машутъ крыльями, то скоро будетъ сильный вѣтеръ.

ПО ДИКИМЪ ПТИЦАМЪ.

По воробьянь.

1. Зимой воробьи чирикаютъ, собравшись стайками,—къ теплой мятели или къ дождю; лѣтомъ передъ дождемъ воробьи также собираются въ стаи и чирикаютъ хоромъ; передъ сильнымъ вѣтромъ они перелетаютъ съ мѣста на мѣсто тоже стайками. На морозъ и передъ мятелью прячутся въ хворостъ, на дождь сидятъ напыжившись.

2. «Горобци крычатъ и падаютъ на землю,—дощъ буде; якъ сидятъ и понадымаютьця, тоже буде дощъ; якъ збираютьця кучками и сидаютъ у хворостъ въ середьну, то буде холодь, а якъ сидаютъ зверху на хворости або на тыну и цвиричатъ, то буде дощъ».

По ласточкань.

1. Ласточки купаются и тревожно летаютъ то въ гнѣздо, то изъ гнѣзда—къ дождю; летаютъ по-надъ самою землею—тоже къ дождю; летаютъ то вверхъ, то внизъ—передъ бурей; летаютъ высоко—на сухую погоду.

2. «На жары ластивкы на лыту чыркаюця объ воду, а дуже щебечуть—на дощъ; на дощъ вони низько литають, а на годьну высоко вьютця; якъ ластивка грае передъ снотыномъ або передъ народомъ, тожь буде дощъ».

По воронань, грачань, галкань и серокань.

1. Если лѣтомъ вороны, грачи и галки кричатъ или, ходя по травѣ, «пасутся», то скоро будетъ дождь; зимою передъ снѣгомъ вьются въ воздухъ, и если затѣмъ садятся на землю, то наступитъ оттепель; если садятся на хаты или на вер-

шины деревьевъ, то будетъ морозъ; садятся на нижнія вѣтви деревьевъ—къ вѣтру.

2. «Если воровъ (врюкъ) кричитъ зимою, будетъ снѣгъ, если лѣтомъ, то дождь съ той стороны, откуда онъ летитъ; если же, сидя на деревѣ, воронъ крякалъ однимъ голосомъ, а потомъ сразу перемѣнилъ свой крикъ на другой, — жди скорой перемѣны погоды.

3. Галичъ (галки съ грачами) проты погоды вѣтца литомъ—на дощъ, зимою на — митиль; литомъ гракы якъ пиднумутьца вгору и видтиля кувыркомъ и съ крькомъ спускаютьца на землю и пасутьца та каркають, то буде на другой день здоровый витыръ, а якъ отагъ зимою и лытять проты погоды, то буде вихола».

4. «Зимою якъ гракы сыдятъ на деревн зверху, — буде морозъ; якъ сидають повызу, ополовини дерева,—буде снѣгъ, а литомъ — витеръ, а якъ сидають на выгони на землю, то буде тепло. Гракы ходять зимою по дорогахъ—на оттепель, а вороны зимою купаютьца въ снѣгу—ва дощъ».

5. «Якъ сорока пидъ стриху пидгледае,—буде митиль».

По кукушкѣ.

«Зузуля закукае, якъ дощъ иде, то скоро перестане йты».

По коростелю.

«Деркачъ здорово дере (кричитъ)—на дощъ».

По лягушкамъ и жабамъ.

1. Лягушки турчатъ на дождь, сильно, громко кричатъ на хорошую погоду, молчатъ передъ холодной погодой. Жабы (земляныя лягушки) ноявляются въ большомъ числѣ на дорожкахъ къ вечеру и даже днемъ,—жди дождя; на хорошую погоду онѣ скрываються въ норкахъ.

2. «Жабы водяни турчатъ на дощъ, скрыгочуть на годьну. На дощъ водяни жабы сбываютьца у кучи и квакають; поокорише буде дощъ, якъ бильше укають. Зымляни жабы на дощъ ранше вылазють изъ норокъ и стрьбають по зымли; на суху погоду вони глыбше залазють на день у землю».

3. «Якъ почують водяни жабы, шо ухвате суша надовго, то ноччу изъ озыривъ (небольшихъ озеръ, высыхающихъ во время продолжительной засухи) уси кочують у (оскиль: упереди стара жаба и потимъ молоди, и скакають такую чырыдкою, шо трудно ногою статы, шобъ ны наступыты якон.

(Сл. Радьковскіе лески).

По рыбахъ и по ракахъ.

«Рыба якъ играе у води и часто скыдаеця, то буде годына, а стоить у води пидъ верхъ, то на дощъ. А на витры рыба иде на глыбъ; сомы булькають, хвостами бьють по води, а раки ховаютьця у пещери або у кушырь. На дощы а дуще на витры рыба скверно ловыця и рака трудно піймать».

По настькошынь.

1. Передъ дождемъ пчелы не летять далеко отъ улья, а передъ хорошей погодой онѣ летять стаями въ поле, если утромъ пчелы не летять въ поле, а сидять по ульямъ и гудуть,—жди дожда; если же съ раняго утра отправляются за добычей, — будетъ хорошій день. Если при приближеніи грозовыхъ тучъ пчелы не прячутся въ ульи, а продолжаютъ свою работу,—дожда не будетъ. Пчелы вылазять изъ улья и скучиваются на его стѣнжъ—къ сильной жарѣ.

2. «Литомъ передъ дощами за день бжолы начинаютъ потроху затыхаты и менче ихъ вылита изъ улыкивъ на роботу. Также вони затыхають и на холода, тильки на холода бильше ихъ литае предъ улыкамы, чымъ на дощи. На сылни витры бжолы юртуютьця били вичкѣ и падають додолу, а на годьну литять далеко у поле за медомъ. Зымою на морозы и холода бжолы сбываютьця у кучу въ улыку, а на одлыгу розла зютьця и шумлять; на росталь вони розлазютьця и джижчать».

3. Навозные жуки летаютъ вечеромъ съ жуужаніемъ—къ непогодѣ. Если во время молотѣбы хлѣба на току, летаетъ много жуковъ, то это вѣрный признакъ скорого дожда.

4. Если въ началѣ лѣта въ полѣ вспрыгиваетъ изъ-подъ ногъ много кониковъ (мелкой саранчи),—будетъ засуха.

5. Если поздно вечеромъ сильно трещать кузнечики, на утро будетъ хорошій день.

6. Въ муравейникѣ ходы открыты и замѣтно бойкое движеніе муравьевъ на кучѣ, — въ хорошей погодѣ; когда же и во время хорошей погоды большая часть ходовъ въ муравейникѣ закрыта и муравьевъ мало видно, — жди не-настья.

7. Если гусеницы на деревьяхъ собираются въ кучи, завиваются несвоевременно въ паутину, то будутъ продолжительные дожди.

8. «Якъ у поли мытелыки (бабочки) мытаютьца кучками, то буде довго ясно и тепло».

9. Передъ хорошей погодой мухи просыпаются въ хатѣ очень рано и начинаютъ гудѣть; передъ сырою — сидятъ тихо по стѣнамъ. Мухи бьются въ окна лѣтомъ на дождь, зимою летаютъ по хатѣ и бьются въ потолокъ — на мятель.

10. «Якъ дуже реве муха въ хати, буде дощъ. Передъ дощомъ хатни мухы докучливи, а надвирни дуще кусаютьца, чымъ у ясну погоду, отагъ же и комари, а блохы совснмъ не дають спаты. Якъ зимою являютьца въ хати комари, то буде оттепель и туманъ».

По дождевымъ червямъ.

«Якъ чырвяки глыбоко залазють въ землю и трудно до нихъ докопатыся, то буде суша; а лизуть вони у верхы — на дощъ. А якъ на вылыки дощи, то вылазють наверхъ больше ночью, и повзають по зымли».

По растеніямъ.

1. Лѣтомъ передъ дождемъ листья на деревьяхъ и травѣ кажутся нѣсколько вялыми.

2. На жары листья на осинѣ въ тихую погоду слегка кодышутся; если же они въ тихую погоду хлопають, т. е. ударяются одинъ о другой, то ожидай большого вѣтра.

3. Зимою лѣсъ чернѣеть — на оттепель.

По водѣ, хлѣбу и соли.

1. Если во время дождя вскакиваютъ на лужахъ пузыри,—будетъ еще большій дождь.

2. Если подъ вынутымъ изъ печи горячимъ хлѣбомъ сморкнетъ мѣсто, гдѣ его положить, то нужно ожидать дождя.

3. Соль мокрветъ тоже передъ дождемъ.

Примѣты, относящіяся ко временамъ года.

1. Если кукушка перестаетъ куковать за недѣлю или за двѣ до Петрова дня, то и зима ляжетъ за недѣлю или за двѣ до Рождественскихъ заговѣнъ; если же кукушка кунуетъ недѣлю или двѣ послѣ Петрова дня, то и зима уляжется послѣ заговѣнъ на Филипповъ постъ черезъ недѣлю или двѣ.

2. Какое лѣто, такая и зима: лѣто дождливое,—зима снѣжная; лѣто сухое, жаркое,—зима малоснѣжная, морозная; лѣто бурное,—зима съ мятелями.

3. Журавли осенью летятъ высоко,—зима будетъ холодная; низко,—зима будетъ теплая. Если грачи летятъ осенью на югъ высоко, то зима будетъ суровая и многоснѣжная.

4. Если въ теченіе Успенскаго поста будутъ утренники, то жди теплой осени и зимы тонкой, безъ большихъ морозовъ.

5. Снѣгъ, выпавшій на сухую землю, ве пролежитъ до конца зимы, а павшій на мокрую землю будетъ лежать до конца зимы, не растаивая. Если послѣ выпаденія перваго снѣга и наступленія морозовъ случится зимою продолжительная оттепель, то послѣ второй оттепели будетъ еще холодно столько дней, сколько прошло отъ выпаденія перваго зимняго снѣга до оттепели.

6. Какая погода на Покровъ (1-го октября), такая и во всю зиму; откуда вѣтеръ на Покровъ, оттуда будетъ дуть и во всю зиму; притомъ если въ этотъ день вѣтеръ будетъ дуть съ сѣвера или востока,—зима будетъ холодная и малоснѣжная; если съ юга,—теплая, съ запада—снѣжная.

7. Когда предъ Рождественскими святками колютъ кабана, то обращаютъ вниманіе на «косу» (поджелудочную железу):

если «коса» большая, толстая и по всей длинѣ ровная, то зима будетъ продолжительная, холодная и безъ оттепелей; если же коса будетъ тонкая и короткая, то и зима будетъ непродолжительная и безъ большихъ морозовъ. Если коса не ровная, съ начала толстая, а къ концу тонкая, или наоборотъ, то и зима въ началѣ будетъ холодная, а къ концу теплая, и наоборотъ. Если коса будетъ тонкая по срединѣ, то и по срединѣ зимы ожидай оттепели.

Примѣчаніе. Какъ извѣстно, у римлянъ во время Сатурналіи приносили въ жертву Сатурну, богу плодородія, свинью, а какъ жертвоприношенія у римлянъ соединялись съ гаданіями по внутренностямъ жертвеннаго животного, то позволительно допустить, что въ данномъ повѣрью мы находимъ отголосокъ римскихъ гаданій и предсказаній. Не забудемъ и того, что въ нашихъ малорусскихъ сказкахъ кабанъ является иногда атрибутомъ или замѣстителемъ древняго бога плодородія. Такъ въ одной изъ сказокъ (Три сестры) герой, отданный матерью на воспитаніе «широкому Степу», получаетъ отъ своего воспитателя въ даръ между прочими диковинами кабана, «шо зубомъ оре, а ухомъ засивае».

8. По погодѣ каждаго изъ 12-ти дней, слѣдующихъ за днемъ Спиридона (12 декабря), судить о погодѣ каждаго изъ 12-ти мѣсяцевъ наступающаго года, такъ что погода 13 числа декабря показываетъ погоду января мѣсяца, погода 14-го указываетъ, какая будетъ погода въ февралѣ и т. д.

9. Какая погода на Срѣтеніе (2 го февраля), такая и весна: если будетъ оттепель, то и весна будетъ ранняя и теплая; если холодно, — весна поздняя; если снѣгъ, — весна дождливая; если въ этотъ день вѣтеръ несетъ снѣгъ черезъ дорогу, — весна будетъ очень поздняя и холодная. Если на Срѣтенье курица напьется воды у порога, — весна будетъ теплая и ранняя.

10. «Якъ на всейдній у четверь капа до вечера и морозъ вечеромъ, а сусулекъ нема, то буде литомъ засуха».

11. Если съ открытіемъ весны стаи журавлей тянуть на сѣверъ, — быть теплой, хорошей погодѣ; если же журавли летятъ назадъ, на югъ, — быть снова холоду съ частыми вѣтрами.

12. Если весною летитъ много лебедей, — будетъ теплая

весна; равній прилетъ жаворонновъ предсказываетъ тоже теплую весну.

13. Если весною летить паутина, — гѣто будетъ жаркое.

14. Если на теплаго Алексія (17-го марта) тепло, то и весна теплая.

15. Если ва Благовѣщенье пасмурная погода или дождь, — гѣто будетъ дождливое; если на второй день Пасхи будетъ ясная погода, гѣто будетъ дождливое; если пасмурная, — гѣто будетъ сухое.

16. Если молнія сверкаетъ раннею весною, а грома не слышно, то гѣтомъ будетъ засуха.

Б. Предсказаніе урожая.

1. Перевозя осенью копны хлѣба съ поля, смотреть, какъ прорыты подъ ними норки мышей: если въ глубь отвѣсно, то въ слѣдующемъ году будетъ урожай, а если въ бокъ — неурожай.

2. «Якъ въ осени снѣгъ товсто ляже на землю, то буде добрый урожай».

3. Если въ теченіе Филипповки часто будутъ пасмурные дни и иней на деревьяхъ, то жди хорошаго урожая хлѣбовъ; свѣтлая же Филипповка безъ инея предвѣщаетъ плохой урожай.

4. Если на Спиридона (12 декабря) съ утра будетъ солнечно, то не снѣши съ раннимъ посѣвомъ, а снѣи соотвѣтственно тому, когда на Спиридона пасмурно: если утро будетъ пасмурное, снѣвъ долженъ быть самый ранній; если въ полдень пасмурно, то снѣвъ средній будетъ самый удачный; если вечеръ пасмурный, то наилучшій снѣвъ будетъ поздній.

5. Если осенью падаеть много звѣздъ, — на слѣдующій годъ будетъ голодь и моръ.

6. Если осенью много мышей, то въ слѣдующемъ году будетъ неурожай.

7. Если осенью снѣгъ выпадеть на гололедицу, жди неурожая.

8. Если на Святвечерь (канунъ Рождества Христова) идетъ снѣгъ, — въ будущемъ году хорошо уродать яблоки и орѣхи.

9. Если на первый день Рождества идетъ снѣгъ, въ слѣдующемъ году будетъ изобиліе хлѣба.

10. Иней на деревьяхъ въ теченіе трехъ первыхъ дней Рождественскихъ праздниковъ предзнаменуетъ большой урожаи хлѣба.

11. Наканунѣ Нового года гадаютъ объ урожаѣ: въ одинъ изъ сапоговъ хозяина кладутъ кусочекъ хлѣба, а въ другой—уголь, и кто-нибудь изъ дѣтей подаетъ отцу сапогъ: если въ поданномъ сапогѣ хлѣбъ, — годъ будетъ урожайный, если уголь, — то годъ голодный; выносятъ на токъ тарелку съ кучками хлѣбныхъ зеренъ или хлѣбъ съ воткнутыми въ него колосками разныхъ хлѣбовъ: на какой кучкѣ или на какомъ изъ колосковъ окажется утромъ роса, на тотъ хлѣбъ ожидаютъ урожая.

12. «На Новый годъ пичутъ хлѣбъ и втыкаютъ у тисто всяке зерно. Якъ спычетца хлѣбъ и яке зерно выйде на верхъ, того хлѣба и сій: уроде».

13. Иней на деревьяхъ или выпавшій на Новый годъ снѣгъ предзнаменуетъ урожай.

14. Какая сторона неба будетъ на этотъ день покрыта тучами, въ той сторонѣ будетъ хорошій урожай хлѣбовъ.

15. Туманы въ концѣ декабря, предъ Новымъ годомъ или въ день Нового года—къ урожаю.

16. «Якъ на водосвятѣ пидъ Крещенья, або на саме Крещенья, буде снѣгъ, або дощъ, або хмарно, то буде урожай; а якъ небо чисте, то не жды урожай».

17. Если на Крещенье день ясный, то хлѣбъ будетъ чистый; если же пасмурный, то въ хлѣбѣ будетъ много зоны.

18. «Якъ на Явдокія (1-го марта) рано выяснитца, такъ ранній хлѣбъ буде лучшій».

19. Если съ открытіемъ весны скоть, выгнанный въ поле, ищетъ кости падали и грызетъ ихъ, — быть неурожаю и голодному году.

20. Пчелы на Благовѣщенье (25-го марта) сильно гудуть—къ урожаю.

21. Темная ночь подъ Пасху—къ урожаю.

22. Если первая весенняя гроза бываетъ на востокъ,—

ожидай хорошаго урожая хлѣбовъ; если на югѣ, — умѣреннаго, а на западѣ,—будетъ недородъ хлѣба.

23. «Якъ весною гора (лѣсъ) гудить, такъ буде хорошъ урожай».

24. Если во время весенняго посѣва надъ свѣтелемъ, когда онъ ѣстъ на пашнѣ привезенный изъ дому спеченный изъ хлѣба еще на средокрестной недѣлѣ крестъ, поднимается съ пѣниемъ вверхъ жаворонокъ, то ждуть хорошаго урожая; а если въ это время жаворонокъ пролетитъ по-надъ пашней низко, то плохого.

25. Крикъ деркачей въ полѣ съ весны и большое число головастикавъ въ лужахъ предвѣщаютъ урожайное лѣто.

26. «Якъ въ маю одынь дощъ буде, то на одынь годъ уроде хлиба, а якъ два пройде, то й на два года хлиба уродыця. Кажуть: «теплый апрѣль, мокрый май, — буде хлибъ, якъ гай». «Якъ пиде дощъ на Юрѣя, то буде хлибъ и въ дурни».

27. Урожай желудей на дубахъ предзнаменуетъ на будущій годъ урожай хлѣбовъ.

28. Если лѣто дождливое, то слѣдующій годъ будетъ урожайный.

29. Если съ 21 ноября ляжетъ глубокая зима, готовъ глубокіе закрома: будетъ богатый урожай хлѣбовъ.

Примѣты на урожай ржи.

1. Если на Мокрины (19-го іюля) пройдетъ дождь, — на слѣдующій годъ уродитъ рожь.

2. Дождь въ день Ильи, Макковеевъ и Воздвиженія Креста Господня предвѣщаетъ на слѣдующій годъ обильный урожай ржи.

3. «Якъ осенью падае багато павутыны, то въ новомъ годи гарне жыто буде».

4. Если осенью снѣгъ покроетъ сырую землю толстымъ слоємъ, — рожь уродитъ хорошо; если снѣгъ выпадетъ на мерзлую землю,—рожь будетъ плохая.

5. Если на весенняго Юрѣя (23 апрѣля) ворона спрячется во ржи, — будетъ изобильно этого хлѣба.

На урожай пшеницы.

1. Дождь на заговѣвы предъ Филипповкой предвѣщаетъ урожай на пшеницу.
2. «Якъ на вылыки праздныкы ночи хоть и будутъ похмарни, а зирочки видно, то сій пшыныцю: добра буде».
3. Если на Крещенье на деревья падеть иней, то весною пшеницу нужно сѣять въ соотвѣтствующій день недѣли.
4. Если на Евдокію (1-го марта) день ясный, то уродить чистая пшеница.
5. «Якъ рано весною буде багато вылыкыхъ мухъ, то уроде пшыныця. А якъ побачышъ весною перву муху здорому на викии зъ-надвору, такъ уроде красна пшыныця».
6. Чтобы пшеница хорошо родила, слѣдуетъ сѣять ее въ середу или въ пятницу.

На урожай проса, гречихи, гороха, льна и пр.

1. Если на Рождество Христово Новый годъ и Пасху во время обѣдни свѣчи въ паникадилѣ горять ярко,—будеть обильный урожай проса и гречихи.
2. «Якъ на Стритыни снигъ переносе дорогу, то буде добрый урожай на просо и на траву».
3. Дождь въ Вербное воскресенье предвѣщаетъ урожай на просо.
4. «Якъ идешъ изъ страстивъ до дому и буде тыха погода, то сій просо».
5. «Якъ весною лебедей багато летыть, то буде просо гарне».
6. Если весною журавли летятъ высоко,—уродить просо.
7. Увидѣвъ первыхъ журавлей, берутъ, не сходя съ мѣста, земли и потомъ, при посѣвѣ проса, примѣшиваютъ ее къ нему, чтобы оно лучше родило.
8. Въ который день недѣли иней впервые покроетъ деревья, въ тотъ день недѣли и слѣдуетъ сѣять гречиху, да и вообще яровые хлѣба, чтобы получить хорошій урожай.
9. Если на Спиридона (12 декабря) будетъ перемѣна вѣтра, сѣй гречиху: хорошо уродить.

10. «Якъ на Мыланкы (31 декабря) иде снегъ, або дощъ, або хмарно, або буде ыній ва деревьяхъ,—уроде гречка».

11. Если на голодный Святвечерь (5 января) идетъ снѣгъ утромъ,—уродить ранняя гречиха; въ полдень идетъ снѣгъ,—уродить средняя; вечеромъ—поздняя.

12. Если 1-го марта день теплый, пасмурный, или если будетъ идти дождь или даже снѣгъ,—снѣй гречиху и просо: дадутъ изобильный сборъ; если же день будетъ ясный и морозный, то жди недорода.

13. Если въ Вербное воскресенье пройдетъ дождь, то уродить гречиха и просо.

14. Если при выходѣ изъ церкви со страстей бываетъ тихо,—ожидаютъ хорошаго урожая гречихи и проса.

15. «Якъ на масляи у четверь буде сояшно,—сй лёнъ».

16. Чтобы уродить горохъ и былъ легко разваривающійся и безъ жучковъ, слѣдуетъ снѣять его въ тотъ день, когда вѣтеръ будетъ южный.

17. Много комаровъ лѣтомъ предвѣщаютъ урожай овощей, а много мошекъ—урожай грибовъ.

Примѣты, касающіяся пчеловодства.

1. «Якъ на Стритыниа капаютъ изъ стрихъ капли, то буде добре на медъ.

2. Якъ на всейднй у четверь буде багато сусулекъ на стрихахъ, такъ буде багато и меду: яка вдовшка сусулька, такый удовшка и щильныкъ (сотъ) у роя; а якъ буде капижъ изъ стрихъ, а сусулекъ не буде, та на ройбу буде добре, а на медъ плохо».

3. Лужи воды 1-го марта около порога предзнаменуютъ, что пасѣчники будутъ купаться въ меду.

Г. Куляскъ.

18-го января 97.

П. И.

ЖЕНЩИНА ТУРКЕСТАНА

по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ ¹⁾).

(Опытъ систематизаціи пословиць и поговорокъ).

Замкнутая жизнь женщины востока вообще и подвластныхъ намъ народовъ—мусульманъ въ Туркестанѣ, въ частности, служитъ причиною того, что обликъ восточной женщины исчезаетъ часто отъ изслѣдователя. Для полной обрисовки положенія женщины востока приходится пользоваться всякими мелкими данными и по крупницамъ собирать мельчайшія черты.

1) Матеріалы: а) 1110 пословиць и поговорокъ, собранныхъ въ Туркестанскомъ край г. *Н. Остроумовымъ*. Помѣщены въ Трудахъ Сыръ-Дарьинскаго Областнаго Статистическаго Комитета 1887—1888 г. и въ Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской Области. Ташкентъ 1891 г.

б) *Гродековъ*. „Киргизы и Кара-Киргизы Сыръ-Дарьинской Области“ Т. 1,—358 пословиць и поговорокъ, изъ которыхъ многія являются лишь вариантами пословиць, собранныхъ г-мъ Остроумовымъ, но есть и не вошедшія въ его собраніе.

в) Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Выпускъ III С. П.-Б. 1874 г. 105 пословиць, собранныхъ г-мъ *Ибрагимовымъ*. Этими собраніемъ пользовался и г-нъ Гродековъ.

Къ великому сожалѣнію, г. Н. Остроумовъ въ своемъ собраніи пословиць не сдѣлалъ раздѣленія ихъ по народностямъ. Между тѣмъ, конечно, разнообразіе условій жизни кочевника и осѣдлаго несомнѣнно отражается и на взглядахъ тѣхъ и другихъ на женщину. Намъ нѣтъ возможности, на основаніи имѣющихся матеріаловъ, провести эту разницу въ настоящемъ очеркѣ.

Цитируя пословицы мы будемъ придерживаться подстрочнаго перевода г. г. Остроумова и Гродекова и ихъ толкованій. Мы не считаемъ нужнымъ представлять здѣсь подлинный текстъ пословиць: интересующихся имъ отсылаемъ къ сборнику г. Остроумова. Для справокъ мы въ текстѣ цифрами въ скобкахъ будемъ обозначать номеръ пословицы по собраніямъ г. Остроумова, имена же другихъ собирателей каждый разъ отмѣчаемъ сокращенно.

Малой попыткой въ этомъ смыслѣ является предлагаемая статья.

При бѣгломъ просмотрѣ указанныхъ нами сборниковъ, видно, что большая часть помѣщенныхъ въ нихъ пословицъ касается семейныхъ отношеній и дѣлъ, при чемъ многія затрогиваютъ жизнь женщинъ въ разныхъ ея проявленіяхъ.

Пословицы и поговорки живутъ вѣка, переходятъ изъ рода въ родъ, передѣлываются въ теченіе времени и являются результатомъ работы коллективнаго народнаго ума. Въ нихъ отражаются взгляды народа на данный предметъ.

Посмотримъ же, какъ смотрятъ народы Туркестана на женщину, какъ высоко они ставятъ, какъ цѣнятъ ее?

Нашъ обзоръ пословицъ разобьется на три части:

1. Взглядъ на женщину независимо отъ ея семейнаго положенія.

2. Дѣвушка — дочь.

3. Женщина въ семьѣ — жена и мать.

Имѣящимся у насъ подъ руками небольшимъ собраніемъ сказокъ мы нашли не лишнимъ воспользоваться съ цѣлью подтвержденія выводимыхъ вами по пословицамъ и поговоркамъ положеній.

I.

Прежде всего намъ приходится обратить вниманіе на то, что народъ не признаетъ въ женщинѣ ума. Самымъ рельефнымъ выраженіемъ этого взгляда можетъ служить пословица:

Десять женщинъ составляютъ одну курицу; если бы у курицы былъ умъ, стала ли бы она клевать соръ? (5).

Въ самомъ дѣлѣ, курицу считаютъ птицей глупой, а народъ женщинѣ удѣляетъ только одну десятую часть куринаго ума! Богѣе мягко говорится о томъ же въ пословицѣ, совершенно сходной съ русской:

У женщины волосъ дологъ, а умъ коротокъ. (6).

Достаточно того, что женщина признается глупой, чтобы заключить объ умственномъ превосходствѣ мужчины надъ

женщиной. Народъ прямо считаетъ женщину половиной чело-
вѣка (17); въ другой же пословицѣ это превосходство вы-
ражено еще рельефнѣе, въ болѣе конкретной формѣ:

Мужчина съ мѣдной головой лучше женщины съ
золотой головой. (2).

Кромѣ того,

Мужчина видитъ дѣйствительное (положеніе дѣла),
жена видитъ ошибочное. (*Грод.* 336).

Въ силу этого, конечно, мужчинѣ не рекомендуется обра-
щаться за совѣтами къ женщинѣ; ея совѣты «годятся только
для женщины». (1099).

Не надѣленная умомъ, женщина зато отличается своей
болтливостью. Если двѣ женщины сойдутся, то непременно
выйдетъ базарь (4); женщина же, пришедшая попросить у
сосѣдей огня, непременно наболтаетъ съ три короба (9)¹⁾;
но лучше всего характеризуетъ эту черту пословица:

Не будь другомъ глупаго, не говори свои тайны
женѣ (12);

да кромѣ того не совѣтуется и вѣрять женщинѣ, пока самъ
не убѣдишься (*Грод.* 585, вариантъ предыдущей пословицы).

Рядомъ съ болтливостью стоитъ сварливость женщины:
двоеженецъ обреченъ на выслушивавіе брани своихъ двухъ
женъ (13); сварливость въ особенности присуща старухамъ:

Когда состарится у тебя жена, не держи собаки
(потому что есть кому ворчать). (559).

По народному представленію, женщина оказывается крайне
эгоистичной; она не можетъ сочувствовать чужому горю,
она вся поглощена своими личными интересами:

Женщина придетъ на трауръ, а плачетъ о своемъ
горѣ. (7).

Созданная, какъ увидимъ дальше, для зависящей, подчи-

¹⁾ Сравнить: *Наливкины*, „Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго насе-
ленія Фергана“, стр. 135, 136.

ненной жизни, женщина лишена самостоятельности, качества присущаго европейскимъ цивилизованнымъ женщинамъ:

Если осель отстанеть отъ осла, то уши опустить; если женщина отстанеть отъ женщинъ, то ноги опустить (растеряется). (307).

Она не привыкла дѣйствовать самостоятельно; она не знаетъ, какъ поступить, что сдѣлать, если останется одна!

Этой скрытой отъ міра, замкнутой женщиной, лишенной, повидимому, всѣхъ развлеченій, приписывается большая склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ¹⁾, склонность сильно развитая, быть можетъ, вслѣдствіе именно этой замкнутости.

Рису — полотье²⁾, женщинъ — чувственное наслажденіе. (531).

Душа — огонь! дунна — мужъ! (т.-е. для женщины мужъ, какъ огонь, нуженъ и пріятель). (232).

«Женщинъ вравятся объятія», говоритъ еще одна пословица. (547). Насколько сильна чувственность восточной женщины, весьма ярко видно изъ того, что

«Не развратившаяся еще дѣвица, будетъ развратничать со своею матерью». (66).

Но эта чувственность ищетъ полнаго удовлетворенія. Женщина не можетъ оставаться вѣрною одному мужу, а тѣмъ болѣе при условіи многоженства. И это подмѣчено и очень рельефно выражено народомъ.

У собаки нѣтъ измѣны, у женщины нѣтъ вѣрности. (533).

Вотъ какъ сильно и образно выражено непостоянство, вѣтренность, игра любовью женщины. Правда, причиной невѣрности туземной женщины можетъ служить и нравственная неудовлетворенность женщины, часто выдаваемой замужъ противъ желанія.

1) Ср. *Намюкиты*, „Очеркъ быта женщины“, стр. 217.

2) Рису всегда растетъ съ сорной травой.

И вотъ небольшой запасъ своего ума она истощаетъ на изобрѣтенія способовъ обойти своего повелителя, схитрить. Оказывается, что

Хитрость одной женщины составляетъ поклажу для сорока ословъ. (529).

Въ силу же этого нельзя ни особенно радоваться видимой привязанности женщины, ни вѣрить ей ¹⁾. Народъ очень рѣзко отзывался о женщинахъ, говоря:

Женщина — наказаніе Божіе; ея ласки — ядъ змѣи. (527).

II.

Изъ имѣющихся у насъ пословицъ и поговорокъ нельзя сдѣлать никакого вывода о вѣшнихъ качествахъ, которыя должна имѣть дѣвушка, чтобы быть названной красивою ²⁾. Есть указаніе лишь на то, что красота измѣряется не какими-нибудь опредѣленными качествами, а степенью симпатіи къ данной дѣвушкѣ.

Не та красавица, которая красива, — любимая красавица. (379),

да кромѣ того по одной красотѣ не оцѣниваютъ дѣвушку: ей также необходимо и умѣнье работать и трудолюбіе ³⁾.

Когда есть у тебя красота, мели мельче на ручной мельницѣ,

т.-е. не надѣйся, не величайся одной красотой, а работай и лучше работай. Не всегда, впрочемъ, и требуется красота:

Чѣмъ, увидѣвъ, взять красивую, лучше, не увидѣвъ, взять родовитую (*Грод.*, 92 и вариантъ ея 597),

говорять киргизы. Они говорятъ также, что

¹⁾ Ср. у *Наливкинскихъ*: „Очеркъ бита женщинъ“, стр. 158.

²⁾ См. *Наливкины*, „Очеркъ бита женщинъ“... „Полнота считается однимъ изъ непремѣнныхъ условій красоты“, стр. 89. „Родина считается однимъ изъ лучшихъ украшеній лица“, стр. 91.

³⁾ Ср. тамъ же: „Плохая работница рискуетъ не выйти замужъ“, стр. 196

«Дочь сбывается, благодаря славѣ отца, ткань сбывается, благодаря славѣ маты» Грод. (497) ¹⁾,

т.-е. при выборѣ невѣсты не обращаютъ особеннаго вниманія на личныя ея качества (что необходимо при выборѣ матеріи), а смотрятъ, кто отецъ, каковъ онъ, какого рода и достатка. Красота, какъ мы видимъ, не является необходимымъ и даже важнымъ условіемъ при выборѣ невѣсты. Быть можетъ, это происходитъ изъ боязни, что красивая женщина легче найдетъ себѣ поклонниковъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что народъ прямо говоритъ:

«Красивая женщина не можетъ не быть развратной». (Грод., 144).

Но не совѣтуется хвалить дѣвушку, какъ бы она ни была хороша; похвала портитъ ее и служить ей во вредъ.

«Хваленая невѣста на пиру невѣжничаетъ». (58).

Не требуя отъ дѣвушки красоты физической, народъ за то требуетъ отъ нея нравственной чистоты. Какъ высоко цѣнить народъ нравственную чистоту дѣвушки видно изъ того, что онъ совѣтуетъ:

«Для хорошаго человѣка одежду шей, а у дурного обезчести дочь». (572).

Жестокая кара ждетъ женщину въ случаѣ нарушенія цѣломудрія:

«Развратницѣ — висѣлица, вору — товарищъ, (т.-е. нуженъ товарищъ) (600),

т. е. смертью казнить народъ развратницу. Именно такъ поступаетъ царь въ сказкѣ «Богатырь Хотамъ ищетъ волшебное кольцо для своей невѣсты-царевны» ²⁾. Онъ казнить дочь свою за то, что она прижила ребенка отъ джигита. Вмѣстѣ съ нею казнить и самого джигита и ребенка.

¹⁾ Мата — бумажная матерія мѣстной работы, идущая на рубахи и нижнее бѣлье.

²⁾ Н. Остроумовъ. Сарты, в. II, стр. 115—127.

Въ виду столь опаснаго положенія дѣвушки, ее нужно выдать пораньше замужъ, не нужно держать долго ¹⁾:

«Не держи долго соль — вода будетъ (размокнетъ); не держи долго дочь — дрянъ будетъ». (63).

Дѣвушка создана для любви, для развлечения:

«Для питья хорошъ кумызъ, для развлечения хороша дѣвица». (518).

Дѣвушка должна нравиться, она служитъ даже мѣрою хорошаго; желая выразить, что свое человекъ очень любитъ, народъ въ пословицѣ приравнялъ его дѣвицѣ:

«Каждое свое кажется дѣвицей (т. - е. нравится)». (492).

Любимую женщину часто въ пословицахъ называютъ душой, душевнкой, и эта душа оказывается лучше золотого дома (502), хотя въ то же время народъ очень цѣнитъ имущество, матеріальное благосостояніе, — оно лучше отца съ матерью. (502).

Но не безъ душевныхъ волненій достается любовь. Здѣсь, какъ и вездѣ, душевная тревога предшествуетъ любви и народъ восклицаетъ, выражаясь, какъ и всегда, конкретно:

«Гдѣ душевненька (достается) безъ душевныхъ волненій? Гдѣ ягода боярышника, если не пойти въ гору?». (348).

Припомнимъ сказку «Умный царевичъ» ²⁾. Умный царевичъ и притворяется больнымъ, и переодевается въ женскій костюмъ, чтобы попасть на пиръ, и строить близъ дворца баню, разрисовываетъ ее—и все для того, чтобы завоевать любовь красавицы-царевны. Еще большія душевные волненія и муки долженъ испытывать старикъ богачъ Атаметой, который въ сказкѣ «Богачъ Атаметой, женившійся на царевнѣ» ³⁾, исполняетъ многотрудныя порученія царевны, чтобы

¹⁾ Ср. *Наличники*. «Очеркъ быта женщины». По наблюдениямъ авторовъ дѣвушка „замужъ выходитъ рано, въ среднемъ на 13-мъ—14-мъ году жизни“ стр. 88.

²⁾ *Н. Остроумовъ*. Сарты, в. II, стр. 46-50.

³⁾ Тамъ же, стр. 65—79.

добиться ея любви и согласія быть его женой. И какъ слѣпа его любовь, если онъ, узнавъ во время своихъ долгихъ странствованій по порученіямъ царевны, что жены являются постоянно причиной несчастья своихъ мужьевъ, все-таки, несмотря на предостереженія благоразумной царевны, женился на ней. А чего не перенесъ Хотамъ, въ сказкѣ «Вогатырь Хотамъ», исполняя сложныя порученія невѣсты своей? Чѣмъ же отплатила царевна? Она, какъ мы видѣли, обзавелась любовникомъ и только играла чувствомъ Хотамы.

Не смотря, однако, на то, что любовь достается не легко, что ве выдавать рано дѣвушку опасно, рисковано, что, наконецъ,

«Дѣвица, когда состарится, будетъ судьей, (т.-е. будетъ заниматься пересудами), будетъ рада и черной собагѣ (т.-е. будетъ готова выйти и за дурнаго жениха) (514),

несмотря на все это, не легко выйти дѣвушкѣ замужъ. Соображенія особаго свойства должны удерживать родителей отъ поспѣшной выдачи замужъ. Родители должны заботиться о будущемъ своей дочери, они должны подыскивать ей приличную пару. Будущій мужъ долженъ быть, если не богатымъ, то по крайней мѣрѣ равнымъ по состоянію и положенію¹⁾ (511). За такого разрѣшается выдать дочь даже безъ калыма, даромъ. Но не рекомендуется выдавать дочь за бѣдняка (512, 513). Равнымъ образомъ народъ не совѣтуетъ выдавать дочь за иногороднаго²⁾.

«Не выдавай дочь за иногороднаго пришлеца; онъ увезетъ ее — что подѣлаешь?». (514).

Пусть остается дѣвушка въ родномъ селеніи и тамъ вьетъ свое гнѣздышко, начинаетъ жизнь семейную³⁾.

¹⁾ Правда, разборчивость родителей въ выборѣ жениха иногда ведетъ въ нежелательнымъ послѣдствіямъ, какъ напр. побѣгъ взрослой дочери. См. *Намигъимъ*: „Оч. б. ж.“, стр. 196.

²⁾ Ср. тамъ же, стр. 109 и 198: „Сарты и сартианки исконно привыкли жить и умирать тамъ, гдѣ они родились“. Отсутствие родственниковъ вообще „пугаетъ и невѣсту и ея родителей“.

³⁾ Обычай устройства брака въ своемъ селеніи, повидимому, сартовскій. Киргизы, наоборотъ, выдаютъ невѣсту въ другой аулъ, мотивируя это слѣдую-

Конечно, желанія родителей, матери далеко не всегда согласуются съ стремленіями дочери. Въ сказкѣ «Баба Яга и братъ ея царевичъ»¹⁾ послѣдній сталъ случайнымъ свидѣтелемъ, какъ дочь просить мать не выдавать ее за «сластолюбиваго старика». «Придется ей весь свой вѣкъ сидѣть взаперти, на женской половинѣ двора (ичкари), часто слышать и видѣть, какъ старшія жены мужа бранятся и дерутся между собой и попрекають ее за ея молодость и красоту». Не выдержала дѣвица, зарыдала и стала просить мать, чтобы насильно не выдавала ее. Просила она, «чтобы выдала ее хоть за бѣднаго, да за молодого и умнаго мужа, да въ такое царство, гдѣ, по закону, у мужа только одна жена и гдѣ всѣ женщины и дѣвицы ходять съ открытымъ лицомъ».

Такимъ образомъ, только что разобранные совѣты являются совѣтами «благоразумной» старости, а живая молодежь чужда мысли подчиниться имъ добровольно. Въ самомъ дѣлѣ, царевичъ, услышавъ жалобы дѣвушки, запѣлъ грустную пѣсню, въ которой, между прочимъ, высказываетъ: «Зачѣмъ есть на свѣтѣ такой законъ, что отцы «насильно своихъ дочерей замужъ выдаютъ».

Въ другой сказкѣ «Царевна Хазарь Гейсу»²⁾ сила любви двухъ молодыхъ людей такъ велика, что молодая Хазарь-Гейсу бросаетъ гаремъ богатаго султана и бѣжитъ съ его сыномъ Ширъ-Али, начиная нелегкую жизнь бѣглянки, претерпѣвая всякія невзгоды и лишенія.

Но вообще дѣвушка сама не выбираетъ себѣ жениха. Обыкновенно это дѣлается безъ ея желанія. Рельефно выражено это положеніе въ сказкѣ «Хырсь-Палванъ»³⁾.

Чудовищный великанъ похищаетъ красавицу, дочь одного царя, и когда она немного попривыкла къ нему, беретъ себѣ

шимъ образомъ: „Во-1-хъ, при близкихъ бракахъ не было бы стыдливости между парнями и дѣвцами одного аула, они не стѣснялись бы имѣть любовныя отношенія, и во-2-хъ, при такихъ бракахъ потомство бываетъ немногочисленно, а также мужъ не любитъ жену и бываетъ, какъ передають, слабосилеи въ половомъ отношеніи“. См. *Гроденовъ* „Киргизи и Кара-Киргизи“, Т. I, стр. 28.

¹⁾ *Н. Остроумовъ*, Сарты, вып. II, стр. 13—20.

²⁾ Тамъ же, стр. 40—46.

³⁾ Тамъ же, стр. 143—160.

ее въ жены. У нихъ рождается богатырь Хырсь-Палванъ. Когда онъ пришелъ въ возрастъ, онъ помогъ матери убѣжать отъ нелюбимаго ею мужа и самъ убѣжалъ съ нею къ ея отцу. Наскучивъ жизнью во дворцѣ своего дѣда, онъ отирогнулся въ дорогу посмотрѣть другія земли. По дорогѣ ему удалось побѣдить одного богатыря, котораго онъ потомъ взялъ себѣ въ слуги. Идя затѣмъ къ жилищу дракона, часто дѣлавшаго имъ неприятели, они дошли до прекраснаго сада съ красивыми дѣвками, запертаго желѣзными воротами, ключи отъ которыхъ хранились у вѣдьмы Аджины. На требованія Хырсь-Палвана дать ключи вѣдьма отказалась дать; онъ схватилъ и чуть не задушилъ ее, отобралъ отъ нея ключи, а ее отдалъ подъ наблюденіе слуги богатыря. Проникнувъ въ садъ и убивъ по дорогѣ Дива, Хырсь-Палванъ беретъ себѣ въ жены красивѣйшую изъ гурій и возвращается къ слугѣ. На обратномъ пути слуга при помощи вѣдьмы Аджины обманываетъ Хырсь-Палвана, лишаетъ его возможности выбраться изъ пропасти, а самъ беретъ себѣ въ жены жену Хырсь-Палвана. Но послѣднему удается, наконецъ, выбраться изъ пропасти, и послѣ долгихъ странствій онъ находитъ обманщика слугу, убиваетъ его и отнимаетъ жену. Но только онъ успѣлъ отыскать свою жену, какъ у него отнялъ ее сынъ колдуньи и взялъ себѣ въ жены. Къ счастью, ей удалось избавиться и вернуться къ Хырсь-Палвану.

Въ одномъ городѣ, гдѣ они остановились на время погостить, ее крадетъ еще сынъ какой-то колдуньи и беретъ себѣ въ жены. Но и тутъ Хырсь-Палвану удается спасти свою жену и двинуться далѣе въ путь, на родину. Послѣ разныхъ мытарствъ они дошли до одного царя. Хырсь-Палванъ разсердилъ его своимъ дерзкимъ отвѣтомъ, и царь рѣшилъ его погубить. Его сбросили въ бездонную пропасть. Жена же такъ сильно его любила, что бросилась вслѣдъ за нимъ въ пропасть, гдѣ они оба и погибли.

Сколько же разъ бѣдная женщина переходила отъ одного мужа къ другому, и ни разу не видно, чтобы кто-нибудь побеспокоился спросить объ ея согласіи!

III.

Женщина безъ мужа — нуль. Только онъ обезпечиваетъ ея существованіе, дѣлаетъ прочнымъ ея положеніе.

«Если любить мужъ — любить и народъ». (556).

«Жена за спиной мужа, ханша за спиной хана, (т.-е. пользуется защитой, покровительствомъ и почетомъ по мужу). (557).

Итакъ, женщина должна выйти замужъ, чтобы упрочить свое положеніе, устроить семью.

Что же представляетъ изъ себя семейный союзъ?

Это трудовой союзъ. Мужъ и жена являются въ глазахъ народа парой воловъ, соединенныхъ ярмомъ (548) для со- вмѣстной трудовой жизни. Правда, эта пословица единствен- ная, указывающая какъ бы на равноправность жены съ мужемъ въ семьѣ. Далѣе она оказывается уже только по- мощницей (549), а не сотрудницей.

Конечно, эта помощь жены нужна только бѣдняку-мужу. Богатому жена — для наслажденій, для развлеченій.

«Если умереть жена у богатого, то у него обно- вится постель, если же у бѣдняка умереть жена, то у него закружится голова». (28). 1).

Мало того, что жена низведена на степень помощницы, ее приходится еще учить, воспитывать, передѣлывать на свой ладъ.

«Дитя (воспитывай) съ малыхъ лѣтъ, а жену — съ начала (супружества). (48).

И горе глупой женѣ, — для ея обученія приходится припасать «толстую плетъ». (20) 2). Это послѣднее указаніе даетъ по- нять, что принятые способы «обученія и воспитанія» женъ не слишкомъ гуманные.

1) Правда, вторая половина этой пословицы можетъ быть истолкована и не въ томъ смыслѣ, что голова закружится отъ потери помощницы, а что прихо- дится измышлять средства на новый калямъ для добыванія новой жены, что не легко бѣдняку.

2) Ср. у *Наликиныхъ*, „Очеркъ быта женщинъ“, стр. 141.

Правда, молодежь не всегда стоит на сторонѣ плетки и деспотизма мужа. Въ сказкѣ «Баба-Яга и братъ ея царевичъ»¹⁾ царевичъ, прослушавъ жалобы молодой дѣвушки (см. выше), запѣлъ «грустную пѣсню». «Пѣлъ онъ, какъ его отецъ-старикъ прогналъ его мать за то, что она стала не красива и не могла своими ласками его потѣшать; пѣлъ онъ дальше, зачѣмъ есть на свѣтѣ такой плохой законъ, что мужа такъ своихъ женъ обижаютъ».

Но такъ или иначе семья создана,—что же дѣлаетъ жена въ семьѣ?

На ней лежитъ все домоводство: „тѣсто дѣлать, огонь разводить, пищу готовить“ (309)²⁾.

Въ противоположность этимъ работамъ внутри дома, по хозяйству, работа мужчины заключается въ добываніи средствъ существованія, и кромѣ того онъ признается и общественной единицей. Ему надлежитъ:

«Махать китменемъ, братъ и власть, пашущихъ быковъ погонять, пойти и прійти... Ой, ой!» (309).

Это различіе въ жизни и дѣятельности мужчины и женщины выражено очень наглядно и въ пословицѣ:

«Дурной мужчина срамитъ пирь, дурная женщина—домъ срамитъ». (524).

Въ виду именно этого послѣдняго обстоятельства, при выборѣ жены нужно быть особенно осмотрительнымъ и не брать наобумъ, а узнавши хорошенько.

«Жену не бери во время праздника; лошадь не покупай во время дождя (потому, что въ праздникъ женщина бываетъ нарядна, а лошади во время дождя одинаково приглядны). (537).

¹⁾ Н. Остроумовъ. Сарты, в. II, стр. 16.

²⁾ Ср. у А. Н. Хороткина. «Сборникъ статей касавшихся до Туркестанскаго края», стр. 116. «Дома женщины шьютъ на семейство, прядутъ шовкъ и бумагу, готовятъ пищу и воспитываютъ, точнѣе кормятъ дѣтей». Тоже у Нальчиныхъ, «Очеркъ быта женщ.», стр. 109. «Мужъ долженъ добывать деньги или продукты; жена обязана приготовить изъ нихъ пищу и одежду». Такія дѣла, какъ торговля, кушля и продажа и пр., всегда лежатъ на мужчинѣ, ибо для женщины считается неприличнымъ ходить на базаръ.

«Не бери ту, которую ты видѣлъ сквозь дверь; бери ту, которую ты видѣлъ съ колыбели». (*Гродек*. 575).

Хотя, какъ мы видѣли раньше, этимъ не всегда руководствуются при выборѣ жены.

Конечно, выборъ жены не можетъ быть всегда удачнымъ, и это служитъ поводомъ къ обильнымъ заявленіямъ о плохомъ положеніи мужа, семьи, если жена плохая. Плохо, если жена злая, (19, 21, 543) развратная, (22, 23), прожорливая (?) (24).

«Что пользы отъ обширности этого міра, если сапоги у тебя тѣсны? Что пользы отъ обширности вселенной, если у тебя жена развратная?» (22).

Такъ восклицаетъ мужъ, удрученный не только тѣмъ, что съ такой женой живетъ плохо ему самому, но еще и тѣмъ, что ему за такую жену грозитъ презрѣніе общества (23). И должно быть хорошія жены рѣдкость, такъ какъ народъ говоритъ:

«Нѣтъ врага сильнѣе жены; она не замѣтна — лежитъ въ объятіяхъ». (*Ибраг.*).

Зато какъ хорошо и счастливо живетъ, если жена хорошая, какъ благодушно настроенъ мужъ въ такомъ случаѣ.

«Хорошая жена — благополучіе дома; хорошій халать — красота пира». (544),

говорить онъ въ умиленіи.

Но оставимъ чувства мужа въ сторонѣ и вернемся вновь къ женѣ.

Она хозяйка, но для кого же она будетъ хозяйничать? Неужели же для одного своего мужа? Конечно, нѣтъ. Она жаждетъ дѣтей, страстно желаетъ ихъ имѣть¹⁾. Она въ случаѣ не имѣнія дѣтей даже утѣшаетъ себя иллюзіями въ родѣ собранія коллекціи дудочекъ, вставляемыхъ въ дѣтскія люльки (33). Ей мало одной, она, глядя на свою коллекцію утѣшаетъ себя, думая, что у нея много дѣтей.

Въ виду разныхъ занятій мужа и жены у нихъ являются и различныя обязанности по отношенію къ дѣтямъ. На ма-

¹⁾ Ср. у *Наливкиныхъ*. „Оч. быта женщ.“, стр. 167—169.

тери лежитъ обязанность кормить, воспитывать физически своихъ дѣтей, тогда какъ отецъ обязанъ заботиться объ ихъ нравственномъ развитіи.

Последнее рѣзко выражено словами пословицы:

«У негодяя—отца не бываетъ» (*Грод.* 601),

т.-е. если есть у человѣка отецъ, то онъ не сдѣлаетъ сына негодяемъ.

«Оскорбившій своего отца будетъ презираемъ народомъ; оскорбившій свою мать будетъ нуждаться въ кускѣ хлѣба». (494).

Мы сказали выше, что обязанность матери—физически воспитывать дѣтей своихъ, но это не исключаетъ возможности и нравственнаго воздѣйствія ея на дѣтей. Это доказывается уже тѣмъ, что при выборѣ невѣсты рекомендуется глядѣть на ея мать (56), т.-е. оцѣнивать, что могла получить она отъ матери. Значеніе матери оказывается настолько сильно, что у сумасшедшей матери всѣ дѣти будутъ сумасшедшія. (505).

Особенно же рельефно значеніе матери выражаютъ пословицы:

«Сирота, не имѣющая матери,—негодная; сирота, имѣющая мать,—цвѣточекъ». (38)¹⁾.

«На головѣ сироты при матери играютъ руки и гребень; на головѣ сироты безъ матери играютъ вши» (*Грод.* 658).

Но чтобы вскормить и воспитать цвѣточекъ, мать должна положить массу труда. Что же ждетъ ее въ старости, чѣмъ отблагодарятъ ее дѣти? Ничѣмъ. Когда выростутъ дѣти, а мать станетъ стара, между ними начинается разладъ. Мать одно, а дѣти другое (507); но этого мало,—дѣти отказываются кормить своихъ родителей²⁾. Они говорятъ:

¹⁾ Киргизскій вариантъ: „При отцѣ сирота—бессовѣстная сирота, при матери сирота—дѣнная сирота“ (*Грод.* 657). Эта пословица, въ противорѣчіе съ указанной выше (601), какъ бы умалляетъ значеніе отца въ дѣлѣ воспитанія дѣтей.

²⁾ Ср. у *Намечкимы*: „Очеркъ бита женщ.“, стр. 111—112, 157. Оказывается, что, выдавъ дочь замужъ за богатаго, мать не рѣдко исполняетъ у нея роль прислужившицы и живетъ ей не очень легко. Бываютъ случаи, что дочь не только покидаетъ въ такомъ положеніи матерью, но даже бьетъ ее.

„Если есть отецъ и мать—пускай будутъ; лишь бы не было ихъ ртовъ и носовъ (т.-е. лишь бы не кормить ихъ)“. (501).

Грустно должно быть матери при такой холодности и чорствости дѣтей; она обращается къ мужу, жалеетъ отъ него получить ласку и привѣтъ, а онъ говорить:

„У ветхой одежды (старая жена) нѣтъ тепла“. (18).

Холодомъ повѣетъ на нее отъ этихъ словъ.

И что же? Прожита жизнь... Назади короткое дѣтство и дѣвичество, долгая жизнь семейными интересами и замкнутое гаремное прозябаніе, а въ результатъ всей этой жизни полная оторванность отъ всего, одиночество, заброшенность.

Гдѣ выходъ? Ищеть ли его современная намъ женщина востока?

На этотъ вопросъ мы пока не можемъ дать никакого отвѣта.

0—чевъ.

Ташкентъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ВОТЯКОВЪ КАЗАНСКАГО УЪЗДА ¹⁾.

(Этнографическій очеркъ).

I.

Вотяки Казанскаго уѣзда, какъ и всѣ инородцы нашего обширнаго отечества, до сихъ поръ сохранили не мало различныхъ обрядовъ и обычаевъ, которые представляютъ значительный этнографическій интересъ. Въ виду этого въ настоящей статьѣ мы рѣшили познакомить читателей съ свадебными обрядами и обычаями Вотяковъ Казанскаго уѣзда. Обряды и обычаи эти несомнѣнно должны быть разсматриваемы какъ остатки язычества и архаическаго строя вотяцкой семьи. Извѣстно, что не только у инородцевъ, стоящихъ на болѣе или менѣе низкой ступени умственнаго развитія, но и у цивилизованныхъ народовъ, сохранились многіе языческіе обряды и обычаи, которые, утративъ свою первоначальную форму и значеніе, сохраняются въ качествѣ забавы. Такъ, напр., вѣра въ колдовство до сихъ поръ существуетъ среди крестьянъ и низшихъ классовъ, божества нашихъ предковъ живутъ и донинѣ въ сказкахъ, рассказываемыхъ нянями дѣтямъ. У малокультурныхъ же народовъ остатки язычества имѣютъ серьезное значеніе, такъ какъ находятся въ тѣсной связи съ ихъ религіознымъ мировоззрѣніемъ, а потому, за немногими исключеніями, сохраняются

¹⁾ Настоящій очеркъ есть результатъ преимущественно личныхъ наблюденій надъ свадебными обрядами и обычаями Вотяковъ Казанскаго уѣзда. Значительную помощь при настоящей работѣ оказалъ мнѣ бывший учитель Гондиревскаго училища Братства Св. Гурія, Казанскаго уѣзда, В. Т. Тимофеевъ, которому я приношу за это искреннюю благодарность.

въ первоначальной, первобытной формѣ. Мы не будемъ разсматривать различныя стадіи развитія вотяцкой семейной жизни, такъ какъ этотъ вопросъ довольно разработанъ въ этнографической литературѣ¹⁾, и перейдемъ непосредственно къ описанію свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ.

Изстари у Вотяковъ ведется обычай совершать свадьбы предъ сѣнокосомъ, вскорѣ послѣ Петрова поста, т. е. съ праздника св. Апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня. Въ другое время свадьбы совершаются только по необходимости: женятся преимущественно вловцы, не имѣющіе въ домѣ женщины для веденія домашняго хозяйства и присмотра за дѣтьми, или же молодые люди, принужденные обстоятельствами жизни, -- напр. вслѣдствіе смерти матери или другой единственной работницы въ семьѣ, -- жениться, не дожидаясь обычнаго времени. Обычай этотъ въ глазахъ вотяцкихъ дѣвушекъ имѣетъ важное значеніе, и выйти замужъ въ другое время онѣ считаютъ даже предосудительнымъ, такъ какъ вслѣдствіе этого нарушается традиціонный порядокъ свадебныхъ обрядовъ.

Молодые люди женятся обыкновенно въ возрастѣ отъ 18—24 лѣтъ. Время вступленія въ бракъ находится въ зависимости отъ матеріальнаго состоянія родителей: сыновья болѣе или менѣе зажиточныхъ родителей женятся раньше, а сыновья бѣдныхъ родителей и не имѣющіе льготы по отбыванію воинской повинности по необходимости принуждены бываютъ откладывать женитьбу на неопредѣленное время, иногда до 26—28 лѣтъ своего возраста. Женятся они обыкновенно по своему личному желанію, а не по принужденію родителей, но о своемъ намѣреніи жениться сообщаютъ всегда родителямъ чрезъ родственниковъ или даже сосѣдей.

Родители, желая женить своего сына, въ свою очередь прибѣгаютъ также къ посредству родственниковъ. Сватовство обыкновенно начинается вскорѣ послѣ Пасхи, такъ какъ

1) Желавшихъ познакомиться съ этимъ вопросомъ отсылаемъ къ труду известнаго этнографа проф. И. Н. Смирнова — „Вотяки“. Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ VIII, выпускъ 2-й.

приготовленія къ свадьбѣ, въ средней по зажиточности вотяцкой семьѣ, требуютъ отъ невѣсты не мало времени.

Выборъ же невѣсты принадлежитъ преимущественно родителямъ, которые руководствуются при этомъ матеріальными расчетами, такъ какъ для дома требуется главнымъ образомъ хорошая работница и съ достаточнымъ количествомъ приданого.

Взглядъ же молодыхъ людей на невѣсту сильно разнится отъ взгляда родителей. Такъ, въ пѣсняхъ воспѣвается ими стройный станъ дѣвушки, ихъ красота, дѣлаются сравненія глазъ возлюбленной съ черной смородиной, а лица — съ красной костянкой и проч.

Приведемъ для образца нѣсколько такихъ пѣсенъ:

- | | |
|--|--|
| 1. Важлэн чеберэз, ай, мар дырья?—
Тѣрли саськаез вань дырья;
Ныллен чеберэз, ай, мар дырья?—
Дираз тактыяз вань дырья. | Когда бываетъ красота дуга?
Тогда, когда есть различные цвѣты;
Когда бываетъ красота дѣвушекъ?
Тогда, когда на головѣ есть тактыя ¹⁾ . |
| 2. Тельбуу пумы алтын чуқ,

Кидэс вѣяса кутэлэ;
Мялям налпаськон мукѣтовол,
Вань налпаськонны мотор ныл. | Наконечникъ возжей съ золотою кистью,
Держите ихъ (возжи), помазавъ руки;
У насъ думъ другихъ нѣтъ,—
Всѣ думы наши о дѣвушкѣ. |
| 3. Гурежь но бордад сѣд пушнерэд,
Сѣд пушнер полын сѣд сутэр;

Сѣд сутэр канк синюсыд,
Горд намэр канк бамюсыд. | На горѣ черная крапива,
Въ черной крапивѣ — черная смородина;
Какъ черная смородина ваши глаза,
Какъ красная костяника ваши лица. |
| 4. Тавтыдэс мурик эн ижъязэ,
Мед аджиськоз бабились дирсиды;

Кусьостэс дюник эн кертылэ,
Мед аджиськоз веськыт мугорды. | Не надѣвайте тавтыю низко,
Пусть будутъ видны ваши кудрявые волосы,
Поясицу не подпоясывайте туго,
Пусть виденъ будетъ вашъ стройный станъ. |
| 5. Келет но валлэн дялэз кужь,
Гужем ныналэн ныналэз кужь;
Гынад мугорэд мынам синьмы
Уськыса ум тырыскэ кужь ныналэн. | У рыжей лошади долга грива,
Лѣтомъ бываетъ дологъ день;
Глаза мои на твой станъ.
Насмотрѣться не могутъ и въ долгій день. |

¹⁾ Головной уборъ дѣвушки.

Дѣвушки-невѣсты поютъ о своихъ возлюбленныхъ такъ:

- | | |
|--|---|
| <p>1. Вылад но дисям дисіостэ
 Гождо аджиськэ синь ажам;
 Чукна но жюжам шунды канк
 Мусо аджиськод синь ажам.</p> | <p>И одежда, надѣтая наверхъ тобою,
 Предъ глазами полосатою кажется,
 И какъ солнце, поднявшееся утромъ,
 Милъ кажешься ты предъ моими
 глазами.</p> |
| <p>2. Укно выжыды гѣль гынэк,
 Гѣльэн сязькаез ок гынек;
 Та гуртын муртіес туж уно,
 Мынам гахамэ ок гынэк.</p> | <p>Подъ окномъ одна только роза,
 У розы одинъ только цвѣточекъ,
 Въ этой деревнѣ весьма много людей,
 Но милый у меня только одинъ.</p> |

На нравственные качества невѣсты хотя большого вниманія не обращается, но предпочитаютъ дѣвушки хорошаго поведенія. Въ настоящее время, какъ показываютъ наблюденія, взглядъ Вотяковъ на нравственность дѣвушекъ значительно измѣнился; повѣтому; замѣчанія о. А. С. Миропольскаго ¹⁾ и г. Д. Островскаго ²⁾ по поводу этого теперь кажутся уже преувеличенными. О. Миропольскій замѣчаетъ: «Вотяцкіе женихи не дорожатъ нравственностію дѣвушекъ. Чѣмъ больше молодежи ухаживаетъ за дѣвушкой, тѣмъ больше надежды на скорый выходъ ея замужъ. Повѣтому нерѣдко приходится вѣнчать беременныхъ» (стр. 359) Г. Островскій, сообщая объ отношеніяхъ молодыхъ людей — будущихъ супруговъ, говоритъ, что они, „нерѣдко случается, сходятся между собою весьма близко задолго до свадьбы. И это не только не считается предосудительнымъ, напротивъ, если дѣвушка до выхода замужъ забеременѣла или даже имѣла дѣтей, считается хорошимъ признакомъ; такая дѣвушка даже предпочитается другимъ, потому что отъ нея вѣрнѣе можно ожидать потомства“ (стр. 27). Но теперь это не только не служитъ хорошимъ признакомъ, а считается предосудительнымъ, и беременныя дѣвушки выходятъ замужъ обыкновенно при условіи ничтожнаго калыма (1—2 руб.), иногда даже безъ калыма. Впрочемъ, справедливость требуетъ добавить, что замѣчаніе г. Островскаго не вполне утратило значеніе для

¹⁾ Православный Собесѣдникъ 1876 г. кн. XII („Крещеніе Вотяки Казанск. уѣзда“).

²⁾ Труды Общества Естествоиспытателей при Имп. Казанск. Университетѣ Т. IV, № 1 („Вотяки Казанской губ.“).

характеристики и современныхъ отношеній молодежи. И теперь по окончаніи сватовства женихъ и невѣста пользуются полною свободою, чему не мало способствуетъ обыкновеніе дѣвушекъ спать въ кѣлти (кѣнасын). Если женихъ и невѣста изъ одной и той же деревни, то они почти всѣ ночи проводятъ вмѣстѣ; при этомъ невѣста иногда угощаетъ своего суженаго кумышкою, а онъ ее различными деревенскими лакомствами. Открыто же, въ качествѣ гостя, женихъ въ это время никогда не является въ домъ родителей невѣсты.

При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что влюбленные молодые люди (десъ-уонъѣз) часто проводятъ ночи вмѣстѣ и до сватовства. Родители-вотяки обыкновенно не обращаютъ вниманія на поведеніе своихъ дѣтей и позволяютъ имъ проводить ночи, гдѣ и какъ угодно, поэтому молодежь обоего пола и различныхъ возрастовъ большую часть ночи проводятъ на улицѣ, а потомъ и въ кѣнасахъ. Благодаря, вѣроятно, такому взгляду на отношенія молодежи, у Вотяковъ сложилась поговорка: „пипял піос уска дераты, Иьмар-но ус дераты ¹⁾“, т. е. — если не будутъ любить молодые люди, не будетъ любить и Богъ. Но, не смотря на такую свободу нравовъ, незаконнорожденные бываютъ весьма рѣдко.

Родители, сдѣлавъ выборъ невѣсты и заручившись согласіемъ жениха, въ той деревнѣ, изъ которой предполагаютъ взять молодушку (вилькѣн), подыскиваютъ сваху, называемую по-вотяцки „ажъ ветлись“ (впереди ходящая) или „димчи“ (совѣтница, сваха отъ татар. *дим* — совѣтъ, уговариваніе), которая выбирается обыкновенно изъ родственницъ; она должна ходить въ домъ невѣсты и уговаривать родителей выдать свою дочь, а невѣсту—выйти замужъ за предлагаемаго жениха. При этомъ «ажъ ветлись», употребляя, конечно, все свое умѣніе, расхваливаетъ жениха и его родителей, много говоритъ о ихъ матеріальномъ благосостояніи и перечисляетъ все, имѣющее болѣе или менѣе важное значеніе въ ихъ хозяйствѣ. Въ случаѣ благопріятныхъ результатовъ переговоровъ, «ажъ ветлись» увѣдомляетъ объ этомъ родителей жениха,

¹⁾ Поговорка эта приводится и у г. Островскаго, но имѣетъ неправильный переводъ. (См. стр. 27).

которые послѣ этого начинаютъ сватовство, такъ сказать, официальнымъ образомъ. Если мѣстожителство невѣсты далеко, для переговоровъ въ качествѣ свата отправляется отецъ или старшій братъ жениха, если же близко — мать или старшая сестра. Взявъ съ собою четверть водки и каравай хлѣба изъ яровой муки, свать или сваха отправляется первоначально къ «ажъ ветлись», съ которой уже идетъ къ невѣстѣ. Къ ихъ приходу мать невѣсты покрываетъ столъ чистою скатертью (джокъ кшѣт) и кладетъ на него каравай хлѣба и солоницу. Пришедшіе сваты, обмѣнявшись обычными привѣтствіями, ставятъ на столъ привезенную четверть водки, тутъ же рядомъ кладутъ и хлѣбъ; хозяева усаживаютъ ихъ за столъ на почетное мѣсто, т. е. въ передній уголъ. Когда переговоры приведутъ къ намѣченной цѣли, начинаются угощенія принесеннымъ виномъ. Невѣста къ гостямъ не выходитъ и сидитъ въ это время съ своими подругами въ кѣнасѣ, куда къ ней для переговоровъ ходятъ часто «ажъ ветлись», мать и родственники. Изъявляя свое согласіе выйти замужъ, невѣста даритъ чрезъ «ажъ ветлись» отцу или матери жениха одну изъ слѣдующихъ вещей: скатерть (джокъ кшѣт), полотенце для головы, которое составляетъ принадлежность костюма каждой вотяцкой женщины (дир кшѣт), кушакъ (путо, по-татарски—пута). «Ажъ ветлись» по обыкновенію отдаетъ подарокъ не голыми руками, а прихвативъ запономъ; получающій въ свою очередь беретъ подарокъ, прихвативъ полою одежды или рукавомъ, утираетъ имъ свое лицо и говоритъ пожеланія: «кузимез быдзым медло», т. е. пусть будетъ подарокъ великимъ (большимъ), „котло медло“—пусть будетъ счастливымъ (благополучнымъ), „асьсы ми кайк быдзым, пересь медло“ — они сами, какъ мы, большіе и старые пусть будутъ. Свать или сваха передаетъ подарокъ старшему изъ присутствующихъ, напр. отцу невѣсты, а тотъ, исполнивъ эту церемонію, передаетъ другимъ.

Когда подарокъ обойдетъ всѣхъ, его отдаютъ по назначенію. Подарокъ этотъ при заключеніи свадебныхъ условій имѣетъ важное, рѣшающее значеніе: получившіе его уже ни въ какомъ случаѣ не должны отказываться отъ невѣсты,

хотя бы даже за веку были открыты какіе-либо важные недостатки. Невѣста за свой подарокъ получаетъ также въ подарокъ одинъ или нѣсколько серебряныхъ рублей или монеть другого достоинства, которыя потомъ, какъ украшеніе, пришиваются къ костюму молодухи.

Въ заключеніе сватовства условливаются относительно калыма, называемаго по-вотяцки „кулынъ“. Калымъ платится неодинаково, такъ какъ опредѣляется по количеству приданого невѣсты и зависитъ отъ матеріальнаго состоянія родителей жениха; у Вотяковъ Казанскаго уѣзда калымъ бываетъ отъ 5 до 15 руб., весьма рѣдко въ нѣсколько десятковъ рублей.

До дня свадьбы невѣста со своими подругами шьетъ себѣ приданое и приготовляетъ различные подарки, какъ для родственниковъ жениха, такъ и для своихъ. Подарки эти состоятъ обыкновенно изъ различныхъ принадлежностей платья.

Ближайшимъ родственникамъ преподносятся болѣе крупныя подарки, напр.: рубашка (дэрэм), штаны (эрэжъ), запонъ (агишэт), полотенце (банг кшэт) нагрудникъ, который носится женщинами (мурэшэт) и проч.

Дальнимъ родственникамъ дарятся мелкія вещицки: висеты, т. е. кошельки съ вышивкою и различными украшеніями изъ разноцвѣтныхъ обрѣзковъ матеріи и шерсти, для денегъ и для табаку, различные мелкія принадлежности костюма, напр. поясъ (кускартон) и проч.

Въ продолженіе этого времени родители жениха и невѣсты, встрѣчаясь на базарѣ, сообщаютъ покупки для приданого невѣсты; причѣмъ мать жениха даетъ деньги на пріобрѣтеніе шелка (бурсинъ), позумента и серебряныхъ нитокъ (уко, по-татарски — ука) для вышиванія „ашьяна¹⁾“ — головного убора и другихъ принадлежностей костюма молодухи.

1) Верхняя часть ашьяна, надѣваемая на голову, имѣетъ форму усѣченной пирамиды вышиною вершка 3 и служитъ основаніемъ; она дѣлается обыкновенно изъ бересты зашитой въ холстъ и покрывается „слюнкомъ“ (родъ платка изъ красной матеріи), который по краямъ обшивается коричневою бахромою и украшается нашивками изъ позумента и разноцвѣтныхъ обрѣзковъ матеріи. Слюнокъ, покрывая основную часть ашьяна, спускается назадъ и образуетъ двѣ складки вдоль спинки. Ашьянъ носится только замужними женщинами.

Въ свободное время невѣста ходитъ на поле, на луга, въ лѣсъ и на ключъ, изъ котораго жители деревни берутъ воду и тамъ плачетъ, сожалья о томъ, что ей, послѣ выхода замужъ, не придется бывать тутъ, работать и гулять съ своими подругами.

За недѣлю до Петрова дня кто-либо изъ родителей или старшій братъ, дядя въ назначенный день отправляется къ родителям невѣсты для переговоровъ относительно дня свадьбы. Къ приему гостей готовится яичница (курѣкпыз пуштэм), сливочное масло (шуккэм вѣй), баранина (тага силъ) и большое количество вумышки, безъ которой у вотяковъ не обходится ни одна пирушка, ни одинъ религіозный обрядъ (моленія, жертвоприношенія, поминовенія умершихъ и проч.). Пирушка эта по-вотяцки называется „бульжѣ“ и соответствуетъ русскому сговору, который, какъ извѣстно, бываетъ передъ свадьбой для окончательныхъ переговоровъ. Въ это время назначается день свадьбы, и невѣста, чрезъ „ажъ ветлись“, снова даритъ отцу или матери жениха рубашку, штаны или кисеть; подарковъ описаннымъ уже выше способомъ переходитъ изъ рукъ въ руки и при различныхъ пожеланіяхъ возвращается по принадлежности. По полученіи подарка уплывается половина калыма. Попировавъ достаточно, сваты возвращаются домой.

II.

Въ назначенный день для брака или наканунѣ, когда невѣста берется изъ дальняго селенія, ѣдутъ за невѣстою. За нею обыкновенно ѣздятъ два парня изъ родственниковъ, называемые поэтому „ныл ваисьсѣс“ (привозяще дѣвушку), и младшая сестра жениха (сузэръ); они всегда ѣздятъ въ кибиткѣ (родъ крытаго экипажа очень трясакаго по причинѣ примитивнаго устройства), а на открытомъ тарантасѣ отправляется еще отецъ, братъ или кто-нибудь изъ близкихъ родственниковъ.

Поѣзжане, пріѣхавъ въ домъ невѣсты, пируютъ вмѣстѣ съ приглашенными гостями. Невѣста же въ сопровожденіи «ажъ ветлись» и подругъ ходитъ прощаться съ родственниками и

сосѣдами, которые угощаютъ ее при этомъ кумышкою, но она пьетъ очень мало. Затѣмъ невѣсту приводятъ въ канасъ, гдѣ ей вообще приходится проводить большую часть свадебнаго времени. Здѣсь ближайшія родственницы въ это время собираютъ и складываютъ въ сундукъ приданое невѣсты и раздаютъ подарки поѣзжанамъ и родственникамъ; подарки эти, какъ сказано уже выше, состоятъ изъ различныхъ принадлежностей костюма. Невѣста же, окруженная подругами и любопытными со всей деревни (приходятъ иногда и изъ ближайшихъ сосѣднихъ деревень), сожалѣетъ о томъ, что ей приходится расстаться съ родными, съ подругами и съ сосѣдами, и плачетъ, приговаривая:

Ой, атае, анае, вань туганіосэ!
тани ти монэ тадрось вордиды, быде-
стиды; тани ини мон тиледдись лю-
кыськысьево.

Та бере ини мон тиледыз чаль-
геия укадыжи, тиледдись мусо кылі-
остэ уккылы...

Кизи ини мон дят муртіосэн
уло, соіослы дышо? Висем дыріосэ
но луоз, соки мон анае, атае шу-
уса кинье важьо? Кинь монэ утял-
тоз, монэ кинь мусо кыліосэн ди-
ватоз?

Ой, атае, анае! монэ дят муртіос
кіе сѣтыны марлы вордиды мидам?
Марлы мон авайлысь вордыськи
мидам?..

Тани шодыськытэк пинял мусо
дауыры орчиз ини!..

Ой, бускеліосы, ыскавыніосы, дүл-
тошіосы, тиледдись люкыськысье
ини!.. Иньмар тиледды-но мыным-
во десь улыны кюжь дауыр мед
сѣтоз вал.

Ой, эшіосэ! вань панаіос кыржа-
кы, вань уж дыріа: турнакы, араакы
ти мынам тодамы усѣды, мон соки
мар каро ини?.. Ой, мусо пинял
дауыры! Дауыры мынам дауыры!..

О, тятенька, мамонька, всѣ род-
ственники! вотъ вы меня до сего
времени воспитали и выростили; вотъ
теперь я отдѣляюсь отъ васъ.

Послѣ этого я васъ скоро не уви-
жу, отъ васъ милыхъ словъ не услы-
шу...

Какъ съ чужими людьми я теперь
буду жить и (какъ) привыкну къ
нимъ? Будетъ и время болѣзни, тогда
къ кому я буду обращаться говоря:
тятенька, мамонька? Кто за мною бу-
детъ ухаживать (присматривать), кто
меня пріятными словами утѣшитъ?

О, тятенька, мамонька! зачѣмъ же
вы меня воспитали для отдачи въ
руки чужихъ людей. Для чего же я
отъ матери родилась?..

Вотъ незамѣтно молодое милое
время прошло уже!..

О, сосѣди, знакомые и подруженьки
(товарки), отъ васъ отдѣляюсь уже!..
Богъ и вамъ и мнѣ хорошо жить
долгій вѣкъ пусть дастъ!

О, близкіе родственники! во время
пѣнія всѣхъ птичекъ, во время всѣхъ
работъ: во время сѣновоса, во время
жатвы вы вспомнитесь—мнѣ, чтó я
тогда буду дѣлать уже?... О, милое,
молодое время! Время мое время!..

Плачь и причитанія невѣсты производятъ уныніе и на окружающихъ ея дѣвушекъ-подругъ и женщинъ, такъ что многія изъ нихъ плачутъ вмѣстѣ съ нею.

Въ это время къ невѣстѣ приходятъ родственницы и сосѣдки и для угощенія ея приносятъ на сковородѣ яичницу и бутылку кумышки. Невѣста обыкновенно съѣдаетъ нѣсколько ложекъ яичницы и выпиваетъ 2—3 глотка кумышки, а остальное уничтожаютъ окружающія невѣсту женщины. Предъ отъѣздомъ «ажъ ветлись» водить невѣсту прощаться со всѣми надворными постройками и съ гумномъ; около каждаго хлѣва, конюшни и проч. невѣста останавливается, плачетъ и кланяется имъ до земли. Затѣмъ ее вводятъ въ домъ для прощанія съ родителями. Родители сидятъ въ это время на нарахъ ¹⁾ около стола (иногда на подушкахъ). Невѣста кланяется имъ, прощается и проситъ благословенія, говоря съ плачемъ:

О, мусо атае, анае!... Мон тыдыросъ тиледын валче ули - но быдзееми-но. Мынам тиледын улыкы тѳры дыросы луежъ дыр: тиледыз ранжити дыр, шыкасыкы дыр, ожикено ти монъ дышетыса, гажаса вордиды, ини мон со понна тиледды тау-но карысыко, бакзелькедэс-но ²⁾ курысыко. Ини мыным ожи тиледлись люкысыкыны Иньмар Ачыз кылдытэм дыр. Мынам хазэр ³⁾ тиледды мусо кыліос уно вераны укло,—сюлемы кудоно кайк серэктэмись, кыліос-но укметтисекы...

О, милые тятенька маменька!.. Я до сихъ поръ съ вами вмѣстѣ и жила и выросла. Въ продолженіе моей жизни съ вами различное (всякое) время было: навѣрно оскорбляла васъ, навѣрно ругала васъ, хотя и такъ, вы меня уча и любя воспитали, теперь я за то вамъ приношу благодарность и прошу благословенія. Теперь мнѣ такъ отдѣлиться отъ васъ суждено Самимъ Богомъ навѣрно. Сейчасъ сказать вамъ много любезныхъ словъ я не имѣю возможности, — сердце какъ предъ смертью ноетъ, и я не нахожу словъ...

¹⁾ Нары составляютъ необходимую принадлежность татарскихъ и вотяцкихъ избъ и кѣтей и представляютъ изъ себя помость вдоль передней стѣны, шириною около сажени; служатъ обыкновенно вмѣсто лавокъ и кроватей.

²⁾ Это слово арабско-персидскаго происхожденія и означаетъ „прощеніе грѣховъ, позволеніе, разрѣшеніе“ (См. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Составилъ Л. Будиловъ. С. П. Б. 1868 г. Выпускъ 1, стр. 246) и заимствовано Вотяками у Татаръ, которые „бахилламак“ употребляютъ въ значеніи простить, благословить.

³⁾ Отъ араб. слова, означющ. присутствующій, готовый; татарск.— теперь, нынѣ, сейчасъ, тотчасъ (см. тамъ-же, стр. 511).

Ой, мусо атае, анае! ыцэ монэ дят муртисе кие сѣтывы тляд сьлеміосты кнжи днестпз...

Ой, анае! монэ вордыськытэм беренк, ныл луемзэ тодэм бере, монэ пых улэ куштыса, лѣгаса малы вѣзтэк кельтнд?...

О, милые тятенька, маменька! такъ выдать меня въ руки чужихъ людей сердца ваши какъ осмѣдились!..

О, маменька, какъ ты только родила меня и какъ только узнала, что я дочь, (почему) бросивъ меня подъ ноги, не растоптала и зачѣмъ оставила неубитою?...

Послѣ этого родители благословляютъ свою дочь, говоря:

Ой, мусо нуныкае! Ми бакельюк-жэс сѣтыськом ини бакельмыго лу, далтэм писпу кайк лу, милемыз кылзэм кайк кылзись лу, дыгимо-ніостэ ворпись лу десіостэ люкась-кись лу, милемыз-но тодад уськы-тись лу.

Аминь, Иньмарэ, аминь.

О, милое дитятко наше! мы свое благословеніе даемъ, и теперь будь благословенна, какъ плодородное (удачное) дерево; какъ насъ слушалась, будь послушною, будь побѣдительною надъ злыми, будь собира-тельною добрыхъ и будь помнящей насъ.

Аминь, Боже, аминь.

Когда родители благословятъ дочь, всѣ присутствующіе встаютъ и прощаются съ невѣстою.

Родители провожаютъ ее только до порога съ слѣдующими пожеланіями:

Ой, мусо нуныкае, млялм нуны-кае! десь далтэм сюрэсен мын, Иньмарез бурэ вайыса, аминь, кыл-чнвіосыз люкаса, аминь, шайтаніо-сыз лѣгыса, аминь, десь муртисыз нууса, ышаніосыз кельтыса.

Аминь, Иньмарэ, аминь.

О, милое дитятко, дитятко наше! иди хорошею, удачною дорогою, призывая (вспоминвая) Бога, аминь, собирая ангеловъ, аминь, попирая злыхъ духовъ (шайтановъ), аминь, неся хорошихъ людей и оставляя злыхъ.

Аминь, Боже, аминь.

Послѣ ухода невѣсты родители продолжаютъ сидѣть около стола до ея отъѣзда; выходъ имъ запрещается во избѣжаніе несчастія, неблагополучія и проч.

Къ выходу невѣсты поѣзжане (ныл ваисьсѣс) запрягаютъ лошадей и въ ожиданіи ея обыкновенно сидятъ на козлахъ, при этомъ родственники невѣсты угощаютъ ихъ кумышкою. Невѣста подходитъ къ кибиткѣ и, обойдя вокругъ нея три раза, садится на подушку, положенную свахою, или „ажъ ветлись“, приподнимается и снова садится до трехъ разъ. Наконецъ, невѣста, сопровождаемая всевозможными пожеланіями, съ плачемъ выѣзжаетъ со двора; она плачетъ и во

время пути: встаетъ на ноги и, обернувшись назадъ, смотритъ на мѣсто своего жительства, съ которымъ несомнѣнно связано много дорогихъ воспоминаній, и время отъ времени въ отчаяніи кладетъ свою голову на верхъ кибитки. Проѣзжая по засѣянному полю, невѣста останавливается около своихъ полосъ, выгѣзаетъ изъ кибитки и проходитъ поперекъ ихъ, чтобы родные во время жатвы, увидѣвъ слѣдъ ея, вспомнили объ ней. Присутствующіе при этомъ наблюдаютъ, чтобы невѣста не взяла съ собою незамѣтно часть земли, такъ какъ, по повѣрью вотяковъ, тогда ихъ семейное счастье перейдетъ съ нею въ другой домъ.

Если мѣстожителство жениха находится недалеко отъ села, невѣста ѣдетъ прямо въ церковь, въ противномъ же случаѣ—ѣдетъ въ домъ жениха, и вѣнчаніе происходитъ уже на другой день. Обряды и пирушка въ томъ и другомъ случаѣ совершаются одинаково, такъ какъ невѣста, по пріѣздѣ въ домъ жениха, считается уже его женою и до церковнаго бракосочетанія ¹⁾.

Молодушку встрѣчаютъ на дворѣ родители и родственники молодого, стоя на посланномъ коврикѣ домашняго приготовленія съ хлѣбомъ - солью, масломъ, кумышкою и проч.; по пріѣздѣ молодушки на дворъ, они обращаются лицомъ на югъ и молятся такъ:

Ой, Иньмарэ, Бьдзым Иньмарэ!
десъ кар милемыз, аминь; далтыты
милемыз, эн кушты.

Аминь, Иньмарэ, аминь!

Тани милям эшмы бертэ вань
шудэ-бурэн, вань ваньбурэн, десъ-
се, вайса, ышанзэ кельтыса, вань

О, Боже, Великій Боже! помилуй
насъ (хорошими сдѣлай насъ), аминь;
сдѣлай насъ счастливыми (спорыми,
удачными), не оставь насъ.

Аминь, Боже, аминь!

Вотъ наше семейство возвращаетъ-
ся со всякимъ счастьемъ, со всѣми
вещами (кладомъ), принося хорошее,

¹⁾ Но нельзя не отмѣтить отграднаго явленія, которое наблюдается въ послѣднее время у Вотяковъ Казанскаго уѣзда. Благодаря вліянію духовенства и развитію грамотности, Вотяки начинаютъ относиться къ христіанскимъ таинствамъ и обрядамъ болѣе сознательно. Такъ, напр., теперь гораздо рѣже бывають случаи пріѣзда невѣсты въ домъ жениха до вѣнчанія, чѣмъ это было 10—15 лѣтъ тому назадъ. У Вотяковъ же Мамадынскаго уѣзда и до сихъ поръ сохранился обычай жить невѣнчанными болѣе или менѣе продолжительное время: иногда даже два-три года и болѣе.

вижъ - модосэн, шунитэн, али по-
том шунды кайк, шукна ачкэм
ужымъ кайк, жыт бертэм кѣтѣ
кайк чыпосэн бертэм бурдо нидо
курэкъ кайк, гужласа улись умор-
толэвъ мушэзъ кайкъ, аминь.

(злос) оставляя, со всякимъ умомъ,
тепломъ¹⁾, точно только что вышед-
шее солнце, какъ озимъ имѣющая
видъ утромъ, какъ стадо, возвра-
щающееся вечеромъ, какъ мохноно-
гая курица, возвращающаяся съ
цыплятами, какъ пчела съ шумомъ
живущаго улья²⁾, аминь.

По окончаніи этой молитвы, молодуха выѣзжаетъ изъ ки-
битки, обходить ее три раза и становится на коврикъ; рядомъ
съ нею становится и молодой. Всѣ стоящіе на коврикѣ снова
молятся, испрашивая счастливой, благополучной жизни для
новобрачныхъ; въ заключеніе молодому даютъ намазанный
масломъ кусочекъ хлѣба, который онъ съѣдаетъ вмѣстѣ съ
молодушкою въ знакъ того, что съ этого момента у нихъ
все должно быть общее.

Затѣмъ молодой идетъ въ избу, а молодухку съ сестрою
молодого отправляютъ въ кѣнасъ. Вскорѣ здѣсь собирается
масса любопытныхъ дѣвушекъ и женщинъ, внимательно раз-
сматривающихъ приданое новобрачной, которое для этого
развѣшивается на шестахъ. Въ это время топятъ баню, куда
сначала ходитъ молодой, а потомъ и молодухка въ сопро-
вожденіи нѣсколькихъ дѣвушекъ. Между тѣмъ родители ново-
брачнаго приглашаютъ гостей и приготавливаютъ все необхо-
димое для пирушки: варятъ кашу, баранину, приготавливаютъ
яичницу и достаточное количество кумышки и вина.

Въ началѣ пирушки имѣетъ мѣсто слѣдующій обычай, но-
сящій названіе „кышнаськон“ или „кышно карон“ (дѣла-
ніе женою). Послѣ бани три женщины надѣваютъ на ноги
молодушки (вилъкѣн) чулки (чулка) и портянки (пыд би-
нялтон), приготовленные матерью молодого, и лапти, спле-
тенные имъ саминъ. Потомъ вилъкѣнъ, т. е. молодухку, за-
ставляютъ завить изъ волосъ нѣчто въ родѣ буклей, кото-
рыя носятъ всѣ женщины по обѣимъ сторонамъ головы ря-

1) Человѣкъ, имѣющій сравнительно съ другими болѣе теплыя руки и тѣло,
считается вотякамъ счастливымъ.

2) Шумъ или ровный гулъ пчелъ въ ульѣ служитъ признакомъ свей и благо-
получнаго состоянія пчелиной семьи, что, конечно, извѣстно вотякамъ пче-
ловодамъ.

домъ съ серьгами. Она не соглашается на это и плачетъ, сожалѣя о дѣвичьей жизни, но женщины убѣждаютъ ее по виноваться; послѣ этого ея „тактью“,—т. е. головной уборъ дѣвушки, имѣющей форму шапочки и украшенный разноцвѣтными ленточками, мелкими серебряными монетами и оловянными кружечками,—отдаютъ младшей сестрѣ молодого (сузэр), чѣмъ и оканчивается «кышнаськов».

Послѣ этого на молодушку надѣваютъ слѣдующіе наряды:

1. *Шорт дэрэм* (нитяная или холщевая рубашка); она готовится изъ холста съ чрезвычайно узкими рукавами, украшается вышивкою и позументомъ, особенно рукава и подолъ.

Шортъ дэрэмъ имѣетъ довольно странную принадлежность, значеніе которой вотьки не могутъ опредѣлить, это — нѣчто вродѣ рукава безъ отверстія изъ матеріи краснаго цвѣта; одинъ ковецъ этого страннаго придатка пришивается къ срединѣ рукава приблизительно около локтя, а другой къ талии; онъ лишаетъ молодушку возможности поднимать руки вверхъ. Ввиду того, что эта принадлежность рубашки не имѣетъ практическаго назначенія, можно предположить, что она, стѣсняя свободу движеній, служитъ символомъ покорности мужу, который по воззрѣніямъ вотьковъ имѣетъ полное право ограничить свободу своей жены.

2. *Муресажъ*—нагрудникъ, который носится поверхъ одежды на груди и украшается монетами, позументомъ и проч.

3. *Зар*—поясъ шириною вершка въ 2, съ украшениями.

4. *Дир-киэт*—головной платокъ.

5. *Ашиэт*—запонъ; молодушки имѣютъ два запона: верхній изъ хорошаго платка, обыкновенно краснаго цвѣта, нижній домашняго приготовления.

6. *Чырти кыш*—нѣчто вродѣ ожерелья изъ монетъ и другихъ украшеній, состоящихъ изъ разноцвѣтныхъ бисеринокъ.

7. *Камалей*—лента съ серебряными монетами разнаго достоинства и фигурными украшениями изъ олова на груди, надѣвается на правое плечо и спускается на лѣвый бокъ.

8. *Гадъ ыгы*—шнурокъ съ украшениями изъ бисера, надѣвается на лѣвое плечо и спускается на правый бокъ; при

помощи особаго шнура съ кистями, называемаго «кертысь-кон», на него привѣшивается небольшой цвѣтной платокъ— «урдак кистъ». Сюда же для украшенія еще привѣшивается мѣдная гребенка.

9. *Сюлык быртэт* — это нѣчто вродѣ платка — покрыва на ашьянъ съ различными украшениями изъ вышивокъ, разно-цвѣтныхъ ленточекъ, кисточекъ, мелкихъ серебряныхъ монетъ и оловянныхъ кружечковъ. Сюлыкъ молодухки отличается отъ сюлыка пожилыхъ женщинъ количествомъ украшеній и длиною бахромы, которая покрываетъ ея лицо до рта.

10. *Цель ыгы* — серьги, серебряныя у зажиточныхъ и оловячныя у бѣдныхъ; онѣ имѣютъ очень оригинальную форму, отличаются величиною и количествомъ различныхъ подвѣсокъ.

11. *Киязъ*—нитка изъ бисера, надѣвается на обѣ руки.

12. *Поскэ* — браслетъ серебряный или жестяной, который пріобрѣтается обыкновенно у торговцевъ-татаръ, а потому почти всегда бываетъ съ краткими изрѣченіями изъ Корана.

13. *Зундэс* — перстень, серебряный или мѣдный, съ однимъ или нѣсколькими камнями.

14. Шуба изъ простыхъ овчинъ, крытая казинетомъ или плисомъ; она надѣвается на молодухку, не смотря на лѣтнее время.

Между тѣмъ новобрачный во время одѣванія молодухки, исполняя роль хозяина, сидитъ на стулѣ и угощаетъ гостей. Гости медленно, небольшими глотками, пьютъ вино и кумышку и бесѣдуютъ на свадебныя темы. Но вышитое вино и кумышка дѣлаютъ гостей развязнѣе, разговоры дѣлаются громче; вотъ два-три вотяка неуверенно, пьяными голосами, затянули свою заунывную національную пѣсню:

Кайдомъ—майдомъ...

Одпкэ дюомъ, кыкэзэ дюомъ,

Отэзъ кужьолы уздетыца?

Уно-но бытмосъ, эжить-но тырмосъ.

Кайдомъ—майдомъ...

Одну выпьемъ, двѣ выпьемъ,

Не достанется-ли одна хозяйну?

И многое израсходуется и малаго можетъ достать.

Татыу узэмлы маръ вуозъ?

Что можетъ сравняться съ мирнымъ житьемъ?

Является на сцену и „музыканчи“ (музыкантъ, отъ „музыкан“ — гармонь), который сначала аккомпанируетъ поющимъ, а потомъ играетъ подъ пляску. Пляску всегда начинаетъ женщина, которая, выдавая себя за молодушку, надѣваетъ въ кѣнасъ верхніе наряды молодушки и ея покрывало—„боркѣнчи“. Во время пляски этой женщины, называемой „ѣктись вилькѣн“ (пляшущая молодушка), кто-нибудь изъ присутствующихъ гостей спрашиваетъ ее: «та кивѣлѣн сюанѣз?» (это чья свадьба?). Она молчитъ, но чрезъ нѣсколько времени, измѣняя голосъ, отвѣчаетъ, напр., такъ: «Семонѣлѣн сюанѣз (Семенова свадьба). Кончивъ пляску, „ѣктись“ подходитъ къ новобрачному и цѣлуетъ его, что вызываетъ со стороны гостей смѣхъ и различныя шутки, напр.: «ѣктывы богаты вылѣм, но чупкарыны убогаты вылѣм» т. е. плясать-то умѣеть (мастерица), цѣловать же не умѣеть (не мастерица). Затѣмъ, бросивъ «боркѣнчи» кому-нибудь на шею изъ присутствующихъ женщинъ, она убѣгаетъ къ молодушкѣ. Получившая «боркѣнчи» въ свою очередь пляшетъ и потомъ передаетъ его другимъ. Такъ пляшутъ не только женщины и дѣвушки, но и парни; пляшущимъ время отъ времени гости предлагаютъ вышеприведенный вопросъ.

По окончаніи пляски покрывало относится къ молодушкѣ, которая къ этому времени бываетъ уже совершенно одѣта и слѣдовательно готова для выхода къ гостямъ.

Одна изъ женщинъ, одѣвавшихъ вилькѣнъ, беретъ въ лѣвую руку подушку и ведетъ новобрачную къ пирующимъ. Когда молодушка подходитъ къ избѣ, раздаются голоса: «вилькѣн прѣ!» (входитъ молодушка). Подошедши къ порогу, вилькѣнъ стелетъ около него, внутри избы, отрѣзокъ холста величиною съ носовой платокъ, кладетъ на него какую-нибудь мелкую монету и, входя въ первый разъ въ домъ своего мужа, вступаетъ не на голый полъ, а на холстъ, чтобы жизнь при новыхъ условіяхъ была счастливою и въ матеріальномъ отношеніи. Холстъ этотъ и монета отдаются музыканту въ качествѣ платы за игру. Молодушку садятъ на принесенную подушку въ кругу женщинъ. Новобрачный зажигаетъ предъ иконами восковую свѣчу; послѣ этого всѣ встаютъ и, держа въ рукахъ чашки съ кашею, бараниною,

масломъ, пивомъ и кумышкою, молятся, испрашивая счастья и благополучія для молодыхъ; нѣкоторые молятся такъ:

Ой, Иньмарэ, восьяськиском Тыныд, ини далтыты милемыз, эн кушты. Тыныд, Иньмарэ, кужымы сюжем семен туж восьяськиском, Тоиз бурэ вайыськом. Тыныд, уно вераса, восьяськыны ми умтодыськэ, уно тодыны ми поддясиос ово; ини вань восьяськемез кабыл 1) кар.

Ой, Иньмарэ, Осто Иньмарэ, Быдым Иньмарэ! туш восьяськиском ми ини, та бере милемыз эн кушты!.. Аминь.

О, Боже, молимся Тебѣ, сдѣлай насъ уже счастливыми (удачными, спорыми), не оставляй (не бросай). Тебѣ, Боже, по силѣ возможности, очень молимся, Тебя величаемъ (вспоминаемъ). Тебѣ, много говоря, молиться мы не знаемъ; много знать — мы не писаря²⁾; все, о чемъ мы молимся, прими уже.

О, Боже, Осто³⁾ Боже, Великій Боже! послѣ этого мы сильно молимся Тебѣ—насъ не оставляй (не бросай)!.. Аминь⁴⁾.

1) *Кабыл*—араб. слово, значитъ: овъ принялъ то (см. Словарь къ арабской хрестоматіи в Корану. Составилъ проф. В. Гирась. Казань 1881 г., стр. 636).

2) Этимъ сравненіемъ указывается на незнаніе грамоты и книжныхъ молитвъ. Со словомъ *поддяси* (писарь) у Вотяковъ соединяется представленіе о человѣкѣ грамотномъ, знающемъ законы религіозные и гражданскіе, въ родѣ древне-русскаго вольячаго.

3) Слово *Осто* не переводится потому, что значеніе его не могутъ опредѣлить не только неграмотные Вотяки, но и учителя народныхъ школъ изъ Вотяковъ, въ которыхъ я обращался съ просьбою перевести его. Нѣкоторые изъ нихъ предполагаютъ, что слово это въ древности служило названіемъ кагого-нибудь божества и утратило свое значеніе съ принятіемъ христіанства Вотяками. Принимая во вниманіе значительное заимствованіе Вотяками татарскихъ и арабскихъ словъ отъ татаръ-мухаммеданъ, можно предположить, что слово это происходитъ отъ персидскаго—*устад*, *устаз*, сокращ.—*уста*—учитель, наставникъ; *настеръ*, *зватокъ* (см. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Составилъ Л. Будаловъ. С. П. Б. 1868 г. Вып. I, стр. 136), и служить выраженіемъ похвалы о Премудрости Божіей; поэтому, на основаніи этого предположенія, „Осто Боже“ можно перевести „Премудрый Боже“.

4) Мнѣ нѣсколько разъ приходилось наблюдать совершеніе этой молитвы, и каждый разъ меня поражало чувство глубокой вѣры, которое было видно на лицахъ молящихся. Особенно рельефно рисуется въ моемъ воображеніи фигура одной старушки-вотячки, матери жениха, которая всецѣло была поглощена молитвою, и лицо, устремленное на образа, свидѣтельствовало, съ какимъ благоговѣніемъ произносились слова импровизованной молитвы, приведенной выше, такъ что невольно являлось сожалѣніе о томъ, что народъ этотъ, имѣя такіе глубокіе задатки религіозности, не имѣетъ еще правильнаго понятія о православной вѣрѣ. Неприятное впечатлѣніе производитъ на наблюдателя снѣсъ христіанства съ язычествомъ: въ одно и то-же время вы видите христіанскіе и языческіе элементы молитвы: восковыя свѣч, взоръ, устремленный на образа, крестное знаменіе — съ одной стороны, и держаніе шахи, кумышев, пива и проч.—съ другой.

По окончаніи молитвы всѣ садятся и продолжаютъ пировать. Молодушка по прежнему сидитъ въ кругу женщинъ, отдѣльно отъ мужа.

Далѣе слѣдуетъ обычай, носящій названіе *шербѣт* ¹⁾ *дюон* (питіе напитка). Шербѣтъ, или напитокъ, составляетъ медовая сыта, которую приготовляетъ молодушка. Сыта эта подается присутствующимъ женою брата новобрачнаго или какою-нибудь родственницею. Сначала подносятъ отцу и матери, которые, взявъ стаканы съ шербѣтомъ, опускаютъ въ нихъ по серебряной монетѣ, затѣмъ, вставши, общають молодушкѣ одну или нѣсколько головъ изъ скота и домашнихъ птицъ на ея счастье. Изъ этихъ же стакановъ пьютъ шербѣтъ какъ мужчины, такъ и женщины и также опускаютъ въ нихъ по монетѣ; деньги эти поступаютъ потомъ въ пользу молодушки.

Послѣ болѣе или менѣе продолжительной пирушки, молодыхъ отводятъ спать въ кѣнасъ.

Въ это время въ кѣнасѣ всегда бываетъ масса молодежи обоюго пола и различныхъ возрастовъ; здѣсь, въ ожиданіи молодыхъ, они располагаются въ различныхъ позахъ и проводятъ время въ разговорахъ и шуткахъ часто крайне нескромнаго свойства; не мало матеріала для циничныхъ замѣчаній доставляютъ вотядкимъ кавалерамъ и новобрачные. Мнѣ неоднократно приходилось быть среди нихъ, но каждый разъ я не могъ безъ удивленія слышать, какимъ дружнымъ смѣхомъ дѣвушекъ сопровождались подобныя замѣчанія. Къ приходу новобрачныхъ одинъ изъ парней стелетъ на нарахъ постель; существуетъ повѣрье, что если это сдѣлаетъ молодой человѣкъ, то у новобрачныхъ родится мальчикъ, если же дѣвушка — родится дѣвочка, но, впрочемъ, повѣрье это не пользуется особенною популярностью. Молодушку приводитъ въ кѣнасъ женщина, молодой же идетъ въ толпѣ и совсѣмъ не пользуется тѣмъ вниманіемъ, какое выпадаетъ на долю новобрачной; нѣсколько человѣкъ несутъ при этомъ чашки съ кашею, масломъ, кумышкою и пивомъ.

¹⁾ *Шербѣт*—напитокъ, отъ арабск. слова, означ. онъ пилъ (см. Словарь въ арабской хрестоматіи и Корану. Составилъ проф. В. Гирасъ. Казань 1881 г., стр. 401).

По приходѣ въ кѣнась приглашаются нѣсколько молодыхъ людей совершить молитву за новобрачныхъ, которые стоятъ въ это время въ толпѣ. Впрочемъ едва-ли заслуживаетъ названія молитвы этотъ обрядъ, глубоко оскорбляющій религиозное чувство христіанина и показывающій, на какой еще сравнительно низкой ступени находится религиозно-нравственное состояніе вотяковъ. Здѣсь рядомъ съ Именемъ Божиимъ произносятся такія непристойныя прошенія и пожеланія, что нравственное чувство не позволяетъ привести ихъ здѣсь полностью ¹⁾).

Обрядъ этотъ совершается такъ. На нарахъ стелется скатерть, на которую ставится все принесенное и каравай хлѣба. Затѣмъ молодые люди берутъ въ руки чашки съ кашею, масломъ кумышкою и пивомъ и, не снимая шапокъ, съ видомъ чловѣка, приготовившагося сдѣлать что-то смѣшное, говорятъ:

Ой, Иньмарэ, Десь Иньмарэ, Бы-
дзымъ Иньмарэ! далтэты таюсыз;
огэз окэ жаратыса, гажаса мед
улозы; выдыкы чупкарыса шунась-
кыса мед килёзы, небжиса парла-
ныса, паськатыса и проч.

О, Боже, Добрый Боже, Великій
Боже! сдѣлай счастливыми (удаючи-
мися) этихъ; одинъ одного (другъ
друга) любя, лаская пусть будутъ
жить и проч.

Далѣ слѣдуютъ нецезурныя прошенія и пожеланія молодымъ, которыя сопровождаются взрывами хохота, какъ участниковъ обряда, такъ и всѣхъ присутствующихъ. Затѣмъ новобрачнымъ даютъ кусокъ хлѣба, намазанный масломъ, отъ котораго они откусываютъ по три раза; отвѣдываютъ также трижды каши, кумышки и пива, а остальное съѣдаютъ и выпиваютъ окружающіе.

Послѣ этого новобрачный, не раздѣваясь, ложится на постель. Одинъ изъ присутствующихъ парней спрашиваетъ

1) Искорененію подобныхъ нежелательныхъ явленій и вообще подъему религиознонравственного состоянія вотяковъ несомнѣнно могутъ способствовать школы и духовенство, благотворное вліяніе которыхъ въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ извѣстно всѣмъ. Благодаря этому вліянію и теперь вотяки начинаютъ болѣе сознательно относиться къ христіанскому вѣроученію, и, какъ показываютъ наблюденія, языческія вѣрованія постепенно утрачиваютъ значеніе въ ихъ глазахъ, и весьма возможно, что въ недалекомъ будущемъ они отойдутъ въ область преданій.

его: «кинъ кулѣ?» (кто иужень?). Тотъ отвѣчаетъ: «ныл кулѣ» (дѣвушка нужна). Парень, схвативъ и приподнявъ какую-нибудь женщину, владеть рядомъ съ нимъ, спрашивая: „таиз-а?“ (эта-ли?). — „Та овол“ (не эта) — слѣдуетъ отвѣтъ. Тогда парень продѣлываетъ то-же самое съ какою-нибудь дѣвушкой получается тотъ же отвѣтъ: «та овол». Наконецъ, онъ беретъ молодушку и владеть рядомъ съ нимъ. Въ это время гасятъ огонь и всѣ съ шумомъ и выкрикиваніями непристойныхъ пожеланій, давя другъ друга, бросаются къ выходу.

III.

На другой день брака молодушку водятъ къ себѣ въ гости родственницы и сосѣдки, принимавшія участіе въ свадебныхъ пирушкахъ, а дня черезъ три или, если позволяютъ лѣтнія работы, черезъ недѣлю, дѣлается такъ называемый «аськон» (смотрины).

Въ назначенный день въ домъ новобрачныхъ пріѣзжаютъ сестра, братъ или какой-нибудь родственникъ молодушки, «ажъ ветлись» и подруга для того, чтобы посмотреть, какъ живетъ «вилъкэн» (молодушка).

Они привозятъ зятю въ гостинецъ что-нибудь изъ домашней стряпни и какой-либо подарокъ, напр., кisetъ. Гостей садятъ за столъ, около нихъ садится и молодушка, которая подробно рассказываетъ имъ о своей новой жизни. Черезъ нѣсколько времени входитъ молодой въ сопровожденіи своего товарища; оба они несутъ по бутылкѣ воды. При этомъ нужно замѣтить, что товарищъ во время смотрины исполняетъ роль новобрачнаго и бываетъ одѣтъ въ самую худшую одежду, въ худыхъ штанахъ, зашитыхъ, вмѣсто нитокъ, лыками, въ старыхъ обтрепанныхъ лаптяхъ и подпоясанъ старой веревкой.

Они здороваются, говоря:

Десь лыктидыуа?

— Иньмарэ, тау, — десь лыкитимъ:

Асьтэс кижн улыськоды?

— Улыськом али кижике луиз,
ожи.

Хорошо-ли пріѣхали (пришли?).

— Боже, благодаримъ, — хорошо пріѣхали.

Сами какъ поживаете?

— Живемъ еще такъ, какъ приходится.

Затѣмъ товарищъ наливаетъ въ стаканы водки, молодой же опускаетъ въ нихъ по мелкой мѣдной монетѣ, впрочемъ, одному старшему, болѣе уважаемому лицу, опускается серебряная монета. Гости, взявъ стаканы, отпиваютъ немного, тотъ опять подливаетъ въ нихъ, чтобы они были полными. Послѣ этого они оба стають на колѣни, желая сдѣлать болѣе убѣдительнымъ свое угощеніе. Далѣе слѣдуетъ разговоръ, который составляетъ необходимую принадлежность аськона и повторяется всегда по извѣстному образцу.

Въ виду того, что разговоръ этотъ имѣетъ значительный интересъ, я позволю себѣ привести его здѣсь по возможности полнѣе.

Товарищъ говорить:

Куноіосъ туж умойан умой лык-
тилям; няракыз-но десясь, тани
соез гывэ шук: тилескыд выдѣ
басьтѣм бере шудмы сбрань пала
кошкыз, пудоіос-но бытмыны куч-
кис. Нылды шудтѣм, ажтѣм вы-
лѣм, — со лыктѣм беренк бѣлимы;
тани тиледыз сектавы-но ижіез,
сапегѣз-но заклат повыса арак
басьты. Дюз, куноіос, дюз!

Гости наши весьма хорошо-то хо-
рошо пріѣхали; все хорошо, вотъ
только то трудно: послѣ того, какъ
мы взяли вашу дочь, счастье наше
назадъ ушло и скотина начала умень-
шаться. Дочь ваша оказывается не-
счастливая, лѣнивая, — только послѣ
ея прихода обѣднѣли; вотъ для уго-
щенія васъ, положивъ въ закладъ
шапку и сапоги, взялъ вина. Пейте,
гости, пейте!

Молодушка, услышавъ это, уходитъ. Ктонибудь изъ го-
стей отвѣчаетъ:

Малы ыщѣ луиз мидам? Ми, эме-
спи, та кыліосылды ум оскиськы, —
солѣн милям дорын дырьяз пу-
доез-но, музонѣз-но туж далтѣ вал;
атаезѣ сое мынамъ шудо-но чырешисъ
нылы шуса ветлѣ валъ. Эскэ кижы,
мар кароды ини?

Почему же такъ случилось? Мы,
зять, этимъ словамъ не вѣримъ, —
въ то время, когда была она у насъ,
и скотина и другое весьма удава-
лось; отецъ ея ходилъ, говоря: „она,
у меня счастливая, трудолюбивая
дочь“. Если такъ—что будете дѣлать?

Иньмарлы вѣсяськы — шудо-но,
узыр-но луоды.

Помолись Богу — счастливыми и
богатыми будете.

Ме, басьты, эмеснѣйѣ, куджисько
ини!

На, бери, зятюшка, пьянѣю уже!

Товарищъ молодого опять подливаетъ въ стаканы и го-
ворить:

Дюз, дюз, куноіос!
Ти нылдѣ ушіанзѣ ушіаськоды...

Пейте, пейте, гости!
Вы свою дочь хвалить-то хвалите..

Асьтэсик напалэ, мон шорэйк
уськыса тододы. Нылдэ ужась эн
шуэ: самай ажьтэм выл вылэм.
Атаэз дюртын ужаны тодэнтэ бере
татын ужаны дышетыны укло. Ныл-
дэ ажьтэм - тык ажьтэм вылэм
Тани утьэ: солэн путоэз-но оволь
вылэм, путо нытые эресь каліос,
кут гозыіос кертыса, ветлісько.
Куэмэз-но укло вылэм, дюно - башо
дераэз-но овол; ныдам ыштыр-
но, одик курэк вузаса, басьти.
Чистый бѣлимы ини... Нылды арсе-
лы, ажьтэмды дышем вылэм; мон
дорись одик-но ук кошкы, чукна-
но ук выржи; мон сайкатыны
куськэм бере монэным жугыськы-
ны куськэ. Нылдылэн один калыз
гынэ вань.

Сами подумайте, смотря на меня пой-
мете (узнаете). Не говорите, что
дочь ваша работающая: оказывается
самая лѣнивая дѣвушка. Въ домѣ
отца если работать не знала, здѣсь
работать научить невозможно. Дочь
ваша лѣнивая, такъ и оказывается
лѣнивая. Вотъ смотрите: оказывае-
тся у нея и опояски нѣтъ даже,—на
мѣсто опояски шнурки отъ штановъ,
веревки отъ лаптей завязавши хожу.
Оказывается, какъ слѣдуетъ, и ткать
не можетъ — хорошаго-то и холста
нѣтъ; даже портянки для ногъ, одну
курицу продавши, купить (взять).
Начисто уже обѣдѣли... Дочь ваша
къ нечистотѣ и лѣности приучилась;
оказывается отъ меня нисколько не
отходить и рано не встаетъ; если я
стану будить (ее), со мною начинаетъ
драться. У вашей дочери только одно
слово (разговоръ) есть ¹⁾.

Ктонибудь изъ гостей отвѣчаетъ ему:

Тон кырсіе, милемыз уд брэк-
часькыуа? Ми ини тон ожи шуем
бере чистый дѣржимы: милам апај-
мы ыщэ зйвал. Чукнајк султыса,
нудо-курэк сюдись, дѣрт утятись
милям дѣртын со гынэ вал. Вань
ужлы пужіаськыны, куыськыны со
туж далышко вал, солись пужіа-
тэмзэ, куэм дераэ-но утитке синь
мальдэ вал, уськыса-но ук тырысь-
кы вал

Ты, зятюшка, насъ не обманыва-
ешь-ли? Мы теперь, послѣ того, какъ
ты такъ сказалъ намъ, весьма оза-
дачены: наша (старшая) сестра не
была такою. Вставши рано, кор-
милицею скотины, куриць и приби-
рающею въ домѣ только она была.
Всякой работой, вышиваньемъ, ткань-
емъ она очень славилась; на ея вы-
шивку и тканый холстъ если посмо-
тришь—въ глазахъ рябило бывало и
не рассмотрисья бывало.

Товариць молодого говоритъ на это:

Ожи эн шу, тонно апаед кайк
кыллы усто вылэмэд вылэм. Ини ми-
но, вань бускеіос-но солысь ышпан-
зэ, асьтэмзэ шудтэмзэ тодими. Ми
ажыла тащэ ум улыськэ вал: узыр

Такъ не говори, оказывается и ты,
какъ сестра, мастерица на словахъ.
Теперь и мы и всѣ сосѣди ея ду-
рость, лѣность, несчастность узнали.
Мы прежде такъ не жили: богаты

¹⁾ Указывается на умѣнье голько говорить, а не работать.

вал, муртлы ачмэс уксэ сѣтыса улыськом вал. Тани со лыктиз-но боллм, уксѣ-но бытмиз; важьнал, уксѣ кулэ луэм бере, парис котѣ-уен жяжек котѣ вожьманы басыти. Тани уте ини: выламъ поныны нылдылэн одик дясез-но овол, ини мурт дорэ урамы потыны-но вожьдаськисько. Караб ини ужмы!... Ушам нылды ожи вылам, теклячюс!

были, сами бывало, давая деньги другимъ, жили. Вотъ какъ она пришла, обѣдѣли, и деньги кончились; третьяго дня послѣ того, какъ понадобились деньги, стадо свиней со стадомъ гусей взялъ пасти. Вотъ смотрите же: теперь покрыть себя нечѣмъ, такъ какъ у вашей дочери нѣтъ ни одной одежды, и теперь къ людямъ на улицу выходить стыжусь. Теперь ужь очень плохо, наше дѣло!... Ваша хвалимая дѣвушка такова оказывается, свахи!

Своиченица говорить на это:

Ой, кырсіе, малы ожи шунськод? Мыныськым апаез] ожи дятрэмтэ бере; курлам бере сое малы басытид? Тон жыт-но, чукна -но со сѣрэнт чыд каза - така кайк ветлеськод вал,—вижъэ тодыса басытид вѣдъ. Может Иньмарлись вожъэ поттыллямды дыр. Ини эскэ уногэм Иньмарлись куры, кыкнады-но чыршэ; кышнодэ вожьматыса дышты „дышетэм бере гондыр-но дышэ“. Чыршадыкэ таза-но, узыр-но улоды.

О, зятюшка, зачѣмъ такъ говоришь? Мою сестру если такъ не полюбилъ и позорилъ, зачѣмъ взялъ ее? Ты и вечеромъ и утромъ за ней самъ, какъ козель, ходилъ бывало,—зная ея умъ, взялъ вѣдъ. Можетъ быть прогнѣвали Бога. Теперь, когда такъ, побольше проси отъ Бога, оба постарайтесь; жену свою, указывая, учи,—„послѣ ученія и медвѣдъ выучивается“. Если постараетесь, здоровыми и богатыми будете жить.

Товарищъ жениха чешетъ затылокъ и говорить:

Ини басытэм бере басытэм; музон амал овол, ожи-но, тажи-но карыса дисьлись саессэ вандыса тыбырзэ кышам кайк улоч ини. Ойдолэ, куноіос, кыл уз бытмы лутчы дюэ, мынам пидесэ висины куськиз. Эреались пидессэ нылдылэ синнесыз-но оволлись ачым бунэн-но ниньэн кышам вал.

Теперь взялъ, такъ взялъ; другого способа нѣтъ: такъ и этакъ дѣлая, отъ одежды рукава отрѣзывая, спину зашивая, подобно этому будешь жить ужь. Айда-те, гости, разговоръ не кончится—лучше пейте, мои колѣнки начали болѣть. Колѣнки у штановъ, за неимѣніемъ нитокъ у вашей дѣвушки, самъ мочаломъ и лыкомъ зашивалъ (зашивающимъ былъ).

Всѣ гости:

Ойдо, эмэспіе, султы ини, — тонэ туж кураджитам. Унозэ Иньмарлись курома, Со сѣтоз. Ини ачмэс шум потыны кулэ.

Айда, зятюшка, встань уже,—мы тебя сильно замучили. Многое отъ Бога будемъ просить, Онъ дастъ. Намъ теперь радоваться нужно.

И всѣ, кромѣ молодого, начинаютъ пѣть:

Ойдола шум потома - но кыржало Давайте порадуемся и попоемъ, —
мы, —

Келишоз медам кылыюсмы

Понравятся-ли наши слова?

Келишоно луизке та кылыюсмы

Если будутъ нравиться слова наши,

Нош-но валчѣ уломы

То и впередъ вмѣстѣ будемъ жить.

На аськонѣ собирается много любопытныхъ, которые со вниманіемъ слушаютъ вышеприведенный разговоръ и каждую болѣе или менѣе остроумную фразу сопровождаютъ дружнымъ смѣхомъ. Гости угощаются обыкновенно до полуночи. На другой день новобрачные съ гостями ходятъ пировать къ родственникамъ и сосѣдямъ, которые принимали участие въ свадебныхъ пирушкахъ. Попировавъ 2—3 ночи, «аськисьёос» отправляются домой.

Этимъ пока заканчиваются свадебные обряды до «сюлыкыскона» (снятіе платка), о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Первое время молодуха пользуется особеннымъ вниманіемъ не только родственниковъ своего мужа, но и постороннихъ лицъ: за нею ухаживаютъ и угощаютъ ее, какъ гостью. Появленіе ея на улицѣ составляетъ цѣлое событіе и потому всегда привлекаетъ любопытныхъ, которые сопровождаютъ ее вездѣ. Ходитъ молодуха всегда въ своихъ нарядахъ и съ закрытымъ лицомъ; лицо ея закрывается украшеніями изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, оловянныхъ кружечковъ и кисточками бахромы «сюлыка», которыя спускаются до рта. Работать молодуха также ходитъ въ своихъ нарядахъ. Во время сѣнокоса молодуха, не смотря на іюльскій жаръ, работаетъ также въ своихъ сложныхъ нарядахъ, которые, конечно, сильно затрудняютъ ее, такъ какъ она должна показать умѣнье работать наравнѣ съ другими. Не смотря на трудность работы, сѣнокосъ самое лучшее, самое веселое время для вотяцкой молодежи, поэтому она съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его. Впрочемъ, сѣнокосъ приятно проводится не одною только молодежью, но и всѣми вообще; къ нему готовятся, какъ къ празднику, варятъ кумышку и пиво. На луга всѣ отправляются въ праздничныхъ одеждахъ, отличающихся пестротой красокъ. Ежедневно по окончаніи работъ взрослые благодумствуютъ, попивая кумышку, а молодежь

забавляется различными играми почти въ продолженіе всей ночи. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ пирушки происходятъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ есть молодухка.

IV.

Далѣе слѣдуютъ обряды, носящіе слѣдующія названія: «сюлык кыскон», «дэрашон» и «берен пуксѣн». Обряды эти составляютъ какъ бы вторую часть свадебныхъ церемоній, отдѣленную отъ первой части довольно значительнымъ промежуткомъ времени, такъ какъ первый по времени изъ этихъ обрядовъ — «сюлык кыскон» — бываетъ мѣсяца черезъ два или даже иногда черезъ три послѣ заключенія брака.

Обряды эти заключаются въ слѣдующемъ.

„Сюлык кыскон“ (снятіе платка). Сюлыкъ, какъ сказано было выше, составляетъ необходимую принадлежность костюма «вилькѣн», такъ какъ онъ служитъ для нея покрываломъ. До «сюлык кыскона» молодухка, при посѣщеніи родственниковъ, не должна входить въ ихъ домъ, потому ее въ это время угощаютъ обыкновенно подъ овнами дома, на улицѣ.

Въ назначенный день для «сюлык кыскона» родители приглашаютъ своихъ родственниковъ и сосѣдей, а молодухка приготовляетъ все необходимое для угощенія гостей.

Пирушка эта имѣетъ семейный характеръ, и гостей бываетъ обыкновенно немного. «Вилькѣн» одѣвается въ лучшіе наряды и выходитъ къ гостямъ. Пирушка идетъ обыкновеннымъ порядкомъ, не представляя ничего выдающагося. Когда гости достаточно попируютъ и попляшутъ, одинъ изъ присутствующихъ парней, будущій младшій дружка (пючки казакъ) подходитъ къ молодухкѣ, снимаетъ съ нея ашьянь и, надѣвъ его на себя, начинаетъ плясать. Во время перерывовъ онъ подходитъ къ столу, гдѣ его угощаютъ виномъ. Затѣмъ онъ возвращаетъ ашьянь молодухкѣ, а беретъ другой, который носятъ молодунки послѣ «сюлык кыскона»; этотъ ашьянь отличается отъ перваго длиною кисточекъ, которыя доходятъ только до глазъ. Подпоясавшись этимъ ашьяномъ, онъ продолжаетъ плясать и, не снимая его въ

продолженіе всей пирушки, уноситъ домой. На другой день онъ приноситъ ашьянъ молодущкѣ, которая угощаетъ его за это кумышкою и даритъ ему что-нибудь, напр., кисеть для денегъ.

„Дярашон“ (примиреніе) ¹⁾. «Дярашон» бываетъ въ домѣ родителей молодого на второй или на третій день послѣ праздника Казанской иконы Божіей Матери, 22 октября ²⁾.

Въ назначенный день прѣзжаютъ родители молодухи и нѣкоторые родственники и привозятъ съ собою гостинцы: каравай бѣлаго хлѣба, лепешекъ изъ яровой муки и вареной говядины. Теща привозитъ зятю въ подарокъ штаны или рубанку. По прѣздѣ гостей приглашаются сосѣди и родственники „салам сіны“ (гостинцы ѣсть). По обыкновенію сватамъ предлагаютъ почетное мѣсто за столомъ въ переднемъ углу, около нихъ уже по старшинству усаживаются остальные гости; нужно замѣтить, что женщины, какъ всегда, образуютъ особый кружокъ и сидятъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мужчинъ, хотя и въ одной и той же комнатѣ. На столъ, покрытый бѣлою скатертью, кромѣ различныхъ угощень, кладутся деньги, завернутыя въ бѣлую тряпочку; онѣ предназначаются для уплаты второй половины калыма. Попировавъ немного, сваты объявляютъ, что цѣль ихъ прѣзда получить остальную часть калыма. Родители молодого говорятъ, что необходимая для этого сумма приготовлена и лежитъ предъ ними. Деньгъ всегда кладется менѣе, чѣмъ слѣдуетъ по условію, что, конечно, вызываетъ неудовольствіе сватовъ. Тѣ въ свое оправданіе говорятъ, что приданого дано недостаточно, поэтому положенныхъ денегъ довольно. Это служитъ причиною спора о количествѣ приданого соотвѣтственно калыму. Родители молодухи дѣлаютъ нѣкото-

¹⁾ Названіе это несомнѣнно заимствовано изъ татарскаго языка и происходитъ отъ глагола, означающаго согласоваться, примириться (см. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Составилъ П. Будаговъ. Томъ II, С. П. Б. 1871 г., стр. 324).

²⁾ Время это для „дярашона“ назначается главнымъ образомъ, вѣроятно, потому, что совпаденіе Казанской съ тѣмъ временемъ, когда у cadaго землевладѣльца имѣются достаточные запасы хлѣба, даетъ возможность Вотьякамъ приготовить большое количество кумышки и пировать нѣсколько дней.

рыя прибавленія, напр., даютъ шубу, подушки и проч., а родители молодого въ свою очередь прибавляютъ понемногу денегъ. Иногда споръ этотъ доходитъ до ссоры, но всегда оканчивается взаимнымъ соглашеніемъ.

Сосѣди также принимаютъ участіе въ спорѣ и говорятъ, что положенныхъ денегъ по невѣстѣ, т. е. по ея приданому и по ея умѣнью работать, достаточно, или же уговариваютъ родителей молодого прибавить немного. Наконецъ, когда споры приведутъ къ желательнымъ результатамъ, т. е. къ соглашевію, всѣ кричатъ три раза: „берекѣт! 1)“ (благословеніе, изобиліе, умноженіе); этимъ выражается пожеланіе счастья и изобилія новобрачнымъ. По окончаніи переговоровъ гости со стороны новобрачнаго дѣлаютъ различныя шуточные замѣчанія и смѣются надъ сватями примирившимися такъ скоро; они говорятъ: „Марлы ыжыт укѣсѣлы гынѣ куниды? Кодолы дюртыны няракмы-но лыктѣмы вал“ (зачѣмъ на небольшихъ деньгахъ помирились? Свату помогать всѣ мы пришли было). При этомъ они показываютъ свои деньги и смѣются.

Получивъ калымъ, свать изъ этихъ денегъ даритъ своей дочери—молодушкѣ рубль или два и обѣщаетъ ей подарить нѣсколько годовъ изъ домашняго скота и птицъ, а она отъ имени родителей своего мужа даритъ матери рубашку. Послѣ этого на столъ ставится каша, и всѣ присутствующіе по обычаю, взявъ въ руки чашки, молятся и просятъ счастливой, благополучной жизни для молодыхъ.

Затѣмъ всѣ садятся и продолжаютъ пировать; пьютъ водку, кумышку, пиво (сур) и брагу (му сур) и захмѣлѣвъ начинаютъ пѣть. Чтобы познакомить читателя съ содержаніемъ этихъ пѣсенъ, я приведу здѣсь три, пользующіяся наибольшимъ распространеніемъ.

1) Ойдо сіомы-но дюомы,	Давайте поѣдимъ и попьемъ,
Атайлэн нянез вань дырія;	Когда у отца есть хлѣбъ;
Ойдо шум потомы-но сѣректяломы	Давайте порадуемся и посмѣемся,
Ачымылэн кодоіос вань дырія!...	Когда есть наши сватья!...

1) Берекат — араб. слово отъ глагола, имѣющаго въ III формѣ значеніе—онъ благословилъ, ниспослалъ счастье, благоденствіе (см. Словарь къ арабской хрестоматіи и Корану. Составилъ проф. В. Гирясъ. Казань 1881 г., стр. 58).

2) Ми татцы лытѣм вал улыяса,
Дюскимы укно выжыад;
Ми лытѣм дырѣа тивитиды
Лыз дыдык сямен гурлады.

3) Тыллэн логытэз туж логыт,
Нынал логытлы мар вуоз?

Дятын шулдырос туж уно,
Атыкай дюртлы мар вуоз?

Мы сюда прѣѣхали, лошадь поговяя,
Выпрягли подь окномъ;
Время нашего прѣзда вы ждали,
Какъ сизый голубь ворковали.

Свѣтъ огня очень свѣтслъ (ярокъ), —
Что можетъ сравняться съ свѣтомъ
дня?

У чужихъ веселья очень много, —
Что можетъ сравняться съ домоу
батьюшки?

Пирушка дярашона, смотря по обстоятельствамъ, продолжается дня два—три.

„*Берен пуксѣн*“ (возвращеніе къ прежнему мѣсту). Черезъ день или черезъ два послѣ «дярашона» родители молодого увозятъ вилькѣнъ гостить въ домъ ея родителей и пируютъ тамъ; этотъ обычай носить названіе «берен пуксѣн», такъ какъ молодуха съ этого времени какъ бы возвращается къ прежней жизни, садится обратно на свое мѣсто. Вилькѣнъ беретъ съ собою небольшой сундукъ съ различнымъ платьемъ, такъ какъ ей придется жить тамъ довольно долго. Во время сборовъ мужъ молодухи старается утащить, незамѣтно для нея, что-нибудь изъ необходимыхъ вещей или изъ лучшихъ нарядовъ, чтобы она, когда они понадобятся ей, вспомнила объ немъ. Къ прѣзду сватовъ приглашаются гости и готовится все необходимое для угощенія.

Во время пирушки родители вилькѣнъ исполняютъ свое обѣщаніе, данное въ «дярашонъ» и приводятъ въ избу къ гостямъ обѣщанную скотину и птицъ. Послѣ этого всѣ встаютъ и, держа въ рукахъ чашки съ кашею и проч., молятся о томъ, чтобы скотина умножалась у нихъ и велась благополучно. Затѣмъ всѣ присутствующіе кладутъ на столъ по одной или по нѣскольку серебряныхъ монетъ; деньги эти идутъ въ пользу вилькѣнъ, которая, если денегъ достаточно, покупаетъ на нихъ овечку, или же пришиваетъ ихъ къ костюму, какъ украшеніе.

По окончаніи пирушки сваты увозятъ скотину домой, а молодуху оставляютъ въ домѣ родителей, гдѣ она гостить до „сюана“ — послѣдней свадебной пирушки, которая бываетъ на масляницѣ. Во время пребыванія въ домѣ родителей

она носитъ вмѣсто ашьяна шапку, чѣмъ и отличается отъ дѣвушекъ, которыя носятъ всегда на головѣ тактыю.

Живя у родителей „вилякэнтъ“ пользуется свободою и вмѣстѣ съ дѣвушками участвуетъ во всѣхъ играхъ, бываетъ и на посидѣнкахъ, которыя происходятъ зимою въ баняхъ.

Жизнь молодухи при такихъ условіяхъ бываетъ не всегда безупречна: нѣкоторыя изъ нихъ злоупотребляютъ свободою и нарушаютъ супружескую вѣрность, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда молодухѣ приходится жить далеко отъ своего мужа. Мужъ ея въ домѣ своего тестя, въ качествѣ гостя, не имѣетъ права бывать до Пасхи, повѣтому, если позволяетъ разстояніе, приходитъ къ своей женѣ только тайно, по ночамъ.

Обычай этотъ, не смотря на нежелательныя послѣдствія въ отношеніи нравственности, сохраняется, вѣроятно, благодаря особому взгляду дѣвушекъ-вотячекъ на жизнь до замужества. Жизнь дѣвушки до замужества, благодаря полной свободѣ, представляется болѣе привлекательною, чѣмъ жизнь женщины, находящейся подъ постояннымъ контролемъ мужа. Замужняя женщина всецѣло поглощается интересами семьи и уже лишается возможности принимать участіе въ прежнихъ развлеченіяхъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что вотяцкія дѣвушки послѣ «берен пуксѣна» совершенно отрѣшаются отъ прежней свободной жизни и становятся вѣрными женами и хорошими хозяйками. «Берен пуксѣн» является какъ бы переходною стадіею къ сенойной жизни, такъ какъ молодуха, будучи уже женою, пользуется правами дѣвушки и наравнѣ съ ними принимаетъ участіе въ развлеченіяхъ молодежи.

V.

Послѣдняя свадебная пирушка, какъ сказано было уже выше, есть „сюан“ (свадьба¹⁾); она бываетъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ всѣ предъидущія и считается

¹⁾ Слово это вотяки переводятъ обыкновенно—свадьба, но едва-ли можно считать переводъ этотъ правильнымъ; есть основаніе предполагать, что оно происходитъ отъ татарскаго глагола, означ. радоваться, веселиться. (См. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Составилъ Л. Будаговъ. Вып. I, С. П. Б. 1868 г., стр. 652).

повтому Вотяками главною. Пирушка эта происходитъ въ домѣ родителей молодухи.

За недѣлю или за двѣ до масляницы родители молодого ѣздить къ свату для переговоровъ относительно „сюана“. Такъ какъ при этомъ значительное матеріальное участіе должны принять родственники и сосѣди молодухи, то испрашивается и ихъ согласіе на это. Родители молодого также принимаютъ на себя значительную часть расходовъ: на ихъ обязанности лежитъ покупка нѣсколькихъ ведеръ вина, поэтому они даютъ свату на пирушку руб. 15—20. Кромѣ вина къ „сюану“ готовится еще ведро 15 кумышки. Такіе расходы, конечно, возможны только для болѣе или менѣе зажиточной семьи, поэтому у бѣдныхъ Вотяковъ „сюана“ не бываетъ.

Всѣ гости со стороны молодого отправляются одновременно, поэтому въ назначенный день они собираются предварительно въ его домѣ. Предъ отъѣздомъ хозяйка угощаетъ гостей водкою, кумышкой, пивомъ и проч. Лошадей своихъ поѣзжане украшаютъ разноцвѣтными ленточками, обвѣшиваютъ всевозможными бубенчиками и колокольчиками и вообще во время поѣздки стараются по возможности произвести больше шуму.

Во главѣ поѣзда идетъ съ какою-нибудь дѣвушкой „большимъ казакъ“ (большой казакъ), исполняющій роль дружки. Если не считать кисточекъ изъ разноцвѣтной шерсти, пришиваемыхъ къ шляпѣ и къ одеждѣ дружки, костюмъ его не отличается ничѣмъ отъ костюма другихъ поѣзжанъ. Далѣе ѣдутъ остальные поѣзжане, которые занимаютъ мѣста по своему усмотрѣнію, такъ какъ опредѣленнаго порядка для нихъ не существуетъ; между ними ѣдетъ «покчи казакъ» (небольшой казакъ) съ музыкантомъ-скрипачемъ (кубызчи) или же—гармонистомъ (мызканчи). Въ концѣ поѣзда ѣдутъ родители молодого съ маленькимъ сыномъ или съ мальчикомъ, взятымъ у родственниковъ; они везутъ съ собою въ подарокъ свату боченокъ кумышки ведра въ 3, ярового хлѣба и порядочное количество варенаго мяса.

Поѣзжане съ гиканьемъ и пѣньемъ, звеня и гремя колокольчиками и бубенчиками, выѣзжаютъ со двора; съ та-

кимъ же шумомъ они ѣдутъ въ продолженіе всей дороги, останавливаясь иногда для того, чтобы выпить по стаканчику — другому кумышки. Достигнувъ цѣли своего путешествія, они заѣзжаютъ первоначально не къ свату, а къ «ажъ ветлись». Здѣсь поѣзжане, не выпрягая лошадей, пируютъ часа 2—3. Въ это время приходитъ сюда свать съ пивомъ и, потчуетъ гостей, приглашаетъ ихъ къ себѣ. Послѣ его ухода поѣзжане ѣдутъ къ нему. Пріѣхавъ на дворъ къ свату, гости распрягаютъ своихъ лошадей и прячутъ сбрую въ амбаръ, который хозяйка запираетъ, чтобы кто-нибудь изъ гостей не могъ уѣхать до окончанія пирушки. Гости сначала не пускаютъ въ домъ, поэтому они разводятъ на дворѣ костеръ и по возможности больше, чтобы заставить хозяина впустить ихъ скорѣе; матеріалъ для костра поѣзжане собираютъ на дворѣ и иногда, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ долго заставляютъ быть на дворѣ, сжигаютъ даже вещи, необходимыя въ хозяйствѣ. Наконецъ, выходитъ свать и приглашаетъ ихъ войти. Вошедши въ домъ, гости не должны идти дальше матицы, поэтому они останавливаются и ждутъ разрѣшенія присоединиться къ гостямъ свата. Тѣ въ это время попиваютъ кумышку и посмѣиваются надъ вновь прибывшими, которымъ приходится пока только поглядывать на нихъ. Немного погодя, имъ подносятъ по большому стакану водки и пива, начиная съ главнаго дружки и кончая младшимъ; выпившій идетъ въ переднюю половину избы и присоединяется къ прочимъ гостямъ, мужчины къ мужчинамъ, женщины къ женщинамъ. Родители молодого по обыкновенію занимаютъ мѣсто въ переднемъ углу, куда вилькѣнъ кладетъ для нихъ подушку.

Гости пируютъ и, когда поспѣетъ каша, всѣ встаютъ на молитву, въ которой благодарятъ Бога за благополучный пріѣздъ гостей и просятъ помощи для благополучнаго возвращенія ихъ домой. Черезъ нѣсколько времени всѣ гости снова встаютъ и начинаютъ пѣть «сюан сямен, пыд лѣгыса» (т. е. по свадебному, притопывая ногами). Первая пѣсня поется по выбору «ажъ ветлись» и поэтому всегда запѣвается ею. Вначалѣ поютъ обыкновенно слѣдующую пѣсню:

Кырзя-но, кырзя шуеськоды, Бачи вожьдаськемэз уд тодыськэ ама? Чын-чынласа куськомыкэ, Уно устолись ум килемэ.	Пой да пой—вы говорите, Стыдъ лица развѣ не знаете? Если правильно начнемъ, Отъ мастеровъ на много не отста- немъ.
---	--

Послѣ каждаго стиха всѣ поющіе притопываютъ въ тактъ ногами, приговаривая: «ай-гай, ай-гай!»... Молодушки среди гостей въ это время не бываетъ, — она еще въ началѣ пирушки уходитъ къ кому-нибудь изъ сосѣдей; поэтому гости, спрашивая про нея, поютъ:

Кытын мидам миям сясыкамы? Ай-гай, ай-гай!..	Гдѣ же нашъ цвѣтокъ? Ай-гай, ай-гай!..
Сясыка лэсяна шуддырь овол!.. Ай-гай, ай-гай!..	Безъ цвѣтка не весело!.. Ай-гай, ай-гай!..

Послѣ этого быдзымъ казакъ, покчи казакъ и одна женщина, взявъ съ собою хлѣба и масла, идутъ съ пѣснями за молодушкой. Пришедши къ сосѣду, они поютъ:

Миям сясыкамы татын-а? Ай-гай, ай-гай!..	Цвѣтокъ нашъ здѣсь-ли? Ай-гай, ай-гай!..
Сясыка лэсяна шуддырь овол! Айгай, айгай!..	Безъ цвѣтка не весело! Айгай, айгай!..

Затѣмъ женщина даетъ вилькѣнъ кусокъ хлѣба, намазанный масломъ, а быдзымъ казакъ даетъ ей какую-нибудь монету, послѣ чего она идетъ съ ними.

Пришедши домой, молодушка угощаетъ гостей пивомъ, начиная съ свекра, и предъ каждымъ стаетъ на колѣни. Съ приходомъ молодушки веселье увеличивается и начинается пляска; первымъ пляшетъ обыкновенно мужъ «ажъ ветлись», затѣмъ она сама, «быдзымъ казакъ» и другіе пожеланію. По окончаніи пирушки родители молодого остаются ночевать у свата, а поѣзжане уходятъ къ его родственникамъ и сосѣдямъ, которые приглашаютъ ихъ къ себѣ. Лошади же ихъ остаются запертыми у родителей молодушки.

На другой день рано утромъ молодушка, взявъ съ собою пива, идетъ по домамъ, въ которыхъ ночевали гости, и, угощая ихъ пивомъ, приглашаетъ къ себѣ. Дома она угощаетъ пивомъ и свекра, при чемъ стаетъ предъ ними на колѣни.

Къ полудню гости собираются къ свату и, попировавъ немного, всѣ отправляются пировать къ сосѣдямъ, ходя изъ дома въ домъ; къ вечеру же, обошедши всѣхъ, снова идутъ къ свату. Здѣсь молодухна съ женою брата (кѣнак) или съ другою родственницею раздаетъ гостямъ подарки, состоящiе изъ различныхъ принадлежностей платья; дружкамъ же дарить по небольшому полотенцу.

Вторую ночь, какъ .и первую, поѣзжане ночуютъ у родственниковъ и сосѣдей свата.

Третiй день также весь проходитъ въ пирушкѣ и въ ходьбѣ по гостямъ, но ночуютъ уже всѣ въ домѣ свата. Но въ продолженiе этой ночи гостямъ приходится спать очень мало: вся ночь проходитъ въ различныхъ шуткахъ другъ надъ другомъ, такъ, напр., спящихъ пришиваютъ къ постели, къ подушкѣ, связываютъ ногу одного съ ногой другого и проч. и смѣются надъ ними. Утромъ опять ходятъ изъ дома въ домъ и пируютъ, въ полдень же собираются къ свату, объедаютъ у него и продолжаютъ пировать.

Такъ въ непрерывной пирушкѣ проходятъ всѣ дни сюана. Благодаря продолжительному употребленiю спиртныхъ напитковъ, нѣкоторые гости до того одурманиваются, что перестаютъ сознавать окружающее и ходятъ все время съ бессмысленными лицами.

Пирушка «сюана» заканчивается обрядомъ, носящимъ названiе «*выж улѣ пырон*» (входъ въ подполье). Этотъ «*выж улѣ пырон*» заключается въ слѣдующемъ: всѣ гости съ чашками въ рукахъ идутъ въ подполье (выж улѣ) или, за неимѣнiемъ его, въ заднюю избу, гдѣ хранятся запасы кумышки и вина, и здѣсь выпиваютъ все. По выходѣ изъ подполья поѣзжане борются съ гостями свата, и побѣдители смѣются надъ побѣжденными.

Затѣмъ гости входятъ въ избу, гдѣ ихъ угощаютъ кашею; покушавши каши, они всѣ встаютъ на нары и стоятъ тамъ до тѣхъ поръ, пока имъ не подадутъ по чашкѣ кумышки и по стакану вина. Этими пирушка заканчивается, и поѣзжане идутъ на дворъ, запрягаютъ лошадей и садятся въ сани. Здѣсь на прощанiе ихъ еще угощаютъ кумышкой. Въ это время «покчи казакъ» выносить подушку и сундукъ съ на-

рядами «вилькѣнъ», кладеть въ сани и вмѣстѣ съ собою садить молодушку. Тутъ еще на прощаніе выпивается порядочное количество кумышки, и наконецъ поѣзжане съ пѣньемъ и гиканьемъ выѣзжаютъ со двора.

Отъѣхавъ немного отъ воротъ, поѣздъ останавливается и дружка (быдымъ казакъ) проводитъ позади поѣзда по землѣ, или по снѣгу, черту ножомъ, какъ бы окончательно отрѣзывая молодушку отъ родной семьи.

Пріѣхавъ въ домъ молодого, поѣзжане пируютъ еще нѣкоторое время здѣсь, а молодежь, описаннымъ уже выше способомъ, укладываетъ молодыхъ спать въ вѣнасъ.

Этимъ заканчиваются свадебные обряды, и жизнь молодыхъ входитъ въ обычную колею.

Въ заключеніе считаю необходимымъ упомянуть еще о слѣдующемъ странномъ обычаѣ: молодушка первое время послѣ свѣна не должна говорить съ свекромъ и старшимъ братомъ своего мужа. Она получаетъ право на это только послѣ небольшой пирушки, на которую приглашаются ближніе родственники и сосѣди. При нихъ молодунка даритъ свекру и деверю по рубашкѣ и при этомъ говоритъ: «мѣ атайзы» (на, отецъ), «мѣ агайзы» (на, братъ). Получившіе подарокъ даютъ ей за это по одной или по двѣ серебряныя монеты.

С. Багинъ.

Казань.

8 ноября 1895 года.

С М Ъ С Ъ.

Экспурсы въ область народной пѣсни.

II).

Коротенькія пѣсни, или «припѣвки».

Коротенькія пѣсни, или „припѣвки“, въ настоящее время представляютъ изъ себя одну изъ наиболѣе распространенныхъ формъ русской народной пѣсни. Въ сущности коротенькія пѣсенки суть ничто иное, какъ лирическія пѣсни, имѣющія въ себѣ обыкновенно не болѣе шести-восьми стиховъ. Чаше же всего коротенькія пѣсни, или припѣвки, заключаютъ въ себѣ не болѣе четырехъ стиховъ.

Такая форма народной пѣсни особенно распространена въ губерніяхъ великорусскихъ, хотя она встрѣчается точно также и въ губерніяхъ малорусскихъ, а равно и среди бѣлоруссовъ (Жив. Стар. 1894 г. в. I, 83. в. II и др.)

Такія пѣсни извѣстны въ народѣ подъ названіемъ «коротенькихъ», «припѣвокъ», «вертунекъ», «набирушекъ», «чашушекъ» и т. п.

Хотя эта форма народной пѣсни и принадлежитъ въ настоящее время къ наиболѣе распространеннымъ формамъ народнаго творчества, тѣмъ не менѣе изслѣдователи народной жизни до сихъ поръ какъ-то мало затрогивали эту форму народной поэзіи въ своихъ изслѣдованіяхъ¹⁾.

Собиратели этнографическихъ матеріаловъ, обращая особенное вниманіе на записываніе пѣсенъ эпическихъ, былинъ, причетовъ и старинныхъ «протяжныхъ» лирическихъ пѣсенъ, совершенно игнорировали «припѣвки», а если и записывали

¹⁾ См. Этн. Обзор., XXIX—XXX.

²⁾ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ была статья, посвященная подобнымъ пѣснямъ—„чашушкамъ“. Въ „Нижегородскихъ Губ. Вѣд.“ 1896 г. онихъ писалъ Н. И. Азутинъ. Существуетъ также статья Н. А. Смирнова: „Русскія нар. пѣсни новѣйшаго времени“ (отдѣльно, Спб. 1896 г., 8^о, 26 стр.) .Ред.

ихъ иногда, то только для курьеза, для того, чтобы «доказать» ими яко-бы паденіе русской народной пѣсни. Неудивительно, что въ нашей литературѣ понемногу установился тотъ взглядъ, что всѣ «припѣвки» представляютъ изъ себя въ большинствѣ случаевъ безсмысленный рѣмованный наборъ словъ, что эти миниатюрныя пѣсенки стоятъ ниже всякой критики въ художественномъ отношеніи, что онѣ не могутъ имѣть никакого значенія не только для историка народной литературы, но даже и для изслѣдователя-этнографа.

Взглядъ крайне неосновательный... Даже поверхностное знакомство съ народными припѣвками обнаруживаетъ несостоятельность такого мнѣнія. Наряду съ припѣвками, лишенными почти всякаго смысла, встрѣчается множество припѣвокъ, въ высшей степени вѣрно характеризующихъ народную жизнь, служащихъ мѣткимъ изображеніемъ этой жизни, вполне художественныхъ по своему содержанію и формѣ, а потому и заслуживающихъ вполне вниманія историка народной литературы. Что же касается до этнографа, то для него припѣвки заслуживаютъ уже вниманія хотя бы со стороны своей распространенности, какъ явленіе, широко охватившее различныя мѣстности Россіи.

Что можетъ быть, повидимому, безсмысленнѣе такой припѣвки:

Заболѣла голова
Съ великаго посту,

Полюбила дѣвченку я
(Вар.: полюбила милаго)
Небольшого росту.

А между тѣмъ она встрѣчается во многихъ губерніяхъ центральной Россіи; она записана нами въ Ярославской губернии, встрѣчается даже и въ Олонецкой губернии («Рекрутчина», Жив. Стар. Вып. II 1894 г. стр. 215).

Что можетъ быть такъ сказать ordinarilyе такой шутилой пѣсенки:

Купайла Ивана,
Сучка въ борщъ упала.
Хлопцы вытягали,

Зубы поламалы,
Дивчата граблями,
А хлопцы зубамы.

(Труды Киев. Дух. Акад. 1871 г., т. I, стр. 441).

А между тѣмъ она встрѣчается во многихъ мѣстахъ юго-западной Россіи («Жив. Стар.» Вып. 1. 1894 г. стр. 89. Чубинскій, т. III, стр. 201), и въ основѣ своей имѣетъ повидимому, мѣлическую, стихійную подкладку.

Сколько встрѣчается у насъ дѣтскихъ припѣвокъ, представляющихъ осколки самой сѣдой старины, заставляющихъ иногда задуматься надъ ними историка и этнографа.

Нечего говорить уже о томъ, что въ припѣвкахъ съ особенною рельефностію изображается внѣшняя обстановка

деревенской народной жизни, въ протяжныхъ лирическихъ пѣсняхъ отходящая въ большинствѣ случаевъ на задній планъ. Очевидно, что и коротенькія пѣсенки, или припѣвки, заслуживаютъ полнаго вниманія изслѣдователей нашего русскаго народнаго творчества.

Записывая съ 1888 г. матеріалы народнаго творчества въ Ярославской губерніи, мы имѣли возможность собрать между прочимъ и множество припѣвокъ. Множество такихъ же припѣвокъ, записанныхъ различными собирателями, было помѣщено на страницахъ «Яросл. Губ. Вѣдомостей» въ восьмидесятихъ годахъ. Значительное количество сырого матеріала, имѣющагося у насъ подъ руками, даетъ намъ возможность въ настоящемъ очеркѣ дать краткую характеристику народныхъ припѣвокъ, по крайней мѣрѣ существующихъ въ Ярославской губерніи.

Припѣвки эти поются чаще всего на деревенскихъ «посидкахъ» или «бесѣдахъ», какъ пѣсни плясовые, иногда же ихъ поютъ и такъ, въ перемежку съ протяжными пѣснями, и пожалуй еще чаще и больше, нежели протяжныя пѣсни.

Всѣ припѣвки представляютъ изъ себя или обломки старинныхъ пѣсенъ протяжныхъ, или же самостоятельный продуктъ народнаго творчества, очень часто импровизацію ¹⁾. Въ припѣвкахъ этихъ воспѣвается главнымъ образомъ любовь, красота той или другой дѣвушки, того или другого парня, дѣлаются намеки на интимныя отношенія молодыхъ людей, свадьбы и т. д. Однимъ словомъ, всѣ злобы дня, интересующія деревенскую молодежь, выкладываются въ припѣвкахъ, какъ на ладони.

Особую самостоятельную группу припѣвокъ составляютъ припѣвки дѣтскія и припѣвки свадебныя; останавливаться на нихъ въ настоящемъ очеркѣ мы не будемъ. (О нихъ см. статьи наши въ Этн. Обзор. 1890 г. № 3. Яросл. Губ. Вѣд. 1889 № 61).

По формѣ своей припѣвки представляютъ пѣсенки въ двѣ, три, четыре, пять, шесть и рѣдко болѣе строкъ. Такъ, наприимѣръ:

Подкошенная травинушка не
можетъ расцвѣсти,
Обезчещенная дѣвушка не можетъ
быть въ чести.

Обязки мою головушку слезамъ.
Не бери ко-ты, Иванушко,
За женой приданого:
Женино приданое.
На времячко на малое.

—
Ужь, ты батюшко медвѣдушко,
Заломай мою коровушку съ рогамиъ,

И т. д. въ этомъ родѣ.

¹⁾ Срв. Яр. Губ. Вѣд. 1891 г. № 71—72.

Всего чаще припѣвки являются стихотвореніями римо-
ванными; неримованныя припѣвки встрѣчаются, но уже го-
раздо рѣже.

Дѣло брось, возжи брось,	Или:	На моемъ то ли сердечѣ
Экая досада!		Трехпудовый камешекъ...
Отступилъ хорошій прочь.		Гдѣ бы милаго увидѣть,
		Трехпудовый камень снять?

Со стороны литературнаго своего достоинства однѣ изъ при-
пѣвокъ представляютъ весьма удачныя стихотворенія, дру-
гія, напротивъ, являются чистѣйшей бессмыслицей, какъ напр.:

Думала, подумала,	Бѣленькой, хорошенькой,
Куда платокъ засунула,	Повошенной, заброшенной.

На основаніи такихъ-то бессмысленныхъ припѣвокъ и
укоренился тотъ неосновательный взглядъ на всѣ припѣвки
вообще, о которомъ мы говорили выше, взглядъ, по которому
припѣвки считаются бессмыслицей, не стоящей вниманія.

Напѣвъ припѣвокъ въ большинствѣ случаевъ однооб-
разный, монотонный, близко подходящій къ речитативу.

Содержаніе припѣвокъ весьма разнообразно; тѣмъ не ме-
нѣе предметомъ большинства ихъ является любовь «милаго»
къ «милой» и наоборотъ. Въ припѣвкахъ особенно полно
характеризуется эта вѣчно старая и вѣчно новая исторія
любви со стороны внѣшнихъ своихъ проявленій: въ данномъ
случаѣ припѣвки представляютъ изъ себя весьма цѣнный
этнографическій матеріалъ.

Ухаживаніе парня за дѣвушкой начинается въ деревнѣ съ
того, что парень сидитъ съ дѣвушкой на бесѣдѣ рядомъ, поетъ
ей пѣсни, танцуетъ съ ней, разговариваетъ и провожаетъ
ее съ бесѣды. Такой парень, если дѣвушка симпатизируетъ
ему, становится для нея ея «почетникомъ», ея «прихе-хе»¹⁾.

Сегодня ночь будетъ темна—	Возму провожатаго,—
Не пойду домой одна,	Парня вожеватаго.

Ухаживаніе парня за дѣвушкой встрѣчаетъ со стороны
последней очень часто недовѣріе въ искренности его, слѣд-
ствиемъ чего бываетъ со стороны дѣвушки отказъ парню въ
его исканіяхъ.

Съ неба дождичекъ идетъ,	Или же:	Понапрасну, милый, ходишь,
Съ крыши вода льется.		Сапоги съ калошамъ рвешь,
Во глаза милой дестить,		Сапоги съ калошамъ рвешь,
Отойдетъ—смѣется		Меня обманываешь.

¹⁾ Молодые люди, симпатизирующие другъ другу, ухаживающие другъ за дру-
гомъ, въ различныхъ мѣстахъ Яросл. губ. носятъ различныя названія: „почет-
никъ“—„почетница“, „любезный—любезнал“, „милый—милая“, „любитель—лю-
бительница“, „сущильникъ“, „прихе-хе“ и т. п.

Чаще же всего обоюдная симпатія молодыхъ людей ук-рѣпляется настолько, что у нихъ является уже потребность постоянно видѣть другъ друга, постоянно быть другъ съ дру-гомъ, безъ чего и тотъ и другой страдаетъ. Такое душев-ное состояніе служить обычнымъ мотивомъ припѣвокъ.

Не охота чаю пить,
Охота по воду сходить.
Пойду по воду съ ведромъ:
На путьъ любого дождь.

Или: Какъ бы не было миланки,
Не пошелъ бы въ тотъ конецъ,
Не пошелъ бы въ тотъ конецъ
Ни по коровъ, ни по овецъ.

Слѣдствіемъ вышеупомянутой потребности являются тай-ныя свиданія влюбленныхъ, поцѣлуи украдкой, и любовныя игры, съ нашей точки зрѣнія, пожалуй, не вполне прилич-ныя, но зато разрѣшаемыя деревенскимъ этикетомъ.

Вышла я на улицу—
Светъ частый дождикъ.
Я хотѣла убѣжать—
Приехенька держитъ.

Принародно не цѣлуй;
Поцѣлуй меня на улочкѣ,
Въ дядиномъ заулочкѣ.

Постой, парень, ве вазай,
Сарафанъ мой не морай:
Сарафанъ кумашной
Работы домашной.

—
Всю я утреннюю зорю
Просидѣлъ на толчѣ:
Я тебя, моя милая,
Поджидалъ къ себѣ.
Что ты, милка, не идешь?
Изъ любить мня не хощь?

—
Ты, мой милый, не балуй—

Въ деревнѣ, какъ и вездѣ, любовь вполне свободное, свое-правное чувство, предпочитающее иногда богатому — бѣд-наго, красивому—некрасиваго, и т. д.

Вся молодчички въ калошахъ,
Мой-отъ милой безъ калошъ;
Ничего, что безъ калошъ—
Овъ на личико пригожъ.
Ничего что пьяница—

Я иду красавица.
Съ неба звѣзды, съ неба градъ,
Никто милому не радъ,
Только я младешенька
Милому радешенька.

Неудивительно, что и нынѣ, какъ и прежде, влюбленнымъ оказывается часто препятствіе со стороны ихъ родителей, въ ихъ взаимной симпатіи.

Ты любитель, любитель, мальчикъ
мой!
Ты не вѣдаешь любви никакой!
Какова любовь на свѣтѣ рождена,
Разгорючимъ слезами улита,
Вечоръ ¹⁾ дѣвushку счували ²⁾ за тебя.

Ахъ зачѣмъ, зачѣмъ забавный разго-
воръ?
Долго, долго не видаться намъ съ
тобой!
За тебя матка ругаетъ и бранитъ:
Не велитъ гулять на улицу ходить ³⁾.

1) Вчера.

2) Счувать—бранить, ругать.

3) Обрывки или перефразировка общезвѣстной пѣсни: „Не велитъ Мамъ за рѣченку ходить“...

Но всего чаще описывается въ припѣвкахъ красота милого или милой, ихъ нарядъ и т. д.

Было бы, впрочемъ, несправедливо предполагать, что содержаніе припѣвокъ исчерпывается исключительно только отношеніями милого къ милой и наоборотъ. Припѣвки положительно откликаются почти на всякую злобу дня. Въ нихъ находимъ мы и раздумье дѣвушки, желающей выйти замужъ:

Нынѣ замужъ бы пошла—
Жениха по мысли нѣту:

Кой-то бѣденъ, кой богатъ,
Которой на осень соддать,—

и боязнь дѣвушки, долго прогулявшей вечеромъ, чтобы ее не стали бранить родители ея:

Наши ужинать садятся—сумѣваются объ насъ,
Сумѣваются объ насъ—долго ужинать нѣтъ насъ.

Описываются въ припѣвкахъ иногда и вещи уже прямо экстраординарныя, выходящія изъ рамокъ обыденной деревенской жизни.

Въ томъ краю большая драка,
Моего милого бьютъ,

Моего милого бьютъ—
Мнѣ поплакать не даютъ.

Или же: Намъ въ Оганино ходить не рука:
Опрокинулъ девять кринокъ молока !)...

Не обходятъ припѣвки молчаніемъ и солдатчину, играющую видную роль въ старинныхъ протяжныхъ пѣсняхъ.

Полняетъ моя прядка—
Я еще позолочу.
Отдадутъ его въ солдаты -
Я объ немъ похлопочу, (2)
Со дорожки ворочу.

Девять бракнуло десятый,
За мной старосты бѣгутъ. (2)
Во пріемный кругъ зовутъ.
Во пріемъ-отъ не идемъ,
Съ собой дѣвушекъ ведемъ.

Запряги-ко, татка, сѣраго коня,
Отвези-ко въ городъ Вологду меня.
Городъ Вологда раздольная—
Середь улица пріемная.

Ахъ, гулянье, гулянье мое!
До чего меня гулянье довело!
Отдають меня въ солдаты молодца!
Отдаетъ меня не батюшко—
Міровды сельски старосты.

Значительная часть припѣвокъ относится къ категоріи сатирическихъ и юмористическихъ пѣсенокъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущей статьѣ. Къ сообщеннымъ тамъ пѣсенкамъ этого рода прибавимъ здѣсь еще нѣкоторыя. Напр. для полноты изображенія пряхи:

Ужъ ты, прядица—копылица моя,
Скоро выкину на улицу тебя:

Мнѣ не прасты, да не дергати,
За робятамъ только бѣгати.

2) Конечно, нечаянно, при посѣщеніи деревенской бесѣды, послѣ чего уже и идти на эту бесѣду становится парню совѣстно.

Для характеристики жителей разныхъ мѣстностей:

Не играй, милой, въ простую,	Полюби Ухтомляночку ²⁾ .
Поиграй въ тальяночку; ¹⁾	Ухтомлянка съ янтарямъ.
Не люби, милъ, волостную,	Полюбилъ, не радъ и самъ.

Паденіе родительскаго авторитета надъ дѣтьми, своеволіе послѣднихъ нашли себѣ откликъ точно также въ юмористическихкихъ припѣвкахъ.

Матка, матка,	Человѣкъ онъ старый,
Продадимъ ко батька:	Пропадетъ онъ даромъ.

Продай, тятенька, коровку, Купи сѣтку на головку; Продай, тятенька, ты бѣлаго быка, А купи мнѣ голубого казака ³⁾ .	Тятенька, мамка, я не ващъ, Я не буду жить у васъ! Попшто рано будите, На работѣ морите, Погулять не даете.
Пока тятенька парился, Я въ амбаръ отправился,	Тятенька голову чесалъ Я мѣшечки насыпалъ, (т.-е. съ цѣлю, конечно, украсть).

Такъ какъ по народной пословицѣ «въ семьѣ не безъ урода», то естественно, что въ каждой деревнѣ наряду съ дѣвушками вполне безупречной нравственности встрѣчаются особы довольно легкомысленныя. Такимъ дѣвушкамъ посвящается множество юмористическихкихъ припѣвковъ.

Мой-отъ миленькій съ усамъ, таки съ усамъ ⁴⁾,
Привязалъ меня къ рассаднику косамъ
За сырошныя прянички.
Ой сырошнички всѣ!
Доставалоса русоей косѣ...

Такова расправа парня со своей вѣтренной милой, получившей отъ другихъ парней «сырошныя» прянички.

Или же: Какъ на печкѣ на краю	Не люби ты некрута...
Драли милую мою,	Хоть дерите въ пять кнотовъ,
Ее драли въ три кнута:	Не отстать отъ некрутовъ.

А вотъ уже мотивы и вполне легковѣсной дѣвушки, по народному выраженію настоящей «гулѣны».

Полюбила фершала—	Полюбила Фединьку—
Свое сердечко гѣшила;	За одну конфетинку....

¹⁾ Гармонія итальянскаго лада.

²⁾ Ухтома—монастырская вотчина Польш. у. Волостная—жительница волости, противопоставляется жительницѣ монастырской вотчины.

³⁾ Одежа въ родѣ кофточки.

⁴⁾ Т.-е. человѣкъ догадливый, смѣтливый. „Я самъ съ усамъ“, т. е. я пони-
маю дѣло не хуже тебя, говорятъ народная поговорка.

Я конфетинки прѣѣла—
Наплевать ему хотѣла.

Стыдъ головушкѣ моей—
Трое вьжуются за мной.

Всѣхъ трояхъ я полюбила,
Всѣмъ троемъ закладъ дала¹⁾.
Кому перстень, кому платъ,
Ванѣ зергало въ закладъ.

Неудивительно, что по мнѣнію такой «гулены» «чего хочется—николи не грѣхъ», а «цѣловаться въ уста николи нѣтъ поста»; дѣвичество, по ея мнѣнію, «ве лужа — достанется и мужу»; «стыдъ не дымъ — глазъ не выѣсть». Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что такія «гулены» представляютъ даже и въ настоящее время явленіе въ деревнѣ исключительное, аномальное. Не смотря на постоянныя сѣтованія о паденіи, будто бы, деревенскихъ нравовъ и въ настоящее время цѣломудренность и чистота деревенской дѣвушки считается лучшимъ ея украшеніемъ. Судить же о народной нравственности только по имѣющимся у насъ въ рукахъ народнымъ пѣснямъ было бы по меньшей мѣрѣ поспѣшно. Едва ли есть гдѣ столько циничныхъ, сальныхъ припѣвокъ, какъ у бѣлоруссовъ, но у тѣхъ же бѣлоруссовъ потеря цѣломудрія даже парнемъ считается дѣломъ крайне позорнымъ; у тѣхъ же бѣлоруссовъ соблюдается и до сихъ поръ глубоко знаменательная церемонія «посада» жениха и невѣсты передъ свадьбой.

Кромѣ указанныхъ нами темъ, какія встрѣчаются въ юмористическихкихъ народныхъ припѣвахъ, существуетъ, конечно, и много другихъ: указать ихъ всѣ подробно намъ не было бы никакой возможности.

Сдѣлавъ общую характеристику содержанія юмористическихкихъ припѣвокъ, нельзя обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что среди ихъ почти совсѣмъ не встрѣчается припѣвокъ характера историческаго²⁾ или припѣвокъ, затрогивающихъ богѣе или менѣе общественный строй жизни. Причинами такого явленія могутъ быть: обычная отдаленность нашего

¹⁾ Дѣвушка, желавшая обвѣнчаться съ любимымъ парнемъ тайкомъ отъ родителей или даже противъ воли ихъ, въ знакъ своего согласія на то, чтобы наречъ увезъ ее, даетъ ему въ закладъ кольцо, платокъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губ. „свадьбы-самоходки“ или „самокрутки“ въ большомъ ходу; нѣрѣдко онѣ дѣлаются съ тайнаго согласія родителей жениха и невѣсты, чтобы избѣжать свадебныхъ расходовъ на „столовалье“ и т. в.

²⁾ Въ предыдущей статьѣ (Этногр. Обзоріе, кн. XXIX—XXX) мы привели нѣсенку о Риндѣ, содержащую намекъ на исторію. Сюда можно еще присоединить, пожалуй, слѣдующую:

Попъ, попъ, выпусти собакъ:
Барѣ ѣдутъ, озимъ топчуть.
Или по другому варианту:

Попъ, попъ, выпусти собакъ
На боярскій дворъ,
На дворянскихъ ребятъ.

крестьянина отъ общественной государственной жизни, его замкнутость въ районѣ своего околотка, его узкій сравнительно кругозоръ и т. д.

Среди юмористическихъ припѣвокъ встрѣчаются очень часто *пародіи* на нѣкоторыя мѣста изъ общераспространенныхъ народныхъ пѣсень. Къ несчастію, всѣ имѣющіяся у насъ пародіи припѣвки, относятся по своей формѣ къ циничнымъ, неблагопрістойнымъ пѣснямъ, такъ что привести ихъ здѣсь для примѣра мы не считаемъ возможнымъ.

Относительно неблагопрістойныхъ пѣсень, впрочемъ, должно замѣтить, что въ Ярославской губерніи онѣ не имѣютъ такого широкаго распространенія, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ подъ такія пѣсни совершаются деревенскою молодежью даже игры и танцы ¹⁾. Благопрістойную пѣсню можно услышать у насъ въ кабацкѣ или трактирѣ среди разгулявшихся мужиковъ забуддыгъ или же въ интимномъ кружкѣ парней, любителей такого рода пѣсень. На вечеринкахъ, бесѣдахъ, посидѣнкахъ, деревенскихъ гуляньяхъ—однимъ словомъ, тамъ, гдѣ парни „гуляютъ“ съ дѣвушками вмѣстѣ, такой пѣсни почти никогда не услышишь.

Прослѣдивъ содержаніе народныхъ припѣвокъ и охарактеризовавъ его въ общихъ чертахъ, мы должны отказать, конечно, отъ той предвзятой мысли, что всѣ припѣвки представляютъ изъ себя простой наборъ рифмованныхъ строкъ, наборъ безъ смысла и складу, что всѣ припѣвки не заслуживаютъ никакого вниманія, какъ неудачная попытка народнаго творчества. Мы уже видѣли, что очень многія изъ припѣвокъ безукоризненны даже и по формѣ; по содержанію же своему эти припѣвки даютъ вѣрную и яркую картину народной жизни, почему онѣ и заслуживаютъ вниманія не только изслѣдователя этнографа, но и историка русской народной литературы.

Вышеприведенный ошибочный взглядъ на народныя припѣвки произошелъ главнымъ образомъ вслѣдствіе стремленія нѣкоторыхъ этнографовъ записывать *все*, что они слышатъ на деревенскихъ гуляньяхъ и бесѣдахъ, не подвергая свои записи никакой дальнѣйшей провѣркѣ. Отсюда получается масса различныхъ пѣсень, не имѣющихъ часто никакого смысла, и еще чаще не имѣющихъ рѣшительно никакой научной цѣнности. Вещь вполне понятная: и въ нашей книжной литературѣ на одно сочиненіе выдающееся, достойное прочтенія, прихо-

¹⁾ См. замѣтки по бѣлорусской этнографіи М. Довнар-Зопольскаго. „Живая Старина“, 1894 г. I в., 1898 г. II в.

дится десятка два, три произведений, которыхъ не стоитъ и читать. И въ вашей книжной литературѣ, наравнѣ съ изданіями сочиненій безупречными, встрѣчаются изданія этихъ же самыхъ сочиненій нигуда негодныя, наполненныя множествомъ опечатокъ, пропусковъ, ошибокъ и т. д. Тѣмъ болѣе такое явленіе возможно въ литературѣ народной, гдѣ пѣсня является часто импровизаціей, гдѣ хранителемъ народныхъ пѣсень является исключительно одна только слабая человѣческая память. Всякій болѣе или менѣе знакомый съ жизнію деревни знаетъ, что далеко не всѣ дѣвушки и парни обладаютъ большимъ запасомъ хорошо извѣстныхъ имъ народныхъ пѣсень: на деревню приходится одна, много двѣ хорошо одаренныхъ дѣвушекъ, обладающихъ богатымъ, хорошо извѣстнымъ имъ пѣсеннымъ матеріаломъ. Большинство же поетъ пѣсни какъ придется, какъ подскажетъ имъ память и сметка, съ пропусками, смѣшивая и переиначивая слова пѣсни. Попадетъ этнографъ собиратель на одну изъ первыхъ дѣвушекъ — въ результатъ у него получится запись полной народной пѣсни, обладающей смысломъ, а очень часто и извѣстнымъ литературнымъ достоинствомъ; встрѣтится онъ съ пересказчицею второго сорта — у него получается въ записи бессмысленный наборъ словъ. Очевидно, что при записываніи пѣсень необходимо по возможности сравнивать различные варианты одной и той же пѣсни, распространенной въ одной и той же мѣстности, подвергать записанныя пѣсни тщательной провѣркѣ.

Какимъ образомъ появляются иногда въ народѣ пѣсни, лишенные всякаго смысла, можетъ показать слѣдующій фактъ. Въ настоящее время въ деревнѣ повсемѣстно распространены кадрили, лянсье и такъ называемые „коротенькіе танцы“, представляющіе изъ себя видоизмѣненіе нѣкоторыхъ фигуръ кадрили. Танцы эти танцуются чаще всего подъ пѣсни съ аккомпанементомъ гармоники. Въ томъ случаѣ, если танцующихъ паръ не много, одна фигура танца быстро смѣняется другою, причемъ, не успѣвъ спѣть нѣсколько строкъ одной пѣсни, обыкновенно начинаютъ пѣть новую пѣсню и т. д. И вотъ въ результатъ является пѣсня, представляющая попури изъ нѣсколькихъ пѣсень, соединенныхъ безъ всякаго смысла вмѣстѣ. Существованіе такой пѣсни крайне не долговѣчно и записывать ее едва ли представляетъ какой интересъ. Огуломъ же отрицать достоинства народныхъ пѣсень на томъ только основаніи, что среди нихъ встрѣчаются бессмыслицы, было бы крайне ошибочно. Все сказанное нами сейчасъ о народныхъ пѣсняхъ и ихъ записяхъ вообще, всецѣло относится и къ интересующимъ насъ припѣвкамъ.

Что же такое представляют изъ себя эти припѣвки? представляют ли онѣ новую форму народнаго творчества, или же эта форма была извѣстна и въ старину? представляют ли припѣвки продуктъ распадаенія старинныхъ, протяжныхъ пѣсень, или же на самомъ дѣлѣ это самостоятельный продуктъ народнаго творчества?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что припѣвки или коротенькія пѣсни въ нѣсколько строевъ, были извѣстны и въ старину. Доказательствомъ этого можетъ служить, какъ мы уже сказали, нашъ старинный свадебный ритуалъ, въ которомъ мы встрѣчаемъ припѣвки свату, свахѣ, дружкѣ, поѣзжанамъ и т. д. въ видѣ шуточныхъ импровизаций, какъ напр:

Ахъ ты самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Уши возницами;
У тя шея бѣла—
Будто въ петлѣ была;
У тя рожа пестра—

Будто оспа трясла.
(Свѣточъ 1861 г. № 2).

Или: Какъ на сватѣ-то штаны—
Послѣ дѣда сатаны,
Какъ на сватѣ-то шалченка—
Послѣ дядюшки чертенка .. (ib).

Что же касается до второго вопроса, то, какъ мы сказали выше, можно вполне утвердительно сказать, что однѣ изъ припѣвокъ — продуктъ распадаенія старинныхъ протяжныхъ пѣсень, обломки этихъ пѣсень, другія же, напротивъ, представляют изъ себя самостоятельный продуктъ народнаго творчества ¹⁾.

А. Баловъ.

П Р И Б А В Л Е Н І Е ²⁾.

1. «Сбирушки» изъ Череповецкаго уѣзда Новгородской губерніи.

Ужъ ты, миленькой, форси, хошь
не форси,
Брюки выпустишь, блиновъ не поѣси.
—
Нѣту, нѣту присталету,
Нецѣмъ утоцкю убить;
У милово завтра праздникъ—

Нѣтъ мяска въ горшкѣ сварить.
—
На окошкѣ свицька таѣтъ,
Во полѣ собацька лаѣтъ.
Бѣлолапая, не лай,
Придѣтъ завтра Николай.

¹⁾ См. объ этомъ статью нашу въ Яр. Губ. Вѣд. 1891 г. №№ 71—72.

²⁾ Печатаемые ниже тексты изъ Новгородской и Владимирской губерній подтверждать наблюденія автора предыдущей статьи, а можетъ быть возбудить и новые вопросы. Череповскія „сбирушки“, помимо содержанія, могутъ представлять интересъ филологическій, благодаря точности записи, которая нами лично произведена. *Ред.*

Поду на рудей на текущей,
Гдѣ протошная вода,
Не поитъ ли мой зазнобушка
Воробново коня.

Въ томъ краю у рѣдницка
Собацѣнка злаяла;
Лиходѣйка дѣушка
(Да) всѣмъ мнѣ нахаяла.

Какъ подъ нашско гацелью
Только глина да песокъ;
Пропадай моѣ колецько,
Носовой бѣлой платокъ.

Не поду по этой лисѣнкѣ
По новой, по цястой;
Недавно узнала милово—
На бѣсѣнкафъ пустой.

Поносила бы я дѣушка
Широково ремня.
Да напугана у милово:
Боюся, какъ огня.

Не играй, игрушка¹⁾, бѣзъ толку;
Не люби Параньку пѣстунью.

Въ полѣ кустышки подсоклые;
Для тебя хожу, для здохлые.

Въ полѣ кустышки не рѣдкіе;
Отбиваютъ, такъ не бѣдко²⁾ ли?
Отбиваютъ—не отбить, не отбить;
Захоцю, такъ ни за што не перебить.

Ужъ ты, милая моя,
Меня приворожила;
Дорожки не было сюда—
Дорожку проложила.

Слѣду въ городъ, не забрѣютъ ни за што,
Тебѣ милка плакать нѣ по што.

Надоѣла въ дѣвкахъ воля—
Поду замужъ терпѣть горя,
Передамси, бабы, вамъ
Ко горюцимъ слѣзамъ

Много утоцѣкъ, гусей

У бережка на волѣ.
У милово много горя,
У мнѣ поболѣ.

Не одна подсушена
Въ полѣ вересинойцка;
Не одна покннута
На свитѣ сиротинойцка.

Какъ у нашово двора
Подворотня кривитцы,
Полно, миленькой, тѣ
На мнѣ надѣятцы.

Какъ за нашимъ за дворомъ
Узенькая глобоцка³⁾,
Всѣ дѣвцѣнки кой-какѣ,
А моя, какъ бобоцка⁴⁾.

Брови черныя, глаза—смородина,—
Это, дѣушки, моя зазнобина.

Двѣ березки распцѣѣли,
Третья раскудрявилась,
Я сама сіѣ дивлюсь,
Какая дрянъ помравилась⁵⁾.

Не брани, мамашенька,
Я не виновата:
Не велика, да ловка—
Важутцы робата.

Мнѣ мамонька за Сашеньку
Цытала проберать.
Не брани, мамашенька,—
Хорошой паренъ Сашенька.

Не брани, мама, мнѣ,
Иду съ бисѣдушки одна:
Провожатой милой мой
Ушелъ ранѣшенько домой.

Не большая, да пригожая—
Сухоты дѣвка наложила.

Въ томъ краю у рѣдницка
Злаяла собацка;
Потому мнѣ не любить,
Што я не богацка.

1) Гармонія.

2) Бѣдко—обидно.

3) Глобка, глобочка—тройка, трюбочка.

4) Бѣбки, бѣбочки—дѣтскія игрушки, кулы.

5) Сраз. также „заправушка“—милая, иначе „прихѣдѣнька“.

Сидитъ воронъ на березѣ,
А кукушка на елѣ.
Коля молитцы Миколѣ
На цюжой на сторонѣ.

Сидитъ воронъ на березѣ,
Соловейко на кусту;
Съ прихехенецкой розсталась,
Слава Богу и Христу.

Накрутило, намело
Сивгу голубово;
До севдгудново¹⁾ году
Не было любово.

Минѣ сѣноци приснилась²⁾
Голова коровья:
Придѣтъ милой изъ салдаты
По слабости здоровья.

Я скажу тиѣ отъ сердца, отъ души:
Не приходи, коли другіе хороши.

Подъ ребиною стояла—
Ребянушка гвѣтцы;
Равше миленькой сміялся,
Нынѣ не придѣтцы.

Купи, миленькой, гостиньцѣфъ
Мнѣ орѣшокъ меледы;
Не любя, такъ не садися,
Времячко не меледи.

Я гуляла подъ берѣзкамъ во дужкафъ—
Не остатній ли годокъ во дѣушкафъ?

Въ ридцкѣ тоненькой лёдокъ,
Водица непротѣчная;
Неужели съ миленькимъ
Розлука вѣковичная?

Каёмки вышиты, серѣдка во кумацъ;
Милой заноситцы, куды какой богаць!

Кромки вышиты, серѣдка бѣлая,
Я осталася сиротка бѣдная.

Неужели ты повянешь,
Траушка шолковая?
Неужели замужъ выдѣшь,
Дура безтолковая?

Неужели не сольѣтцы,
Съ горъ не скатитцы вода?
Неужели насміѣтцы,
Не возьмѣтъ замужъ миня?

Попросила рѣшето,
Подали лукошко.
Силой милой дѣловать
Съ уллицы въ окошко.

Ужъ ты, рипенька, рѣка,
Утопила парнѣка,
Парнѣка Олѣшку
Топила помалѣнку.

Вы спросите, я скажу,
За рѣку зацѣмъ хожу:
Тамъ тальянки³⁾ новыя,
Робята цѣрпобровыя.

Ой тальяноцька не дура
Это дѣло знаѣтъ — да!
У милово на рукафъ
Вѣсело играѣтъ — да!

Пецья топитцы галаноцька.
Варитцы кофѣекъ.
Ты не смѣйси надъ дѣвцѣноцькой.
Лукавый паренѣкъ.

У миня много имѣнья,
Полна горница каменья.
А другая кирпичю —
Съ богатымъ знатцы не хоцю.

Сядь-ко, миленькой, рядоцькомъ,
Погляди-тко на миня:
Говорятъ, што похудѣла,—
Это всё изъ-за тѣя.

Ой, дѣушки, тошно, тошно,
Отъ милово письмо пришло,
Роспецятяю пецятя,
(Да) со слѣзамъ буду цитать.

Моя мизка не висока, не мала,
Самоваръ поставила, не нашла,
И тово дура не смыслила,
Самовара не подцѣтила.

Въ нашей рпцкѣ иѣтъ каменья,

¹⁾ „Севдгуди“—въ этомъ году; „лоши, лонисъ“—въ прошломъ году; „ло лѣвъ-слово“ (въ смыслѣ нарѣчія)—въ третьемъ году.

²⁾ Или: Мнѣ приснилась вѣчесь.

³⁾ Тальянка, тальяночка—гармонія.

Только жолтые пески;
На мѡбѣ-то на сердцежѣ
Много горя и тоски.

Мы съ подружкой мирно жили:
Одново обѣ любили,
Славы не боялися,
За однимъ гонялися.

Мы съ подружкой мирно жили,
Сарафаны модны шили,
Казаки со складкамъ,—
Осталися солдаткамъ.

Всю я траушку стоптала,
Всѣ крутые бережка,
Ужъ я той травы искала,
Штобы высушить дружка.

Словно солнышко изъ глазъ
Милой укатилсы,
Не на вѣки ли со мной
Въ Успеневѣ день простялсы?

Я ходила осенью,
Дивилася надъ озимью:
Эка озимь, эка рожь!
До цѣдъ милой хорошъ!

Пѣсни пой, пока поѣтцы,
Выдѣшь замужъ, не придѣтцы.
Будѣтъ горе да бѣда,
Забудѣшь всѣ припѣвы. Да!

Ой, милашка, дай гумажки,
Скоро писарь буду я:
Напишу такіе глазки,
Какъ, милашка, у тѣя.

Неужли это сбудѣтцы,
(Да) отъ миня милой отступитцы?
Неужели это время подойдетъ,
Што милой женитцы, съ женой мимо
подѣтъ.

Слышу, цюю колокольцѣ¹⁾, цюю
звонъ,
Милой женитцы,—бѣжать за нимъ
вдогонъ!

Мамонька родимая,
Свѣтъ переминилсы:

Изъ деревни висъ (= вѣсть) пришла,
Што миленькой женилсы.

Говорила мамкѣ въ самые уста:
Пріѣдутъ свататцы, отдай ради
Христа!

Не отдаси, такъ, мамка, скаѣшьси —
Со мной на лѣто намаѣшьси:
Не поду я не жать, не косить,
Не поду изутра рано молотить.
Захоцю, такъ молоцо и вороцю,
Не хоцю, такъ изъ овина укацю.
Молотила, ворохъ вѣяла,
Изъ овина дружка видѣла;
Я завидѣла однимъ глазкомъ
Непорядки за милымъ дружкомъ,
Непорядки, непорядоцьки,
За милымъ дружкомъ доглядоцьки.

Поносила бы платка съ кружкомъ,
Посидѣла вѣцѣрокъ съ дружкомъ.
Поносила голубово, алово,
Полюбила парнѣка удалово.
Посидѣла либо вѣцѣрь, либо два,
Не могла худово вывѣдать ума.

Вересбый кустикъ тоненькой —
Паренѣкъ Пѣна молоденькой.
Пѣша въ гору подымаѣтцы,
Объ сударушкѣ сумлѣваѣтцы:
Дома, дома ли сударушка моя,
Не ушла ли на бисѣдушку куда?

Я сидѣла подъ окопкомъ,
Ѣла кашу съ молокомъ,
Розсердилася на милово —
Хвать по кашѣ кулакомъ.

Мой-отъ миленькой во щи въ гор-
шокъ попалъ,
Изъ-подъ вѡлоха²⁾ выглядываѣтъ,
Миня дѣвицю выганиваѣтъ.

Всѣ робятушки не пьяные идутъ,
Моево милово подъ руки ведутъ.

На рябинкѣ на вершинокѣ вѣтоцьки
распукалися,
Какъ Зацюроськи³⁾ робята въ ко-
ноплѣ запуталися.

1) Иначе: колокольчикъ; не уменьшит. форма — колоколó ср. р.

2) Вѡлохъ, волошокъ—покрышка отъ горшка.

3) Зачурово—деревня А'вдогской волости

Милой розвальни купишь,
Мамонька усъласи;
Тятыка мамку прокатилъ,
(Такъ) со сибѣху надсъласи.

Я сидѣла на анбарѣ,
Вхалъ миленькой на парѣ.
—Миленькой, куда ты?
—Охъ, милая, въ солдаты.

Отморозилъ Ваньбя пятки,
Всѣ на пальцикафѣ ходилъ;
Заколело подъ лопатки,
Знать поповну полюбилъ.

За овиномъ въ нашомъ полюшкѣ
Сибѣжки да ледешки;
Понимаемъ, мы не дурацки,
Што вы не женишки.

Или:
Наша рипца не глубока,
Да крутые бережки;
Понимаемъ и т. д.

Ой топай, нога,
Не жалѣй сапога!
Сапоги у мя худые,
Ишшо хуже дома есь.

Пожалѣла сапога:
Сапоги-то рвутцы.
Прахъ съ нимъ съ сапогамъ —
Новые сошьютцы.

Самъ играю, самъ пляшу,
Сапоги съ дырамъ ношу;
Сапоги опорки,
Сарафанъ съ наборкой (оборкой).
Сапоги со скобамъ ¹⁾,
Посулила, да не дамъ.

У мя мама золотая,
Никовды не забранить;
Приведу милово на домъ,
Ишшо цяемъ напоить.

Ставь-ко, мамка, самоваръ,
Бѣленкіе цяшки,

Буду потцевать дружка
Въ голубой рубашкѣ.
Скажу: сяди, милый, пей,
Голубые не облей;
Голубая выгорить,
(Такъ) всё сердцечко выболить!

Моя мама золотая,
Тятынка серебряной,
Отпустите погулять,
Севодня день не ведряной.

За работу батыко билъ, колотилъ,
За гуленье кофту драпову купишь.

Тятыка, мамка, я не вангъ,
Я не стану жить у васъ!
На работѣ моритѣ,
Рѣдко цяемъ поитѣ (2),
Минѣ гулять не дантѣ.

Колько брату не работай,
Не нажить у брата домъ;
Только силушку уложишь,
Покатишь изъ дому вонъ.

Не поду я въ поле жать,
Тамо рожь зелѣная:
Поду въ Цяромское³⁾ замужь,—
Сторона весѣлая.

Жито здрѣло, жать поспѣло,
Не поду я жито жать;
Не поду я жито жать,
Поду милово провожать.

Провожала дружка милово
Вплоть до города Кирилова,
До Канавы Бѣлозерскіе⁴⁾,
(Да) хороши робята сельскіе.

Мой-отъ миленькой на гонкафѣ, на
гѣсу,
Налеку рогушокъ⁴⁾ болѣ, понесу.

У милово у крыльця утоптаца зе-
мелька,

1) Разумѣются мѣдныя накаблучники, т. е. полоски желтой мѣди, облегавшія каблуки съ наружной стороны; эти скобы были въ модѣ глѣвъ 15 назадъ у мужчинъ и у женщинъ. Съ того-же приблизительно времени стали особенно входить адѣсь въ моду „сбирунки“.

2) Чаромское — волость.

3) Разумѣется Бѣлозерскій обводный каналъ.

4) Рогушка — втроуша.

Я пошла бы за него, да не любя
семейка.
Не любя семейка—матка лиходійка.

Мой-отъ милой живётъ подъ горо-
домъ,
Принесеть игрушку¹⁾ подъ золотомъ.

Милая корьё драла —
Куды деньги дѣвала?
Подвѣнечью платёе шyla,
Всё деньжонки истощыла;
На послѣдней пятацёкъ
Купила лѣнтоцёкъ пуцёкъ.

Моя милая не высока на ногафъ,
Накопила много сала на бокафъ;
Надо сало-то повырѣзать,
Сапоги съ калошамъ вымазатъ.

Черёмха въ городѣ цвѣтётъ,
У насъ не нацинаетъ;
Коля въ Андогъ²⁾ живётъ,
Письма не посылаётъ.
Потому не посылаётъ —
Прихехёнъка нажита;
Прихехёнъка Папка —
Рваная рубашка.

Отъ Слудинки-то³⁾ лѣсокъ невысокъ,
Ваня схахаётъ⁴⁾—услышу голосокъ.

Я куплю сибѣ отласу по рублю.
Милой жѣнитцы—другово полюблю.

Моево милово хаяти хитрб:
Кто похаётъ, тому высажу нутро.

Пецька, пецька, пеценька,
Есь на пецьку лисѣнка;
Приходи, милой, пскать,
Я на пецькѣ буду спать.

Миленькой, кудрявенькой,
Купи конфетку съ бѣро(ы)нькой.

Шыла милому рубашку,
Не хватило шолку;

Эдумалъ милой надсьмѣятцы,
Не хватило толку.

Уронила кольцо въ воду,
Кольца съ роду не достать;
Полюбила прихехёнъку —
Съ роду, съ роду не отстать.

Погляжу ва матицю,
Не мой ли милой катитцы.

Я любила, уважала одново,
Въ салдаты отдала—не надо никово.

Я пакетики полуцля,
Роспецятала, цитала.

Ой, дѣушки, рѣсточно:
Съ кѣмъ играла, дѣло врозь пошло.
— Вѣрю, вѣрю я, подруженька, тѣ,—
Это горе у миня у самыё.

За рѣкой огонь горить,
Милашка ужину (рыбушку) варить,
Бѣлую бѣлужину
Самому на ужину.

Я рябинушку ломала,
Витоцьку оставила;
Лишь разокъ поцѣловала,
Тосковать заставила.

Надо подъ гору спуститцы,
Быстру ричьку перейти;
Надо мамоньку спроситцы,
За которово итти.
Моя мамка золотая,
Половина олова,
Не отдасть насильно замужъ,
Выбирай которово.

Матушка не родная,
Похлѣбушка холодная!
Какъ бы родная была,
Погоряцля-бъ налила,

У присуствія суда
Плацётъ дѣвка безъ стыда,

¹⁾ Гармонія.

²⁾ Андога — рѣка; здѣсь разумѣются такъ наз. Андогскія сѣла, составляющія Андогскую волость Череп. уѣзда.

³⁾ Слудинка—село Андогской вол.

⁴⁾ Засмѣется.

Плацётъ дѣвка, говорить:
На кругу милой стойтъ¹⁾.

Моево дружка поставила на кругъ,
У ево спросили, много ли подрутъ.
Онъ сказалъ, што у мяя семь,
(Да) за мяня охота всѣмъ.

Къ Богу схожоно, рука была дана,
Бабы-дуры пороскаляи мяня.
Къ Богу схожоно у насъ наедняъ,
Всѣ сказали, што хорошъ не по мнѣ.

Милой, рядомъ не садися,
Милой, рядомъ тѣсно;
Кали думаешь любить,
(Такъ) на колѣняхъ мѣсто.

Юпка, юпка каленкоровая,
Я тебя-ли, юпка, въ дѣвкахъ берегла,
Закужъ вышла,—на пелѣнки при-
рвала.

Пришлоъ вѣцѣръ, дѣлать нѣцѣ,
Нацѣла кисеты шить;
Было штофу поларшина,
На кисеты всѣ ишшлыа,
А отласу полтора —
На кисеты извела;
Куплю четверть кумацю —
Весь кисетъ оторочю

На улицѣ морозъ, ледешки,
Дѣвки сердятцы, не ѣдутъ женишки.

Прихехонька у мяя Колюшка,
Притерпѣла много горюшка,
Много горя, много бѣдъ
Со семнадцати я лѣтъ.

Я его любила страшно.
Онъ меня любилъ люто.

Ой-ой-ой-ой, ой-ой-ой,
Застрылился милой мой,
Застрылился коль люто,
Повезли въ городъ ево;
Въ лазаретъ положили,

Поматой наволожили;
Дохтура приставили,
Ево лицать заставили;
Ево дохтуръ-отъ не лицить,
А валѣтуръ²⁾ больно пьянь.

Полюбила коцѣгара,
Только онъ-то мнѣ не пара:
Очень цѣрень, нехорошъ,
На арапа онъ похожъ.

Полюбила парня важново
Изъ пятистѣнка двобѣжново,
Полюбила полюбителя —
Черезъ полюшко учителя,
Полюбила полюбовницька —
Черезъ три поля циновицька.
Полюбила-бы приеашпицька,
Ѣла-бы приицьки изъ яншицька
Полюбила дѣвка кучера,
Лишь сама себя измуцила.

Ой милашка, соньчѣ,
Подарила кольчѣ,
Не ему куды дѣтъ,
Али на палець надѣтъ?³⁾

Я посіяла ишеницю —
Уродилсы виноградъ,
Не любите, дѣвки, Ваню:
Ваня на осень садчатъ.

Сарафанъ съ наборкой шыла по пя-
тамъ,
Всю я осень прогуляла съ некру-
тамъ.

Я сидѣла у цюланьчика,
Дожидалася новобраньчика.
Юпка бѣлая, обшита кумацѣмъ,
То и слава, што сидѣла съ богацѣмъ,
То и слава, то и цесь (= честь).—
У милово цясы есь.

Нице(в)о, што безъ калошъ,
Дѣвки любить: самъ хорошъ.
И въ калошафъ, да не гошъ,
Вотъ не любить, кой-то ножъ!⁴⁾

¹⁾ „Стойтъ на кругу“ — записанъ въ рекруты.

²⁾ Также „валѣтуръ“; смыслъ не поясненъ.

³⁾ Шухтовской волости; такое-же произношеніе въ Уломской вол. и вообще въ южной части Череповецк. уѣзда.

⁴⁾ „Кой-то ножъ“ — бранное выраженіе въ смыслѣ: „кой-то чертъ“.

Посидите, посидильнички,
Дорогіе вы бисиднички,
Мы дадимъ вамъ провожатую,
Дивцёноцкю вожоватую.

Ужь ты, милая моя,
Какая за бѣдовалъ, —
Съ головы до самыхъ пятъ
Сладкая, медовая.

Што за рицкя за такая —
Голубокъ купаеццы;
Што за милой, за такой —
Съ кажинной занимаеццы.

Пецкя топитцы, выходитъ въ трубу
цадь,
Казапихи¹⁾ наптрались, такъ мол-
цяць.

Во своей деревнѣ милово люблю,
Ходить бѣско (красиво), ваглядѣтцы
не могу.
Наглядитесь моя глазки про запасъ,
Штобы сердцеюшко не ныло каждый
цяць.

Заболѣла голова съ Великово посту,
Полюбила парнѣка небольшово росту;
Небольшово росту — Курмакова
Костю.

Мнѣ не тошно на Кошту²⁾ ходить,
Мнѣ не тошно Антошку любить
Голова болитъ по Пѣшенкѣ,
Серцѣ ноеть по Антошенькѣ,
Сенька, Ванька, Выкулко,
(Да) на поддациу Сидорко.

Голова болитъ, въ постелѣ маюся,
Милой женитцы, съ ума сбиваюся

Я за быструю за риценкю хожу, буду
ходить,
У Онтона сына милово люблю, буду
любить.

Отъ Зацюрова до мельницы я глазъ
не осушилъ,
По тѣѣ, моя сударушка, все плакалъ
да тужилъ.

Сама знаю, понимаю, милой мой,
Всю ты зимушку смѣялся надо мной.

Дрѣмлетцы, зѣваеццы,
Никто не догадаеццы;
Догадались милой мой —
Проводитъ мнѣя домой.

Ой, миленькой мой, дружѣникъ на-
рицѣнной,
Понтрай въ тальяноцкю на зоринь-
кѣ вечернѣй.

Мой-отъ миленькой уѣхалъ укатилъ,
Мнѣя дѣвицо оставилъ, позабылъ.

На подолѣ бѣло кружево,
По тѣѣ, милой, потужено.

Ужь ты, милая моя,
Я тѣя потѣшу:
Куплю нитку янтарей,³⁾
На шею повѣшу.
(Вар.: Куплю торбу да суму,
За спину повѣшу).

Наше полюшко широко,
Сіють всяки сѣмена:
Сіють ленъ, сіють шпѣницю,
Наростеть одна трава.

Тра(в)ушка, мура(вушка),
Косила тутъ сударушка,
Кѣсила, кѣсила,
Косу въ кустикъ бросила,
Лопатоцкю⁴⁾ подѣ ёлоцкю,
Обѣгала къ милёноцкю.

Дѣвки, суците, не суците,⁵⁾
Съ милымъ дружкоймъ не разлуците

Ой, дѣушки, обидно мнѣ.

1) Казакъ, казачиха — работникъ, работница.

2) Рѣка, впад. въ Суду, притокъ Шемши.

3) Янтарина бусы — любимое украшеніе дѣвушекъ и замужнихъ не только въ праз-
дникъ, но и будніе дни. Покупаются у разносчиковъ по 1—8 р. за янтку; носятъ
„для чистоты тѣла“.

4) Лопатка деревянная съ нарізками, смачивается водою, посыпается пескомъ
— для точенія носов.

5) Суцить — то же, что судачить; производить отъ сущ. „суца“.

- Дружка милово невидно нигдѣ. Кабы серце не болѣло,
Ой обидой обижаяси (также:—ся), Я не похудѣла бы;
Съ кѣмъ ненадобно—видаюси. Кабы жить милой поближе,
Цяпше бы выдала бы.
- Ой по ельницкюю березьницкѣцъ цыстой, —
Придѣтъ милой — разговоръ одиньъ Эту зимку бель милово буду жить,
пустой. Пусть сердцеюшко въ спокоеѣ поле-
жить.
- Поглядите, дѣвоньки, миленьково нѣту; —
Черезъ три года въ четвёртой придѣтъ Мой-отъ милой гроша строитъ,
по билету. Надо мной фигуры строить:
Я сама ево дороже,
Кабы было у мня денѣгъ сотъ пятокъ, Пѣтырѣмъ годамъ моложе:
Воротила бы милово на годокъ; Ему двадцать первой годъ,
Кабы было денѣгъ тысяця, Мнѣ семнадцатый идѣтъ.Воротила бѣ на два мисаца. —
На моемъ-то на миломъ бордовая ¹⁾ На Слудинкѣ милой тѣсъ дорожилъ ²⁾,
блюза. Баяотъ дѣушки—мина приворожилъ.
Я скажу вамъ, дѣушки, што ево Милой тѣсу не дораживалъ,
люблю я. Ёнъ мина не привораживалъ.
- Цяпшо это-то не дивушко— Сяди ³⁾, милой, посиди, ноженки
Сидитъ Пѣша подъ ребинушкой, устали;
Ёнъ во биденкой фурашецькѣ, Мы съ тобой поговоримъ, больно со-
Въ кашемировой рубашецькѣ; скуцали.
- Кашемирова рубашецька, —
Молодецькая замашецька; Дома узинать саятцы, сумлѣваютцы
Кашемирова—прямой воротокъ, объ насъ:
Што на зтогъ на прямой воротокъ Гдѣ отцяянны голѣушки шатаютцы у
Насажу двѣнадцать пуговокъ въ рядокъ, насъ?
По хресьяньскому—цѣгыре впоперѣкъ. Ужъ ты, милая моя.
Цвѣтнкѣ огурешный,
Вставай, мамка, дуй огня, Не найдѣся на мина:
Пришли свататцы ²⁾ меня. Я не подвѣнешный.
- Люби, доцька, дохтуроцька, —
У ево бѣлая соропька. Извините, господа,
Полюбила дохтура, Я не огурешникъ ³⁾,
Тольки мамка охнула. Старовѣрку полюбилъ—
Передъ Богомъ грѣшникъ;
- Не отъ сонца травка вянѣтъ— Охо-хо, милашва старая стаѣтъ,
Отъ зеленово лужка; Охо-хо, скоро по бабушкамъ, подѣтъ.
- Не отъ дѣла похудѣла— Дѣдко умеръ, бадка сивая.
Отъ любимово дружка. У вдовы доцька красивая.

¹⁾ Произносится почти: бурдовая; также иногда и въ другихъ словахъ: корова, ворота.

²⁾ Говорятъ: сватать кого и свататься кого.

³⁾ Тѣсъ дорожитъ — дѣлать стругомъ дорожки (желобки) на тещвахъ для стока воды по нимъ съ крыши.

⁴⁾ Сяди, съ удареніемъ на 1-мъ словѣ (также ляга) — употребительная форма при другой—сидѣ; неопред. накл. сѣсь, прош. сѣлъ.

⁵⁾ Огурешниками называютъ разносчиковъ огуречныхъ и другихъ сѣмянъ; это преимущественно арославцы, романовцы.

Ужъ какъ тетушка, откуда и куды?
Присылай ребитъ хорошиѣ суды.

Миленькой милёнонѣкъ,
Перевези-тко дѣмнѣкъ;
Перевези, не подрубай,
Миня люби, не забывай.

Дитятко баѣное,¹⁾
Куда ты снаряженое?
—Матушка, въ солдатушки
Отъ родной отъ матушки.

Не гѣсь трешштыть,
Не комаръ пишштыть,
Смородина въѣтцы;
Хозѣйна *) дома нѣтъ—
Дѣло обойдѣтцы *).

Слава Богу, науцилась молотить,
Молотиломъ¹⁾ буду мужа колотить.

Кольки Богу не молился—
Во святые не попалъ;
Кольки дѣушокъ любилъ—
(Да) ни одной не цѣловалъ.

Сиротинкѣ бѣдному
Ему привитцы нѣ къ кому;
Привилсы къ вдоушкѣ одной
За мѣсто матери родной.

Какъ не оглянися—
Нѣтъ милашки здѣся.

Болятъ сѣрдѣ и пецѣнка,
За рѣкой живѣтъ дѣвцѣнка.

Свѣтитъ сѣвнцѣ и луна,
Дѣвка ишшотъ кодуна—
Приговоритъ милово—да!

Тѣшша, бей яшшаницю,
Зятъ пришолъ, я ись (=ѣсть) хоцю.

Ой, дѣушки, виць-перевиць²⁾,
Колотиха *) изъ двѣнадцати янць.

Всѣ я пѣсни перепѣла, дѣвки, вамъ;
За три тысячи милово не отдамъ.

Записала Кл. М. Гарднеръ.

2. «Частушки» изъ Покровскаго уѣзда Владимирской губерніи.

I. Рекрутскія.

1. Дѣвочка Анюточка,
Послѣдняя минуточка:
Тебя замужъ отдадутъ,
Меня въ солдаты повезутъ.
Повезли меня въ солдаты,
А я думалъ, на базаръ;
Посадили меня брить,
А я думалъ вино пить.

2. Ай палаша, ай мамаша,
Я теперича не вашъ,
Я теперича царевъ,
На машинушку готовъ.
На машинушку сѣдился,
Ровно соколъ возвился;
Я съ милашечкой простился,
Самъ слезами залился.

3. Вотъ недолго бѣлу сѣвгу

¹⁾ Бажить и бажичать чего-ниб.—сильно желать; особенно о прихотяхъ больныхъ, беременныхъ. „Дайте садового яблока: невѣстка бажичалетъ брюхомъ“... („Садовый яблокъ“—яблоку; просто „яблокъ“—картофель).

²⁾ Также: хозѣйка, хозейство. Срв. выше: гуленье.

³⁾ Эта пѣсенка и другія подобнаго разиѣра (нар. выше: „Ой топай, нога!...“) носятъ „подъ ногу“, для пляски.

⁴⁾ Слово „дѣвъ“ неупотребительно.

⁵⁾ „Виць-перевиць“—часто употребляемое выраженіе въ пѣсняхъ для рифмы, особенно въ величальныхъ и дѣровыхъ. Нпр.:

Изъ-подъ сѣвгу изъ-подъ талю, Не надо луку, перцю,
Изъ-подъ бѣлово хрусталою. Прижму ево къ сѣрцу.

Виць—перевиць—

Виць—перевиць—

Николай Егоровиць.

Николай Егоровиць. И т. п.

(„Таль“—талій сѣвгъ. Кстати: „наслюзъ“—верховая вода на льду. Выраженіе: „рѣда не вышла“—не отталъ нижній слой почвы).

⁶⁾ „Кол тиза“—яичница на молокѣ; „верешшага“—яичница-глазунья („верещать“, когда жарится на маслѣ)

- На сырой землѣ лежать:
Вотъ не долго намъ молодчикамъ
Забритымъ гулять.
4. Ты подуѣй, подуѣй, погодка,
Разнеси на Вольгѣ ледъ,
Разнеси на Вольгѣ ледъ,
Пароходамъ дай ты ходъ,
Пароходамъ дай ты ходъ,
На насъ турка идегъ.
Изъ за быстраго Дунаю
Императоръ письма пишетъ —
Ему нуженъ сталъ народъ (2 раза.),
Все по уѣзднымъ городамъ (2 р.),
Да по селамъ, деревнямъ
Изъ за быстраго Дунаю
Императоръ письма шлетъ.
Повели меня молодчика
Въ уѣздный городокъ (2 раза)
Мои ноженки нейдутъ (2 р.),
Братья подъ руки ведутъ (2 р.),
Мать на троечкѣ везутъ (2 р.),
Отцу шалочку даютъ (2 р.),
Снохи шали подаютъ (2 р.)
Сестры голосомъ ревутъ.
5. Летѣла павѣ
Черезъ сини моря,
Соронила павѣ
Съ крыла перышко.
Мнѣ не жалко крылышка.
Жалко перышка,
Мнѣ не жалко мать, отца,
Жалко молодца.
Служилъ годъ я, служилъ два,
Письма нѣту никогдѣ,
А на третій то я годъ
На побывочку пришелъ (конецъ
забытъ¹).
- II. Любовныя и семейныя.
6. Что за стукъ, что за лень,
Два десятка веретень.
Ты пряди поспрядывай,
На меня, милка, поглядывай.
Нитки рвутся, я вижу,
- На тебя, милый, гляжу.
7. Ай, милашка,
Дай бумажки,
Живописецъ буду я.
Нарисую твои глазки,
Будешь милая моя.
8. На горѣ огонь горитъ,
Милка яблочко варитъ;
На горѣ огонь угасъ,
Милка яблочка не дастъ.
9. Поглядѣла бь я въ окошко,
Знать мое дитя катитъ (2 р.),
Папирсочку куритъ.
Папирса духовая
Сама закурилася,
Я дѣвчонка молодая
Парню полюбилася.
10. Катится—катается,
Гдѣ моя красавица?
Катится горошина,
Гдѣ моя хорошая?
11. Ты канава, ты канава,
Ты канавушка моя!
По тебѣ, моя канава,
Ѣхалъ милый на конѣ. (2 р.)
Сидитъ Сашенька въ окнѣ,
Сидитъ Саша, рукой машеть:
— „Заѣзжай, милой, ко мнѣ!“
— Я тогда къ тебѣ заѣду,
Когда вырастетъ трава (2 р.)
У твоего. Саша, двора (2 р.),
У паратнаго крыльца
Вколочу я два кола,
Привяжу свою коня,
Коня воронова.
Крутомъ кованова.
Конь копытомъ землю рветъ,
Вплоть до камня достаетъ.
Меня милая не любитъ,
А другого признаетъ.
12. Поглядите-ка, дѣвчонки,
Кто то ѣдетъ по рѣкѣ —

¹) Обыкновенно (по крайней мѣрѣ подъ Москвой) этотъ отрывокъ соединяють съ известной пѣсней:

Ахъ, ты садъ ли мой, садъ,
Садъ зеленькій (срв. ниже № 17),
гдѣ рѣчь идетъ о царской службѣ. Это
пѣсня протяжная. Конецъ ея поэтъ такъ:
„Служилъ годъ онъ, служилъ два,

Служилъ три года,
На четвертый годъ
Милъ письмо ко мнѣ шлетъ,
А на пятый годъ
Милъ въ побывку идетъ“.

Ред.

- Въ бѣлорозовой рубашкѣ
Итальяночка¹⁾ въ рукѣ.
13. На горѣ то сковрода.
Подъ горою сковрода,
За то меня милый любить,
Что я горька сирота.
14. Сколько звѣздочекъ на небѣ,
Одинъ мѣсяцъ больше всѣхъ;
Сколько дѣвокъ въ хоровахъ,
Одна милка лучше всѣхъ.
15. Нѣту яблоньки пониже,
Негдѣ яблочка сорвать;
Нѣту милаго поближе,
Не съ кѣмъ горе горевать.
16. Шила милому рубашку,
Я строчила воротокъ;
Я строчила въ елку,
Не хватило шолку;
Съ милымъ рѣчи говорила,
Не добила толку.
17. Ахъ ты садъ, ты мой садъ,
Садъ зелененькій.
Ты зачѣмъ рано цвѣтешь,
Осыпаешься?
Сколь далече, милый мой,
Собираешься?
Не во путь ли, во походъ,
Во дороженьку?
Ты со всѣми, милый мой,
Распрощаешься.
А со мною молодою
Все ругаешься.
Не ругайся, не бранись,
Скажи: „милая, прощай!“²⁾
18. Вдоль я улицы пройду,
Протъ часовни встану:
Если милка моя спитъ,
Я будить не стану.
19. Сидитъ Дуня у окошка,
Прядетъ бѣленькій ленокъ;
Глядитъ Дуня изъ окошка:
„Гдѣ мой миленькій идетъ?“
Милъ идетъ, идетъ, идетъ,
- Дунишкѣ подарочекъ несетъ:
Съ правой рученьки колечко по-
даетъ.
На колечушкѣ написаны слова:
Мому милому великая гроза.
Мой-отъ милый крѣпко руки со-
жималь,
При народѣ милъ Дуняшей назы-
валь,
Безъ народа—Дуня барыня моя.
Дуня барина полюбивала,
На сюртукъ сукна покупила,
На желеточку атласу все брала.
20. Разнесчастный мальчикъ мой,
Разнесчастный удалой,
А что ходишь — не можешь?
А что болитъ, ты скажи-жь?
— Болитъ больно голова.
Пойду въ Ладовы поля,
Сорву травки горошку,
Залѣчу милому головку.
„Я теперь живъ, здоровъ,
Цѣловать тебя готовъ“.
- (все опять вѣд, но болятъ *мазынъки*, а
рвутъ *трапки лзынъки*).
21. Последній часъ разлуки
Съ тобою, дорогой;
Не вижу, кромѣ скуки,
Утѣхи никакой.
Никто меня не утѣшитъ,
Никто не увеселитъ,
Одна моя утѣха —
Милъ плакать не велитъ.
Гуляла я въ садочкѣ,
Гуляла въ зеленомъ.
Искала тѣ слѣдочки,
Гдѣ милъ гулялъ со мной.
Гуляла, приустила,
Садилась подъ кустомъ,
Садилась подъ кусточекъ
На мятую траву (2 раза),
Подъ вѣтку зеленую.
Сидѣли двѣ голубки
На вѣткѣ зеленой.
Одна изъ нихъ вспорхнула
Ко мнѣ на бѣлу грудь,
А я млада вздохнула
По милому дружку.
А гдѣ-жь моя отрада —

¹⁾ Двухрядная гармонія. А. Г.—Вѣроятно надо читать въ два слова: „И талья-
ночка“; обичныя формы въ народномъ употребленіи безъ и: тальянецъ, талья-
ка и т. д. Срв. № 46. Ред.

²⁾ Далѣе продолжаютъ (впр. около Москва) такъ:
„Тутъ легла пава“, и т. д. (срв. выше № 5). Ред.

- Сережа пастушокъ?
Ходилъ гуляль отъ стада
На крутой бережокъ,
Игралъ душа-Сережа
Въ серебряный рожокъ.
22. На окошечкѣ цвѣточекъ
Словно бархатиночка.
Послѣ молочка остался
Горька сиротиночка.
23. Мой-отъ милый больно простъ;
Наступилъ на бѣлый хвостъ.
— Замаравши, вымою,
Про милашку вздумую.
24. Моя мишка плакала,
Фартучекъ окапала,
Она вышла на морозъ
У ней фартучекъ замерзъ.
25. Сколько звѣздочекъ на небѣ,
Полуношной звѣзды нѣтъ;
Сколько дѣвокъ въ хороводѣ,
А моей милашки нѣтъ (2 раза),
Улетѣла на тотъ свѣтъ.
Я записку напишу,
На тѣмъ свѣтѣ разыщу.
26. Погоди, собака, лаять,
Дай съ милашечкой побаять;
Погоди, собака, выть,
Дай мнѣ съ милкою побыть.
27. Ай, сударушка дружка
Проводила до лужка,
До лужка, до камушка,
Сказала: „прощай, сударушка!“
28. Всѣмъ сердцемъ сушусь, кру-
шусь, слезами зальюсь;
Самъ я знаю, для кого:
Знаю, понимаю, кого вѣрно люблю.
Любовь разлучаютъ съ милымъ
дружкомъ.
За моремъ далеко, межъ горъ
высоко,
Тамъ моя несчастна красна дѣ-
вушка живетъ.
Кабъ жилъ я поближе, могъ бы
къ дѣвушкѣ сходить,
Къ дѣвушкѣ сходить, про все
ее разпросить:
„Сударушка - дѣвушка, вѣрно
любилъ-ли меня?
Если меня любишь, возьму за-
мужъ за себя;
- Если ты не любишь, убью, маль-
чнкъ, самъ себя.
Убью, застрѣлю стрѣлой, пойду
въ землю тѣтъ,—
Пускай люди скажутъ, что я вѣ-
ренъ, мальчикъ, былъ,
Что я вѣренъ былъ — одну дѣ-
вушку любить“.
29. Что хотите, говорите,
Милка по сердцу пришлась:
Улыбнется, разсмѣется —
Точно солнышко взойдетъ.
30. Упущу колечко въ море,
Пушай тонеть глубоко.
Отдадутъ дружка въ солдаты —
Пушай гонять далеко.
31. Была тропочка любима,
А теперь пройду я мимо;
Пройду мимо, по задамъ,
Своей милкѣ спокойнѣ дамъ.
32. Шелъ я улицей зимой,
Снялъ колечко у милой;
Снялъ колечко съ пробой,
Погуляю съ новой.
33. Наше поле каменисто,
Не поѣду боронить;
Мой то миленькій капризень,
Не потрафлю говорить.
34. Суди люди, суди Богъ —
Кого я любила,
По морозу босякомъ
Къ Сашѣ я ходила.
35. Мимо оконъ, мимо стеколъ
Пробѣжалъ Ванюшка-соколь,
На немъ бархатный картузь,
Здѣшнимъ дѣвушкамъ конфузъ.
36. Мои бѣлы рученьки
На солнышкѣ горять:
Про меня дѣвчоночку
Все напрасно говорить.
37. За лѣсомъ, за рощей въ зеле-
номъ саду
Тамъ источникъ чистый. На томъ
берегу
Тама есть могилка, обросла тра-
вой,
Памятникъ унывный и цвѣты
кругомъ.

- Тамъ лежить дѣвчонка неприкрытая.
Я въ нее влюбился, взялъ ее прикрылъ.
Я съ отцомъ спознался, ручку попросилъ:
„Дай же, отецъ, ручку дочери своей“.
А отецъ-то злобный дочь свою проклиая.
Тутъ лежить дѣвчонка, отцомъ проклята.
Ты прощай дѣвчонка — жизнь, радость моя!
38. При долинкѣ¹⁾ поеть соловей,
А я на чужбинкѣ забыть отъ людей.
Несчастный родился, несчастный возросъ,
Въ одну я влюбился, и та невѣрна.
Какъ зорька²⁾, смотрѣла она мнѣ въ лицо
И молча надѣла на ручку кольцо;
Надѣвши сказала: златое оно,
Златое, влитое, на память дано.
Покажѣсть колечко всякъ можетъ блистать³⁾,
Потажѣсть, мой милый, своей называть.
39. Дѣвочка чухончка,
Неси воду легоначкѣ,
Неси воду, не качай,
Своему милому на чай;
Неси воду, не плещи,
Своему милому на щи.
40. Дѣвушка не травушка,
Не вырастетъ безъ славушки:
Какъ и 20 лѣтъ пройдетъ,
На дѣвку славушка пойдеть.
41. Бѣжить желтенька лисичка,
Тащить въ зубахъ рукавичку.
Рукавичка — небылчка,
Все про дѣвушку да про Аннушку.
Анна выходъ выходила,
- Бѣлы руки выносила;
Она вѣшала платокъ
На Ивановъ то садокъ.
42. Журавли въ долгоноги,
Не нашли пути-дороги;
Они шли стороной,
Борновали бороной.
Борона желѣзная,
Поцѣлуй, любезная.
—Глазки дремлютъ, спать хотятъ,
Цаловаться не велятъ,
Цаловаться не бѣда —
Куда дѣться отъ стыда?
43. Нарумяню свою милку,
Чтобы можно поглядѣть.
Ноцѣлую свою милку:
Что-то вздумалъ пожажѣть.
44. Ты, милашка, молишься,
Красотою носишься:
Тако времячко придетъ,
Ты за мной погонишься.
45. Ой мамаша, воля ваша,
Не хочу я съ вами жить:
Вы работой мааете,
За гульбу ругаете.
За работу тятка билъ,
За гульбу гармовь купилъ.
46. Сколько разъ я зарекался
Подъ тальянку пѣсни пѣтъ, —
Какъ тальянка заиграетъ,
Мому сердцу не стерпѣтъ.
47. Съ неба звѣздочка упала,
Я за пьяницу попала;
Ничего, что пьяница, —
Я сама красавица;
Ничего, что пьеть вино, —
Шла охотой за него.
48. Гдѣ ты, пьяница, шатался?
Гдѣ ты ночку ночевалъ?
—У богатой, у проклятой
Подъ окошкомъ простоялъ.
А богатая, проклятая

¹⁾ Моск. вар.: Въ лѣсу (въ саду) при долинкѣ.... *Ред.*

²⁾ Моск. вар.: Такъ зорко....

³⁾ Подъ Москвой поеть:

Покажѣсть колечко такъ будетъ блистать,
Во мнѣ ретивое такъ будетъ пылать
(страдать);

Кольцо потусишло — взмѣна моя:
Меня взмѣнила, ко мнѣ невѣрна. *Ред.*

Жалетку отняла,
А бѣдная, сердечная
Послѣдню отдала.

49. На кладбищѣ вѣтеръ свищетъ,
Покойнички крѣпко спать.
Я сходилъ бы на кладбище,
Разбудилъ родную мать
Мое горе горевать,
Горюшко великое—
Свошенька сердитая.

50. Напишу царю прошенье
Что на гербовомъ листу,
Чтобы вышло разрѣшенье
Взять хорошую жену.

III. ШУТОЧНЫМЪ.

(Иногда „на случай“ или „на лицо“¹⁾).

51. Всѣ то елочки, сосеночки
Подрубленыя,
Всѣ то Костински ребята
Всѣ полюбленные.

52. Какъ и красенько вино
Краситъ шейку и лицо,
Грудь мягчить, каѣманъ легчить,
Ногамъ покою не даетъ.

53. Изъ Семенкова тропа,
Изъ саду дорожка;
Какъ Семенковски ребята
Ходятъ правда не нарочно.

54. Какъ у Скрябинскихъ ребятъ
Сапоги новы скрипятъ,
А у Крюковскихъ гадовъ
Сапоги въ восемь нудовъ.

55. Какъ вотъ Крюковски мѣщане
Приходили къ намъ за щамп;
Они шей-то простудили,
Только славу пропустили.

56. Шель я улицей Покровской,

Стоить Машка на крыльцѣ.
Знать недавно изъ больницы:
Нѣтъ румянца на лицѣ.

57. Наше поле каменисто,
Надо камушковъ набрать.
Черезъ рѣчку мостъ настлатъ.
Надо Стѣнинскихъ зазвать.

58. Разсохнулась бадеечка,
Повытекла вода,
Какъ Крюковскимъ дѣвченкамъ
Нѣту хода никуда.

59. Какъ Костински молодцы
Испугались овцы:
Вплоть до Старова бѣжали,
Въ зубахъ галшики держали.

60. Какъ по Крюковой деревнѣ
Телеграмму провели:
Трехкопеечну Анютку
Ее въ волость повели.
У Жаровскаго сула
Анютка плачетъ безъ стыда;
Она плачетъ и реветъ:
Никто замужь не беретъ*).

61. Сидѣла Маша у окошка
Шла платица;
Двѣ оборочки подрядъ —
Для Крюковскихъ ребятъ.

62. У Володи
Въ огородѣ снѣгу много,
Не посадить огурцовъ.
Не надѣйтесь, дѣвчонки,
На красивыхъ молодцовъ.

63. У мого миленочка
Лошадь-кобыленочка.
Не доѣхалъ до горы,
Ее съѣли кумары.

64. Изъ за дѣса вижу я:
Пляшетъ милая моя;

¹⁾ Костино, Крюково, Скрябино, Стѣнино, Семенково, Жары — названія со-
сѣднихъ деревень; записывались частушки въ Костинѣ.

²⁾ Эта пѣсня сложена то такому случаю: Дѣвка не уважила парня, не хотѣла
пѣсни пѣть („а дѣвки всегда должны уважать“), да еще называла его *мутляемъ*.
Онъ, снявъ свою курточку, началъ ее хлестать. Дѣвка пожаловалась старостѣ;
ихъ повели въ волостное правленіе (въ Жары) и обоимъ посадили въ *холодную*.
Съ тѣхъ поръ дѣвку прозвали „*подсудимой*“, и никто ее не сватаетъ. Теперь ей
уже 26 лѣтъ, и она стала „*мутатись*“.

- Пляшетъ дура, ума нѣтъ.
„Перестанешь, или нѣтъ!“
65. Купилъ тятенька телѣжку —
Таранасикъ безъ колесъ.
Какъ захватили дѣвчонку,
На головѣ-ге нѣтъ волосъ.
66. Катя, Катенька,
Какъ водичка, слатенька,
Ключева, холодная —
Какъ Катя модная!
67. Что ты, милка, приуныла,
Не слышать твоихъ рѣчей?
Али брюхо заболѣло,
Захотѣло калачей?
68. Приходи, милый, въ субботу,
Принасла тебѣ работу:
Буду платья полоскать —
Тебѣ на берегъ таскать.
69. Мой-отъ миленькій скупой,
Купилъ бараночки сухой:
Бѣла торопилася,
Баранкой подавилася.
70. Солома пиленъ
Дрова рубленыя;
Какъ молодиньки дѣвчонки
Всѣ полюбленыя.
Какъ и стары то глядятъ,
Имъ гулять не велеть.
71. Полно, милый, ты сердиться,
Полно губки надувать;
Не пора ли намъ мириться,
За полштофомъ посылать?
72. Ай, милашечка моя!
Моли Богу за меня,
Моли Бога и Христа ¹⁾.
Я не пьявица, не воръ:
Три мѣшечка ржи уперъ,
А четвертый кулъ овса,—
Прощай, Питеръ и Москва!
Прощай, Питерска губерня!
Прощай, сорокъ два двора!
Прощай, милая моя!
73. Посылала Ваню мать
Яровое поле жать:
„Поди, Ванюшка, жхни!“
Вышелъ Ваня на крылечко,
Положилъ серпикъ на плечко,
Заплакалъ, да пошелъ.
Не по той пошелъ дорожкѣ,
Не нашелъ своей полоски,
Началъ чужу жать.
Ваня жать-то не нажать,
Все съ любезной простоялъ,
Одинъ споникъ лишь связалъ,
А другой-то ради скуки,
И порѣзалъ серпомъ руки, —
Пошла у Вани кровь.
Недалечко Маша жала,
Скоро къ Ванѣ подбѣжала:
„Уймись у Вани крови!“
Отецъ съ матерью стоятъ,
Все про Ваню говорятъ:
„Ступай, Ванюшка, домой!“
Шелъ Ванюша, торопился,
Камень мостикъ надломился;
Еще съ Ваней то бѣда:
Течетъ подъ мостомъ вода.
Не знаю самъ, куда.
Течетъ рѣчка по песочку
Во матушку Москву.
Беретъ меня въ тоску.

Записалъ А. Е. Гривинскій.

¹⁾ Московскій вариантъ:
Моли Богу и Христу,
Что не пьявица расту. *Ред.*

Къ вопросу о новыхъ мотивахъ въ малорусской народной поэзіи.

(Изъ украинскихъ сахарозаводскихъ тѣсенъ).

Съ тѣхъ поръ какъ прошелъ героическій періодъ въ жизни украинскаго народа, ослабѣло творчество его въ области исторической поэзіи; произведеній же вызванныхъ новыми условіями жизни записано немного, и это обстоятельство поддерживаетъ мнѣніе, будто творчество украинскаго народа приостановилось. Мы думаемъ, что это невѣрно: если данное время не выдается крупными событіями, могущими вызвать высокой поэтической рефлексъ, то во всякомъ случаѣ въ экономической жизни народа опредѣляется все болѣе и болѣе вліяніе новыхъ факторовъ, напр. хотя бы развитіе заводской промышленности рядомъ съ приростомъ населенія и увеличеніемъ безземелья; эти факторы вносятъ культурно-экономическія измѣненія въ народную жизнь, и народная поэзія отмѣчаетъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что со времени освобожденія крестьянъ пѣсня останавливалась на „вогъ“, на безземельи, бурлачествѣ, на экономической зависимости отъ пановъ, евреевъ, на работѣ на сахарныхъ заводахъ, на рекрутчинѣ и солдатчинѣ; правда и неправда общественная въ ихъ взаимоотношеніи сдѣлались предметомъ поэтическихъ размышленій¹⁾.

Мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности также и мнѣніе о быстрой денационализациі украинской поэзіи; въ то время какъ на шумныхъ гульбищахъ, на плантаціяхъ, на улицѣ завоевала себѣ право гражданства залихватская, то циничная, то бессмысленная, солдатско-городская пѣсня,—въ жизни интимной, въ минуты исполненія души тревогой, горемъ или

1) См. Драгоманова, Нові укр. пісні про громадські справи (1764—1880), Женева, 1881 г., стр. 66—118.

радостью господствуетъ исключительно своя народная пѣсня, какъ единственный соответственный, гармоничный отзвукъ волненію народной души; въ интимности національной поэзіи и лежитъ, между прочимъ, причина, почему поверхностные наблюдатели такъ склонны констатировать фактъ денационализации народной украинской поэзіи. Изъ общаго количества почти четырехъ сотъ украинскихъ пѣсень, записанныхъ нами лично или переданныхъ намъ знакомыми въ періодъ 1883—90 гг., пѣсень записанныхъ въ одиннадцати уѣздахъ семи южныхъ губерній¹⁾, около 60-ти т. е. 15%, приходится на долю городскихъ, солдатскихъ и бытовыхъ великорусскихъ; такой % говоритъ лишь о томъ, что и украинскій народъ, по общимъ законамъ психологии, не лишенъ способности участвовать въ культурномъ взаимодействіи со своими сосѣдами и подобно имъ поддается общему ходу культурнаго развитія; что же касается денационализации, то до нея еще далеко.

Выше мы упомянули о пѣсняхъ, созданныхъ подъ впечатліемъ работы на сахарныхъ заводахъ; на одномъ изъ новѣйшихъ варіантовъ заводской пѣсни мы и думаемъ остановиться на этотъ разъ.

Развитіе свеклосахарной промышленности въ Малороссіи пошло быстрыми шагами впередъ, и сосѣдство сахарнаго завода сдѣлалось серьезнымъ экономическимъ факторомъ въ быту сельскаго населенія; весь избытокъ рабочихъ рукъ, при теперешнемъ малоземельи, можетъ имѣть приложеніе осенью и зимой на заводѣ, весной, лѣтомъ и осенью на свекловичныхъ плантаціяхъ, площадь которыхъ все болѣе и болѣе расширяется²⁾.

Сахарные заводы, начавшіе возникать въ 30-хъ годахъ, принадлежали преимущественно помѣщикамъ и были мѣстомъ отбыванія болѣе тяжелой формы панщины; сахарные заводы представляли собою скопище грязи и мѣзмовъ, мѣсто невѣдомыхъ при трудѣ земледѣльца несчастныхъ случаевъ; если и теперь еще обстановка труда на заводѣ въ смыслѣ гигиеничности и безопасности оставляетъ желать многого, то можно себѣ представить, что было пятьдесятъ лѣтъ тому на-

¹⁾ Аккерманскій у. Бессараб. обл.; Чигиринскій, Киевскій и Каневскій—Кіев. г., Елксветград., Александрійск.—Херсонск. г.; Бахмутск., Верхнедѣвировск. — Екатеринбург. губ.; Остерск., Конотоиск — Черниговск. г.; Бѣлгородск. — Курск. губ. и Харьк. губ.

²⁾ Количество сах. заводовъ на югѣ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ опредѣляется цифрой 220; количество десятинъ земли, засѣянной подъ свекловицу, равняется 252 910,4. Зап. Кіевск. Отд. И. Р. Технич. Общ. по свеклосах. промыш. 1890 г. 196.

зядь¹⁾. На сахарозаводскихъ пѣсняхъ, сложенныхъ въ дореформенное время, лежитъ отпечатокъ и крѣпостныхъ отношеній и того нзкаго технического совершенства, на которомъ тогда стояли сахарные заводы; эти пѣсни и до сихъ поръ распѣваются въ подходящихъ случаяхъ; варианты ихъ записаны по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; еще въ срединѣ 80-хъ гг. намъ удалось записать въ Киевск. губ. два варианта этихъ пѣсень²⁾.

Въ качествѣ комментарія по крѣпостнымъ сахарозаводск. пѣснямъ мы приведемъ выдержки изъ воспоминаній о панщинѣ, записанныхъ нами въ 1890 году въ Чигиринскомъ уѣздѣ.

«Цілий день робингъ на полі—та ще прийде кіньми у ночі: „одчини! убірайся у заводъ, ступай, не розкажуй!“ — не дивляться, чи неділя, чи празникъ; не йде, то по шії: „вм всі такі, що ховається!“ А у заводі тяжко сильно було; теперъ все парами, де було десять дівчатъ—теперъ дві; були пресла (прессы), коло їхъ наряджальниці—було ноги поріжуть, руки поріжуть, задрипаються, позатѣповані, та холодно, та замерзнуть, та Боже!.. А теперъ все лапаци (такъ называютъ бѣлоруссовъ, нанимаемыхъ теперъ для черныхъ работъ) та легко—тільки що жара!“ Крестьянинъ села Вязивокъ, работавшій платно на Орловецкомъ сахарномъ заводѣ, вспоминаетъ объ этомъ времени такъ: „.....били, то за чуба, то въ морду“...

Интересно преданіе, сообщенное тѣмъ же крестьяниномъ, о работѣ на свекловичныхъ плантаціяхъ Орловецкаго завода во времена принадлежности завода Потоцкому. Потоцкій пахалъ землю подъ буряки людьми, женщинами; для этого была приспособлена упряжь на шесть душъ; былъ случай, что женщина „нашла дитину у плузі“, т.-е. родила; оратаемъ и погоничомъ были мужчины. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока случайно не проѣзжалъ мимо какой-то важный «чиновникъ»; увидавъ эту сцену, онъ подѣхалъ, переписалъ работавшихъ и далъ знать куда слѣдуетъ; послѣдовалъ при-

¹⁾ См. „Фабричный рабочий“. Изслѣдованіе здоровья русскаго фабрич. рабочаго (изъ наблюдений фабричнаго инспектора) В. В. Святловскаго, а также нашу статью: „Къ вопросу о несчастныхъ случаяхъ на сахарныхъ заводахъ“ и т. д. Технической сборникъ и Вѣст. Промышлен. 1890 г. № 5 и 6.

²⁾ Основа 1862 г. IV. 108; II. 96 (запис. въ Черниговск. губ.); Записки Ю.-Зап. Отд. И. Р. Географ. Общ. т. I, 306—307 (зап. Чубинскимъ въ Киевск. губ.); Киевская Старина 1886, кн. 10, стр. 407 (зап. нами въ Киевск. губ.); Нові українські пісні (1764—1880) 1881, стр. 107—109 (цитируются изъ рукописей варианты, записан. Манжуromъ въ Изюмскомъ, Новомосковскомъ, Переяславскомъ, у. — Харьковск., Екатер. и Полтавск. губ.).

казъ разслѣдовать дѣло. Потоцкій бѣжалъ за-границу; его же управляющій и экономы были судимы; управляющій, по словамъ преданія, былъ приговоренъ, между прочимъ, къ такому позорному наказанію: его посадили въ бричку, у которой на колесахъ были обрублены ободья и такимъ образомъ возили по ярмаркамъ и базарамъ, демонстрируя его какъ человѣка, работавшаго людьми. Самъ Потоцкій больше не возвращался; жена же его оставалась и сдала съ тѣхъ поръ «Вірловецкій» заводъ въ аренду «французу».

Съ паденіемъ крѣпостного строя все измѣнилось; заводы, благодаря развитію техники и вмѣшательству государства, правда только начинающемуся, приняли совершенно другую физиогномію, нравы смягчились, отношенія же между свободными работниками и работодателями развиваются по общему типу отношеній капиталистическаго строя; послѣднее обстоятельство и представляетъ тѣ данныя, на почвѣ которыхъ развивается социальная сахарозаводская пѣсня.

Начиная съ мая, весь женскій элементъ села переходитъ на поля для прорывки и полки бураковъ, а потомъ для выкапыванія ихъ; работа, особенно въ томъ случаѣ, если вблизи находятся другіе сахарные заводы, оплачивается довольно хорошо. Въ случаѣ отвлеченія рабочихъ конкурирующими сосѣдями, плантаторы, помимо повышенія цѣны, прибѣгаютъ къ разнаго рода приманкамъ, на которыя охотно поддается женская молодежь. Такъ, въ Кіевской губ. для работающихъ нанимается музыка (съ музыкой же ѣздятъ по селамъ, заманивая на работу); по окончаніи уроковъ или вообще вечеромъ начинаются танцы, и веселье затягивается до глубокой ночи. Въ Курской губ. предметами соблазна служатъ платки, нѣсколько аршинъ ситцу, которые выдаются проработавшимъ недѣлю сверхъ слѣдуемаго имъ за это время заработка; иныя экономіи дарятъ небольшія зеркальца и куски мыла, а иногда, въ качествѣ добавленія, даютъ водку (так. наз. «порціи»).

Все это вмѣстѣ съ хорошей платой и отсутствіемъ другихъ болѣе подходящихъ заработковъ обуславливаетъ стеченіе на плантаціи сотенъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, какъ мѣстныхъ такъ и завожныхъ¹⁾, часто нанятыхъ заранѣе, по договору, на „зрокъ“.

Не смотря на всю привлекательность работъ „на буракахъ“²⁾, неудовлетворительность экономическихъ харчей, без-

1) Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ ихъ называютъ: „сторонні“, „странні“, „сторона“.

2) Работать „на буракахъ“ — такъ выражаются въ Кіевск. губ.; терминъ же „плантація“ употребляется въ Курск. губ.

церемонное и грубое обращеніе досмотрщиковъ въ связи съ большимъ физическимъ напряженіемъ, если дѣлаютъ эту работу трудной, вызываютъ подчасъ тяжелое, злобливое настроеніе толпы.

Веселое настроеніе „зроковыхъ“, выступающихъ впервые на работу, смѣняется временами элегическимъ настроеніемъ, выливающимся, напр., въ слѣдующей прекрасной пѣснѣ:

Наряжала мати дочку
У білу сорочку,
Випроважала мати дочку
Въ чужу стороночку;
Въ чужую, далекую,
Міжъ чужні люди.
„Хто жь мене, ненько моя,
Жаловати буде?“
— „Дочки мої, пані,
Горе мені зъ вами,
Тоска печаль на серденьку
Та ніхто не знае;

Робитемешъ, годитемешъ —
Жалітнмуть люди“.
Злетівъ півень на тарілку.
Крикнучъ ку-ку-рі-ку!
Не дожидай, мати, дочки въ гости
До вічного віку;
Посій, мати, трави на помості,
Тоді жди дочки въ гості;
Якъ не буде дочки у неділю —
Дожидай на Миколу,
Якъ не буде на Миколу
Не дожидай ніколи!

(с. Бшненьке Корочанск. у. Курск. губ.).

Трудная работа среди открытаго поля, подъ лучами солнца, работа, требующая и силы и выносливости, сопровождается въ промежуткахъ для отдыха всѣми проявленіями веселья и молодой бодрости; это настоящій праздникъ въ честь весны; пѣсни, присказки, остроты такъ и слѣдуютъ однѣ за другими. Для этнографа, занимающагося изученіемъ народной поэзіи и языка, представляется богатая жатва; здѣсь заучиваются и перенимаются пѣсни, устанавливается на ту или другую мода; при смѣшанномъ населеніи края (какъ напр. въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ) здѣсь устанавливаются то насмѣшливыя, то внимательныя отношенія между молодежью малорусскаго и великорусскаго села ¹⁾). Этнографъ не могъ бы не

1) Сознаніе культурной обособленности какъ со стороны малорусскаго, такъ и со стороны великорусскаго населенія, конечно, не формулируется, но на каждомъ шагѣ даетъ себя знать. Возьмемъ хотя бы формальный признакъ національности — языкъ; вотъ что говорятъ великороссыливъ: „ихъ (хохловъ) не разберешь, что и говорятъ“, „у насъ вонъ какъ, у нихъ вонъ какъ гуторять“, „ми ихъ языка не разбираемъ“, „выворачиваютъ языкъ“, „хочимъ не нравятся“ — чѣмъ? — „усѣмъ не нравятся“; „все, какое ни есть, все свое лучше“; „у нихъ хохловъ не водится ни игра, — силать — поглядимъ — хитро какъ-то“. Далѣе рассказываютъ, какъ въ русской деревнѣ насмѣхаются надъ малороссами случайно появившимися туда — „все переймутъ, какъ гуторять, и дразнять. Смѣшанныхъ браковъ почти не бываетъ; хохлушкѣ, которая вышла бы замужъ за русскаго — „такъ ей смутно покажется“. Малороссы Курск. губ. (собств. Бѣлгородск. и Корочанск. у-овъ) называютъ великороссовъ — „русскими“, „москалями“, а женщинъ — „московками“ („пойти въ солдаты“ — „пѣти у службу“, а не „въ москалі“, какъ въ Кіевск. губ.); великороссы же малороссовъ именуютъ „хохлами“. Малороссы смогрять на москалей, какъ на людей малоспособныхъ, неловкихъ, и указы-

остановиться на практикуемыхъ на плантаціяхъ (въ Бѣлгородск. уѣз.) играхъ „въ весилля“, „въ мертвеца“; при первой усваивается весь циклъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ, при второй заучиваются „голосинни“; при этихъ играхъ закрѣпляется національно-поэтическое наслѣдіе, передаваясь слѣдующимъ поколѣніямъ¹⁾.

Среди многихъ другихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ на свекловичныхъ плантаціяхъ, выдается одна по своему содержанию; она имѣетъ отношеніе къ исполняемой работѣ и въ ея обстановкѣ; вотъ эта пѣсня:

- | | |
|---|--|
| <p>1) Хто въ N²⁾ не бувавъ,
Нужды-горя не видавъ.
Ми въ N побули —
Нужды-горя прийняли.</p> <p>5) А у N у дворі
Стоять горниці нові,
А у тихъ же горницяхъ
Стоять столи дубові,
По за тими столами</p> <p>10) Сидять купці рядами;
Ми думали, що купці, —
Прикащики подлеці!
Бодай же ти, N,
Сь хозяйливечкомъ твоімъ,
Хліба-соли дає мало;</p> <p>30) На роботу ідемо —
Сухарики гриземо;
Ізъ роботи ідемо
Гірьки слѣзи лено.</p> | <p>15) І сь плантаторомъ дурнымъ!
Що вінъ ні чорта не знає,
Понапрасно насъ ругає;
Якъ наваре борщу, каші —
Поприставали зрочові наши;</p> <p>20) Якъ наваре кандеру —
Хочъ вилий додолу;
Якъ укине чабака —
Тільки кісточка одна;
Якъ укине тарані —</p> <p>25) Бодай не вставъ зарані;
Якъ наваре галушокъ —
Бодай не вставъ сь подушокъ!
На роботу буде (будить) рано,
Якъ наймався, вихвалявся,</p> <p>35) При роцоту заховався;
Якъ наймався, хвалився,
37) При роцоту сказивсь!³⁾</p> |
|---|--|

(Зап. отъ работавшей на плантаціи май, 1890 г.)

вадь при этомъ на тотъ фактъ, что, молъ, — „якъ вашъ піде у службу, то непременно вийде гундеромъ, хочъ би бувъ такий, що й у миръ не годяться“; „мо-скалень“ считаютъ нечистоплотными; въ хворостяныхъ бѣдныхъ малороссійскихъ хатахъ лучше в чисте, нежели въ хатахъ зажиточныхъ великороссійскихъ; хаты послѣднихъ походятъ на хлѣвы; за великороссійками, какъ хозяйками, признаютъ лишь одно достоинство — умѣнье печь хорошіе, упругіе гречаники. Браки, какъ мы уже сказали, между великороссами и малороссами очень рѣдки; въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ рядомъ стоитъ два села—Шебекино, населенное малороссами, и Устенки—великороссами; священникъ села Шебекина о. Почановъ сообщалъ намъ, что, почти за 30 лѣтъ своего здѣсь священства, онъ не помнитъ браковъ между молодежью поминутыхъ селъ; если и есть примѣры браковъ, то эти послѣдніе были заключаемы между вдовыми, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда главную роль въ сближеніи играетъ матеріальная сторона (тоже относительно браковъ см. „Древн. и Нов. Россія“ 1879 г. IX, 434—435). Между жителями Шебекина и Устенки до сихъ поръ еще происходятъ на Рождество кулачные бои.

1) Работа „на бурлякахъ“ со всѣмъ ея бытовымъ значеніемъ и обстановкой талантливо и этнографически правдиво изображена въ повѣсти *Ив. Левыцкого* (онъ же—*Нечуй*), изданной на украинскомъ языкѣ—„Бурлячка“ (Кіевъ 1881 г. 228 стр. 8°, ц. 75 к.).

2) Пѣня владѣльца завода.

3) Приводимое произведеніе записано въ мѣстности, гдѣ сходятся южныя части Бѣлгородскаго, Корочанскаго и Новооскольскаго уѣзловъ Курской губерніи.

Въ пѣснѣ выражена жалоба на дурную пищу съ присовокупленіемъ соответствующихъ пожеланій виновникамъ этого обстоятельства; кромѣ этого, негодованіе поющихъ вызываетъ несправедливыя отношенія и поступки прикащиковъ и плавтатора; послѣднія строки констатируютъ перемѣну отношеній къ работающимъ при расчетѣ сравнительно съ тѣмъ заискиваніемъ, какое практикуется при наймѣ.

Въ случаѣ дѣйствительнаго неудовольствія пѣсня эта шумно поется всей массой, и надзирающему за работой остается только слушать ее, потому что, бросившись въ одну сторону, онъ въ отвѣтъ на угрозы получаетъ ту же пѣсню съ другой; «затюкають такъ, що не знае, якъ и выбраться!» Сообщившая приведенный вариантъ упоминала въ немъ фамилію одного сахарозаводчика; на мой вопросъ—дѣйствительно ли у N такая плохая пища — она замѣтила: «у N харчи ловкі, намъ хлиба якъ печуть, той дома такого не печуть!» Какъ видно, безпристрастное отношеніе можетъ имѣть мѣсто, и если пѣсня сложилась, то сложилась на почвѣ дѣйствительно дурныхъ порядковъ нѣкоторыхъ эконоій.

Въ 1889 году на страницахъ „Кіевской Старины“ былъ напечатанъ вариантъ сахарозаводской пѣсни, записанный въ с. Тарановкѣ, змиевск. уѣзда, Харьковск. губ. г. И. Зозулей; такъ какъ онъ имѣетъ отношеніе къ разсматриваемому нами, то мы позволимъ себѣ привести его здѣсь:

Ой горе намъ молодымъ
Зъ цимъ прыкажничкомъ дурнымъ,
Гей, гей! охъ-хо-хо!
Зъ цимъ прикажничкомъ дурнымъ } bis 1).
До работы прыгана,
А про нжу не спыта.
Якъ наварить бурякивъ,
Годуе насъ дуракивъ.
Якъ наварить кандеру,
И собакамъ у волю.
Якъ наварить галушокъ,
Годуе насъ дурочокъ.

Ой, прыкажчику нашъ,
Та виддай же намъ прыказъ.
Мы до домушку пойдёмъ,
Сланну писеньку споемъ.
Сланну писеньку споемъ
И до тебе не прийдемъ.
И сусидамъ закажемо,
И собаку привьяжемо:
Не ходы жъ ты, рябло,
Бо тамъ тебе изьидать.
Бо тамъ тебе изьидать
И косточки ростощать.
(Кіев. Стар. 1889. 8, стр. 534).

Въ интересно, между прочимъ, тѣмъ, что оно передано чистымъ украинскимъ языкомъ и сложено по приемамъ украинской бытовой поэзіи; это обстоятельство, вмѣстѣ съ цѣлою массой другихъ поющихъ здѣсь украинскихъ пѣсень, еще разъ оровергаетъ высказанную мысль въ изданіи: „Курская губернія. Итоги статистическаго изслѣдованія“. Курскъ 1887 года. Отъ близкаго сопоставленія великорусскаго и малорусскаго населенія между ними почти взглянулась разница и даже получился какой-то особенный средній языкъ“. См. Кіев. Стар. 1889 г. кн. 3, стр. 583—587, въ статьѣ: „Особенности статистич. изслѣд. Курской губ.“.

1) Послѣ каждаго двуступія съ повтореніемъ второго стиха.

Какъ по содержанію, такъ и по языку вариантъ г. И. Зозули представляеть собою какъ бы переходъ между Корочанскимъ вариантомъ и сахарозаводской пѣснью, записанной нами отъ бѣлорусса—рабочаго на Лебединскомъ сахарномъ заводѣ, Чигиринскаго уѣзда, Кіевск. губ.¹⁾

Ой на горѣ, на горницѣ
Стоитъ сахарный заводъ,
Стоитъ сахарный заводъ —
Да все разный народъ.
Три дня праздничка ждали,
Да все праздновали;
Выходили на лужокъ,
Становилися въ кружокъ.
Запоейте, братцы, пѣсню
Про N-скаго купца,
Про подрядчика подлеца²⁾.
Кто въ (у) N не бывалъ,
Нужды горя не видалъ;
Мы въ N побывали,
Нужды-горя узнавали.
Какъ убросятъ борщу - щей,
Хочь собакамъ вылей;
Какъ убросятъ мохана,

Только косточка одна.
На работу рано гонить,
На работушку идемъ,
Горьки слезы льемъ,
Изъ работушки идемъ,
Веселыя пѣсни поемъ.
Р....ь, пань-хозяинъ,
И съ заводомъ твоимъ,
Съ инструментомъ стояннымъ,
И съ твоими рядчиками,
И съ подрядчиками.
Да ще съ тыми паньчачами,
Да ще съ тыми кур...ми!
Мы до дому поидемъ,
На другой годъ не приидемъ,
И собаки не приплемъ,
И сосѣдямъ закажемъ,
И собаку привяжемъ!³⁾

Несомнѣнно, что всѣ три варианта имѣли одинъ общій первообразъ, возникшій на почвѣ дурныхъ условий, среди которыхъ живеть иногда работающій на сахарныхъ заводахъ и плантаціяхъ.

Корочанскій вариантъ наиболѣе полонъ по содержанію и чистъ по языку; змиевскій и записанный въ чигиринскомъ уѣздѣ отъ бѣлорусса сходствуютъ въ угрозахъ обезславить экономію и этимъ отвлечь приливъ рабочихъ силъ; интересно въ змиевскомъ вариантѣ обращеніе въ ироническомъ духѣ къ собакамъ Рябку: послѣдній предупреждается о томъ, что онъ рискуеть быть съѣденнымъ при появленіи въ такой-то экономіи—нужно понимать—за недостаткомъ пищи, „за злыднями“;

¹⁾ Она распѣвалась также на Теткинскомъ заводѣ (Курск. губ.) рабочими с. Кучеровки Глуховск. у. Черниг. губ.

²⁾ См. о кабахъ у евреевъ-подрядчиковъ сахарозаводскихъ рабочихъ заводъ Каменецъ-Подольской губ. по отчету помощника фабричн. инспектора Кіевскаго округа д-ра Модестова у В. В. Святковскаго. „Фабричный рабочий“ стр. 34—35.

³⁾ См. факты о продовольствіи рабочихъ на сахарныхъ заводахъ Харьковск. округа у В. В. Святковскаго: „Фабричный рабочий“ стр. 106—108. Намъ извѣстенъ заводъ, въ которомъ продовольствіе рабочаго обходится меньше 3-хъ рублей въ мѣсяцъ; въ „Фабричн. рабоч.“ сообщаются данныя: о длинѣ рабочего дня, заработной платѣ, праздникахъ, штрафахъ, жилищахъ, о несчастныхъ случаяхъ—вообще объ условіяхъ, которые вызвали приведенное то озлобленное, то насильственное отношеніе рабочихъ къ заводчикамъ.

въ чигиринскомъ—упоминается о распущенности „паньчей¹⁾“, что каждому знакомому съ заводскими нравами не покажется не основательнымъ.

Характерно то, что и въ данномъ случаѣ мы можемъ наблюдать фактъ общенія и заимствованія въ области народной поэзіи между малоруссами и бѣлоруссами—фактъ, констатированный уже не разъ.

А вотъ еще одна запись, дающая кой-какіе новые мотивы:

Хто въ заводі не бувавъ,	Ну якъ прийде темна вічъ,
Той горечка не видавъ,	Ідемъ гулять на всю нічъ;
Мы въ заводі побувалл,	Ми гуляли-негуляли,
Много горя повидали;	Цілу нічку прогуляли;
Намъ і голодь, намъ і холодь,	Ми приходимъ по утру,
Намъ і хліба не дають,	Держать розокъ по пуку:
Прийде прайзникъ воскресеньє,	Ми хотіли оправдаться,
Намъ хочеться погулять,	Вилять скоро роздіваться;
Намъ хочеться погулять—	Ми хотіли побожитися,
Прикацпки не вилять;	Вилять скоро намъ ложитися...

(Запис. на Шебекинскомъ сахарномъ заводѣ бѣлгородскаго уѣзда Курской губ. 1890 г.).

Дальнѣйшія записи, быть можетъ, дадутъ намъ еще болѣе пѣнные образчики соціальной, заводской пѣсни, а работы фабричной инспекціи выяснятъ намъ причины ихъ возникновенія, лежація въ условіяхъ и отношеніяхъ, въ которыхъ поставленъ рабочій при капиталистической организаціи производства.

М. К. Васильевъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Пѣсня о Носовскомъ сахарномъ заводѣ.

Пѣсня записана въ м. Мринѣ Нѣжинск. у. отъ дивчатъ, работавшихъ въ м. Носовкѣ на сахарномъ заводѣ. Въ говорѣ жителей Мрина и вообще западной части Нѣжинскаго у. и сосѣднихъ селъ Козелецкаго у. слѣдуетъ отмѣтить звуки: 1) *уц*,—соотвѣтствующій *влкр.* о и украинскому *і* (напр. конь - кінъ - *куинь*); звукъ *у* произносится вдвое протяжнѣе, чѣмъ *и*; 2) *юи*, причемъ *ю* слышится, болѣе протяжнымъ, чѣмъ *и*, напр. *тютька - тітка - тѣтка*.

¹⁾ Такъ называются младшіе помощники, наблюдающіе за ходомъ работъ на отдѣльныхъ заводскихъ станціяхъ.

Шо въ Носуици на заводи
 Нема коней не волумвъ,
 Идутъ машины безъ парумвъ,
 Машынысты безъ штанумвъ,
 Усе косы да и босы.
 Да все курать папыросы.
 Шо въ Носуици хлопцы модны,
 По три дня сыдять голодны.
 Якъ наварать намъ борщу, —
 Хоть собаки пудтапу;
 Якъ укынуть барана, —
 Тумлько кумсточка одна;
 Мы кумсточку обгрыземъ;

На роботу рано йдемъ.
 Изъ роботы пуизно йдемъ,
 Друибненькыйи слёзы льемъ.
 Якъ ирду я да домой:
 Дай, хозяйину, рощоть;
 Мы додомочку пойдемъ
 И на той годъ не прийдемъ,
 И собаку привяжемъ,
 По всему Мрыну закажемъ,
 Шобъ собака не 'дырвался,
 Да въ Носуику не попался,
 Бо въ Носуику попадеця, —
 Много гора набореця.

Сообщилъ А. Малина.

Собіраніе и изученіе латышскихъ народныхъ пѣсень ¹⁾.

Какъ латышскій языкъ представляетъ эпоху въ большинствѣ языковъ уже отжившую, такъ и памятники латышскаго народнаго творчества рисуютъ предъ нами картины давно минувшихъ временъ. А между памятниками народнаго творчества нѣтъ другихъ, столько распространенныхъ среди народа и столь глубоко проникнутыхъ его духомъ, какъ его пѣсни; ибо трудно чужимъ элементамъ проникать въ совершенно не хитрую, однако строго соблюдаемую форму этихъ пѣсень. Поэтому эти пѣсни могутъ имѣть нѣкоторый интересъ относительно изученія старины.

Хотя надо предполагать, что и самые первые наши писатели, употреблявшіе латышскій языкъ, были знакомы съ народными пѣснями, но первые ясные слѣды такого знакомства встрѣчаются только у Манцелія въ 1638 году, въ его «*Lettus das ist Wortbuch*». Встрѣчаемые у Манцелія отголоски народной поэзіи хотя не очень обширны, однако они могутъ уже служить свидѣтельствомъ того, что латышская народная поэзія уже и въ тѣ времена по формѣ совпадала съ теперешней. Это предположеніе еще больше подтверждаетъ пасторъ Вишманнъ въ своемъ «*Инонѣмецкомъ Опитѣ*». (Johann Wischmann: *Der Unteutsche Opitz, das ist Poeterei*. 1697). Здѣсь примѣровъ уже больше, и данная Вишманномъ характеристика поэзіи латышскихъ крестьянъ заслуживаетъ и теперь еще вниманія.

Больше пѣсень записывается въ 18 вѣкѣ. Старшій Стендеръ въ обоихъ изданіяхъ своей грамматики (1761 и 1782 гг.) сохранилъ намъ значительное число четверостишій. Въ то же самое время извѣстный Гердеръ знакомилъ нѣмецкую публику съ латышскою музою въ своихъ «*Stimmen der Völker in Liedern*». Гиппель въ своихъ *Lebensläufe* говоритъ, что отецъ его героя собралъ цѣлый «снопъ» (Garbe) латышскихъ пѣсень тихаго

¹⁾ Читано на X Археологическомъ Сѣздѣ въ Ригѣ, въ августѣ 1896 г.

пастушескаго характера. Соответствуетъ ли это истинѣ и что съ этими пѣснями стало въ послѣдствіи, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно.

Сборники пѣсенъ въ полномъ смыслѣ этого слова принадлежатъ нашему вѣку, въ началѣ втораго (1806—1808) пасторы Бергманнъ (въ Руевѣ) и Варъ (въ Пальцмарѣ) издали три сборника, содержавшихъ всего около 1000 пѣсенъ. Эти изданія, бывшія уже въ свое время библиографическими рѣдкостями, теперь почти исчезли, но содержаніе ихъ намъ приблизительно извѣстно по статьямъ Ульманна и Каттерфельда и по сборнику Бюттнера.

Мысль, высказанная Каттерфельдомъ въ 1835 г.: «Въ чемъ мы нуждаемся, это—собираніе» (Was uns Noth thut—ist sammeln),—была радостно встрѣчена дѣятелями страны. Въ 1844 г. пастор Бюттнеръ могъ представить публикѣ свой объемистый трудъ: «Пѣсни и баллады латышскаго люда». (Latweeschu lauschu dzeemas un zinges). Пѣсенъ всего 2854, большинство записано Бюттнеромъ самимъ, но въ составъ вниги вошли и прежніе сборники, равно какъ и пѣсни, записанныя Ульманномъ. Всего у Бюттнера было болѣе 4500 номеровъ, но онъ, какъ видно, и половины не напечаталъ, чѣмъ было достигнуто, что пѣсни этого изданія имѣютъ большое преимущество: это въ большинствѣ случаевъ пѣсни тщательно записанныя отъ хорошихъ исполнителей. Попадались, конечно, и пѣсни менѣе законченныя; въ такомъ случаѣ Бюттнеръ ихъ издаетъ съ своими конъектурами, о которыхъ однако даетъ отчетъ въ примѣчаніяхъ. Эти конъектуры не всегда могутъ быть признаваемы удачными, но всегда свидѣтельствуютъ о тонкомъ чутьѣ автора относительно свойствъ народнаго творчества. Такъ, если въ сборникѣ Бюттнера и встрѣчаемъ пѣсни, чисто національно-латышское происхожденіе которыхъ можетъ быть оспариваемо, то это случай рѣдкій и является слѣдствіемъ вліянія старыхъ авторитетовъ.

Прошло около 20 лѣтъ послѣ появленія трудовъ Бюттнера, и ничего замѣчательнаго не было совершено на этомъ поприщѣ. Но въ 60-хъ годахъ проснулись такъ называемыя національныя стремленія, и плодомъ ихъ была серьезная работа самихъ латышей надъ собираніемъ своихъ преданій. Юросъ Алдуванъ, Звайгзнитъ, Аусеклисъ, Кронвальдъ и другіе латышскіе дѣятели обращали свое вниманіе на этотъ вопросъ и возвратили народнымъ пѣснямъ въ глазахъ народа должное уваженіе.

Въ 1869 году Спрогисъ издалъ свои «Памятники латышскаго народнаго творчества». Изданіе Спрогиса, состоящее изъ пѣсенъ, почти исключительно имъ самимъ записанныхъ,

отличается двумя особенностями: 1) Спрогисъ первый въ своемъ сборникѣ соблюдаетъ систематическій порядокъ въ распредѣленіи пѣсень и 2) снабжаетъ свой сборникъ комментариемъ.

У Спрогиса 5 главныхъ отдѣловъ: 1) Неорганическая природа и времена года, 2) Растенія, 3) Животныя, 4) Человѣкъ, 5) Сверхъестественный міръ. Каждый главный отдѣлъ распадается на подотдѣлы. И такимъ образомъ въ общемъ довольно легко у Спрогиса отыскать извѣстную пѣсню. Но вотъ порядокъ представляется довольно механическимъ, если примемъ въ соображеніе, что ни растенія, ни животныя, вообще ни одинъ предметъ, не воспѣвается отдѣльно отъ человѣка, а все получаетъ смыслъ и значеніе только отъ связи, въ какой находится съ человѣкомъ. Такъ, напримѣръ, подъ заглавіемъ «рѣка» Спрогисъ приводитъ слѣдующую пѣсню:

На камнѣ я сѣкла дрова,
Въ ручьѣ разводила огонь,

Дабы грѣлись тѣ люди,
Которые мнѣ не желаютъ добра.

Главная мысль здѣсь отношеніе къ недоброжелателю, а ручей или рѣка имѣютъ лишь постороннее значеніе. Но не смотря на такія неизбежныя затрудненія, которыя встрѣчаются при каждомъ принципѣ дѣленія, можно сказать, что Спрогисъ съ большимъ пониманіемъ и искусствомъ исполнилъ начатое дѣло. Его комментарий состоитъ въ точномъ переводѣ латышскихъ пѣсень на русскій языкъ. (И латышскій текстъ у него напечатанъ русскими буквами). Такимъ образомъ сборникъ Спрогиса имѣлъ въ виду читателей русскихъ. А чтобы для читателей, незнакомыхъ съ латышскимъ бытомъ, эти пѣсни были понятны, Спрогисъ намѣревался свое изданіе обставить обширными учеными объясненіями латышскихъ обычаевъ и нравовъ. Много такихъ замѣчаній уже было имъ написано, но по недостатку средствъ не было возможности ихъ напечатать, и Спрогисъ принужденъ былъ свои «Памятники» издать «въ скромномъ видѣ», какъ онъ самъ говоритъ, но и этотъ скромный видъ представляетъ много хорошаго и надежнаго матеріала для изученія латышей.

Одновременно съ Памятниками Спрогиса напечатаны были въ «Магазинѣ» общества, Lettisch-litterarische Gesellschaft пѣсни, собранныя въ Креславской окрестности графиней Целлиноу фонъ-Платеръ. Всего здѣсь 170 номеровъ, безъ всякаго дѣленія и объясненій; значеніе этого небольшого сборника заключается въ поэтичности нѣкоторыхъ пѣсень.

Четыре года спустя издано было Э. Я. Трейландомъ Бривземниаксомъ собраніе латышскихъ пѣсень. («Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи

и странахъ ей прилежащихъ, издаваемый В. Дашковымъ». Книга II. Москва, 1873). И здѣсь, какъ у Спрогиса, имѣется русскій переводъ, и латышскій подлинникъ напечатанъ русскими буквами. Пѣсень 1118. Встрѣчаются и поддѣльныя, какова, на примѣръ, безъ сомнѣнія 236 пѣсни. Особенное значеніе дѣятельности Трейланда состоитъ въ томъ, что онъ, получивши на собраніе этнографическихъ матеріаловъ о латышахъ премію В. А. Дашкова, обязавалъ по командировкѣ Моск. Общества Люб. Естеств., Антроп. и Этнографіи разныя мѣста населенной латышами страны и при помощи печати сталъ призывать къ собранію въ большихъ размѣрахъ. Въ отвѣтъ на эти призывы началась неутомимая работа собранія среди народа, предпринятая мѣстными силами¹⁾. Эти многочисленные «этнографы», конечно, не во всѣхъ случаяхъ удовлетворяли всѣмъ требованіямъ науки, но это не бѣда, лишь бы работа исполнялась добросовѣстно.

Параллельно съ записываніемъ текстовъ съ этого времени стали записывать и латышскую народную музыку. Здѣсь долженъ быть упомянутъ директоръ учительской семинаріи Цимзе, который при помощи своихъ семинаристовъ собралъ и издалъ латышскіе народные напѣвы. (*Dzeesmi gota, lauka rikes*). Сборники Цимзе встрѣчены были съ восторгомъ, и вездѣ стали ими пользоваться. Такимъ образомъ заслугою Цимзе является пробужденіе любви къ пѣнію между латышами. Но съ другой стороны эти сборники вліяли на латышскій вкусъ, и нежелательнымъ образомъ, ибо понятія Цимзе о народной пѣснѣ часто не соответствовали истинѣ: выдавались часто за латышскія пѣсни, генію латышкаго народа совершенно чуждыя, какъ на примѣръ ямбическія; чисто народные напѣвы часто передѣлывались на современный ладъ; гармонія же примѣнялась вездѣ совершенно современная, искусственная, подходящая къ нѣмецкому характеру.

Вѣрхомъ воодушевленія при этихъ работахъ является первое общелатышское пѣвческое празднество въ Ригѣ въ 1873 г. Тутъ были подняты вопросы, въ которыхъ потомъ еще долго обсуждалась суть латышской народной поэзіи. Латыши, теперь въ первый разъ съ полнымъ сознаніемъ убѣдившись въ красотѣ своихъ пѣсенъ, не знали имъ цѣны, между тѣмъ какъ Биленштейнъ называлъ ихъ пѣснями, соответствующими дѣтскому возрасту (*berni dzeesmas*), что принято было за обиду,

1) Кромѣ пѣсенъ, Ф. Я. Трейлану доставлялись чрезъ Общество и другіе матеріалы; изъ нихъ сборникъ сказокъ латышскихъ находится до сихъ поръ въ архивѣ Этнографич. Отдѣла, и вѣтъ надежды, чтобы онъ былъ изданъ Отдѣломъ, вслѣдствіе недостатка средствъ. *Ред.*

хотя этимъ Биленштейнъ вовсе не хотѣлъ сказать вичего обиднаго.

На ряду съ этимъ шелъ споръ и относительно музыки, при чемъ одна сторона отличалась строгими, исключительными понятіями о народной музыкѣ, другая же признавала народною пѣсню каждую пѣсню, поющуюся народомъ.

Въ это время выступаютъ съ своими трудами Ульманнъ (младшій), Биленштейнъ и опять Бюттнеръ. Ульманнъ издаетъ около 500 пѣсенъ на нѣмецкомъ языкѣ въ метрическомъ переводѣ, а Биленштейнъ при помощи Ульманна начинаетъ печатать собранныя имъ пѣсни. Обѣ послѣднія книги относятся къ пятидесятилѣтнему юбилею помянутаго общества «Lettisch-litterarische Gesellschaft».

При всемъ искусствѣ Ульманна иная пѣсня въ его переводѣ лишается смысла или получаетъ другой отпечатокъ. Въ латышской пѣснѣ часто все построено на сравненіи, а когда грамматическій родъ предметовъ на другомъ языкѣ другой, тогда и самое сравненіе дѣлается чѣмъ-то невозможнымъ. Дѣвица, напримѣръ, чаще всего сравнивается съ яблоною, но такъ какъ яблоныя (abele) по-нѣмецки мужескаго рода, то сравненіе дѣлается втянутымъ. Но въ этомъ конечно вина не Ульманна, а недостаткомъ его я считаю то обстоятельство, что онъ въ переводѣ пѣсни иногда слишкомъ отступаетъ отъ подлинника, разрывая, напримѣръ, существительное и его опредѣленіе въ разныя строки, что даетъ совершенно невѣрное понятіе о латышской пѣснѣ въ формальномъ отношеніи. Напримѣръ:

Für die Mädchen reiten stolze
Knaben ihre jungen Rosse (№ 53).

Въ составъ сборника Биленштейна должно было войти около 10.000 пѣсенъ, собранныхъ самимъ Биленштейномъ и его друзьями, включая сюда и сборникъ Бюттнера. Но это изданіе не было окончено. Вышло только два тома, содержащихъ 4793 пѣсни. Но и не будучи оконченымъ, сборникъ Биленштейна въ свое время былъ не только самымъ обширнымъ, но и самымъ богатымъ въ разныхъ отношеніяхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ пѣсни изъ всѣхъ областей латышской земли; очень хорошъ и порядокъ дѣленія пѣсенъ по отношеніямъ человѣка къ человѣку и къ разнымъ событіямъ семейной и домашней жизни. Другія, проектированныя части, какъ уже сказано, не вышли въ свѣтъ.

Мѣстами Биленштейнъ даетъ короткія примѣчанія, въ большинствѣ случаевъ очень характерныя. Въ каждомъ главномъ отдѣлѣ пѣсни размѣщены по мѣсту ихъ записи; неизбѣжно

при этомъ является повтореніе вѣсколькихъ очень похожихъ другъ на друга текстовъ. Азбука употребляется нѣмецкая, но безъ обыкновеннаго знака долготы «h». Зато каждый долгій слогъ означенъ горизонтальною чертою. Сопоставленіе текстовъ изъ одной мѣстности очень удобно для изученія разныхъ говоровъ, но жаль, что не упоминается, кто записалъ каждую пѣсню, такъ какъ авторитетъ сотрудниковъ въ соблюденіи тонкостей языка играетъ важную роль.

Снова собраніе встрѣтило поощреніе на третьемъ латышскомъ пѣвческомъ праздникѣ въ 1888 г., которому сборникъ Арона прямо и былъ посвященъ. Но этотъ сборникъ не имѣетъ научнаго характера, а съ своими глубоко прочувствованными введеніями обращается къ народу. Азбука простая нѣмецкая, безъ усовершенствованій; гдѣ и къмъ пѣсня записана, не говорится.

Послѣ этого пѣвческаго праздника изданы были два сборника: одинъ «Научнымъ комитетомъ при Рижскомъ Латышскомъ Обществѣ», а другой «Отдѣломъ письменности при Митавскомъ Латышскомъ Обществѣ». Первый есть изданіе нѣкоторыхъ матеріаловъ комитета и соблюдаетъ порядокъ Спрогса; второй есть собраніе длинныхъ пѣсенъ (zinges), чего то въ родѣ балладъ; онъ похожъ на одно небольшое изданіе, вышедшее уже гораздо раньше: это «Народныя пѣсни, собранныя на побережьи рѣки Венты» (по-латышски). При послѣднихъ трехъ изданіяхъ едва ли можетъ быть рѣчь о редакціи.

Болѣе важно то обстоятельство, что по поводу 3-го пѣвческаго праздника была при Рижскомъ Латышскомъ Обществѣ основана Музыкальная Комиссія. Этой то комиссіею—особенно стараніемъ проф. Юрьяна—было собрано множество чисто латышскихъ наивовъ, о чемъ свидѣлствуютъ и изданія комиссіи и выставленные ею матеріалы на латышской этнографической выставкѣ при X Археологическомъ Сѣздѣ.

Изданіе доцента Э. А. Вольтера (Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губ. 1890) пытается записанныя пѣсни отчасти уже исчерпать въ этнографическомъ отношеніи. Пѣсенъ здѣсь около 1000. Встрѣчается очень много недоразумѣній, происшедшихъ, какъ кажется, по недостаточному знанію иволянтскаго нарѣчій.

Мало знакомъ въ латышскомъ краѣ (во долженъ быть упомянуть) сборникъ Ульяновской, изданный съ польскими введеніями и польскимъ переводомъ въ Краковѣ 1892 г.; онъ содержитъ вѣсколько сотенъ номеровъ пѣсенъ на иволянтскомъ нарѣчьи, между которыми есть и пѣсни сравнительно новыя, ибо въ нихъ упоминается Спаситель, что въ латышскихъ пѣсняхъ явленіе очень рѣдкое.

Это множество сборниковъ, какъ и рукописные матеріалы, накопившіеся у частныхъ собирателей, породили желаніе имѣть одинъ обнимающій всѣ матеріалы сборникъ. Такое предпріятіе было задумано Барономъ, который въ свое время въ Москвѣ раздѣлялъ съ Трейландомъ трудъ этнографическаго изученія латышей. Барону и ввѣрили всѣ остальные собиратели свои собранія, а Виссендорфъ далъ на это изданіе большія средства. Когда изданіе было начато, въ распоряженіи у Барона было 153000 пѣсень, число которыхъ впоследствии возрасло до 200000. Конечно, въ этихъ матеріалахъ одна и та же пѣсня можетъ повторяться нѣсколько разъ, но все-таки Баронъ увѣренъ, что самостоятельныхъ пѣсень найдется около 20000. По большей части это четырехстишія.

Баронъ раздѣляетъ пѣсни соотвѣтственно періодамъ жизни человека. Азбука обыкновенная, за исключеніемъ индлантискихъ текстовъ, которые печатаются латинскими буквами. Варианты не печатаются отдѣльно, но группируются около одной пѣсни, принятой за главную. По областямъ записыванія, какъ у Биленштейна, пѣсни здѣсь не распредѣляются, но условные знаки къ каждой строчкѣ варианта, показывають, если это вообще возможно, кѣмъ и гдѣ пѣсня записана. Введеніе даетъ списокъ сотрудниковъ и число записанныхъ ими въ той или другой мѣстности пѣсень; но было-бы ошибочно на основаніи этихъ данныхъ составить статистическіе выводы относительно распространенія пѣсень. Числа здѣсь довольно случайны, ибо зависятъ отъ числа и неутомимости собирателей. Въ общемъ можно сказать, что легче встрѣтить живую пѣсню на окраинахъ, чѣмъ вблизи культурныхъ центровъ страны. Изданіе Барона-Виссендорфа «Latwju dainas», изъ котораго до сихъ поръ явилось 6 выпусковъ, превосходить уже и теперь всѣ другіе сборники. Число самостоятельныхъ пѣсень пока только 3334, но зато при этомъ издано и много тысячъ вариантовъ, что въ расчетъ не принимается. Одинъ № 2258 имѣетъ болѣе ста вариантовъ.

Съ собираніемъ почти всегда совпадаетъ и изученіе пѣсни. Неумѣстно было бы здѣсь перечислять всѣ сочиненія, относящіяся къ народной пѣснѣ, въ виду того, что пѣсня служитъ исходною точкою при изслѣдованіи разныхъ вопросовъ: миѳологии, древней культуры и т. п. Но считаю нужнымъ еще сказать нѣсколько словъ объ изслѣдованіяхъ относительно формы народной пѣсни. Исторія этихъ изслѣдованій мною изложена въ 1896 г. въ одномъ изъ выпусковъ журнала Латвийскаго Литературнаго Общества. (Metrik des lettischen Volksliedes).

По вопросу о формѣ латышской народной повѣзи существуютъ три главные взгляда:

1) Биленштейнъ 40 лѣтъ тому назадъ объясняетъ форму лат. нар. пѣсни логическимъ удареніемъ; значеніе имѣютъ одни лишь аризы; тезисы не принимаются въ расчетъ, какъ въ древне-нѣмецкой поэзіи; важную роль играетъ parallelismus membrorum.

2) Зандерсъ вступается за старинное свободное удареніе, сохранившееся будто бы еще въ народныхъ пѣсняхъ.

3) Мое мнѣніе, что въ латышской народной пѣснѣ господствуетъ нынѣшнее грамматическое удареніе съ тѣмъ лишь условіемъ, что въ случаѣ столкновенія двухъ удареній оба слова относительно произношенія принимаются за одно. Этотъ случай бываетъ тогда, когда предшествующее слово односложное. Тезисы необходимы; parallelismus membrorum, аллитерація и т. п. не признаются основными принципами.

Вотъ примѣръ: Kam, saulite... (зачѣмъ, солнышко?...)

По нынѣшнему грамматическому ударенію слѣдуетъ сказать: saulite съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а пѣсенники говорятъ: kam saulite съ удареніемъ на второмъ слогѣ: «li». По Биленштейну это потому, что слово «кам» логически важнѣе слова saulite; по Зандерсу здѣсь слово «saulite» сохранило старинное удареніе; по моему оба слова «kam saulite» слились въ одно звуковое единство, а saulite получаетъ вспомогательное удареніе.

Несомнѣннымъ результатомъ этихъ изслѣдованій является то, что латышская народная поэзія знаетъ только хорей и дактили. Строго соблюдается цезура, а передъ нею различаются долгіе, короткіе и средніе слоги; короткіе: а, е, і, u; аs, еs, іs, us; средніе: аі, еі; долгіе—всѣ остальные. Это явленіе занимаетъ наблюдателей отъ времени Випманна (срв. его Иновнѣмецкій Опиць 1697 г.) до нашихъ дней.

Долгій слогъ посредствомъ прибавленія краткихъ а, е, і можетъ передъ цезурою образовать два слога, равно какъ двухсложное слово съ короткимъ слогомъ на концѣ передъ цезурою можетъ сокращаться въ одинъ долгій слогъ. Эта измѣнчивость числа слоговъ, которая не только возможна, но при пѣніи всегда необходима, очень препятствуетъ переводу латышской народной пѣсни на другіе языки съ сохраненіемъ свойственной этой пѣснѣ формы. Чѣмъ эта измѣнчивость обусловливается, еще недостаточно уяснено. Зубатый это объясняетъ древними окончаніями, которыя уже исчезли въ обыденной рѣчи, но въ поэзіи еще могутъ употребляться. Но такъ какъ эти формы почти безъ исключенія замѣчаются только передъ цезурою, то остается еще сомнительнымъ, органическое ли это явленіе.

Но выше всякаго сомнѣнія стоитъ та истина, что латышская народная пѣсня по простотѣ формы и содержанія есть поэзія глубокой древности, и что она насъ знакомитъ съ бытовыми явленіями старины посредствомъ свѣтлыхъ картинъ дѣтскаго міросозерцанія, въ которыхъ весь древній міръ отражается какъ живой.

Л. А. Берзинь

Къ исторіи этнографическихъ изученій.

Письма Ю. Фейфалика и В. Маннгардта къ А. Н. Аванасьеву.

Работая надъ біографіей А. Н. Аванасьева, мы нашли печатаемыя ниже письма въ перепискѣ его, любезно сообщенной намъ Е. И. Якушкинымъ. Печатаая ихъ здѣсь, мы полагаемъ, что они могутъ послужить не лишнимъ матеріаломъ къ исторіи русской науки. Кромѣ того, одно изъ писемъ Маннгардта напоминаетъ о любопытномъ фактѣ въ исторіи собиранія народнаго эпического запаса, имѣвшемъ отношеніе къ Россіи. Въ началѣ 60-хъ годовъ Маннгардтъ, начавъ заниматься земледѣльческими обрядами, задумалъ обширный планъ собиранія необходимыхъ для его темы матеріаловъ и разослалъ почти по всѣмъ европейскимъ странамъ выработанную имъ программу, съ просьбой распространить ее возможно шире и присылать ему собранный матеріалъ. Ту-же просьбу обратилъ онъ черезъ А. Н. Аванасьева къ Московскому Археологич. Обществу. Общество напечатало въ своихъ «Древностяхъ» программу Маннгардта и разослало ее въ большомъ количествѣ отдѣльныхъ оттисковъ по Россіи (часть попала и въ Славянскія земли). Объ этомъ предпріятіи и говоритъ Маннгардтъ въ своихъ письмахъ. Дальнѣйшая исторія предпріятія не вполне ясна. Изъ письма Маннгардта къ П. В. Шейну въ концѣ 1876 г.¹⁾ видно, что въ Археологич. Обществе поступали отвѣты на программу, и много записей изъ Болгаріи было передано Каравеловымъ, но Маннгардтъ не получилъ ничего. Какая судьба постигла этотъ матеріалъ? Наведенныя нами справки (которыя, по обстоятельствамъ, не могли быть вполне точными) не обнаружили въ Археологич. Обществѣ слѣдовъ этихъ отвѣтовъ; точно также ни къ чему не привели попытки узнать, не остались ли они въ бумагахъ А. А. Котляревскаго (въ письмѣ къ Шейну Маннгардтъ го-

¹⁾ См. Этнографич. Обзорніе кн VII. 1890 г. стр. 150—164. Здѣсь есть свѣдѣнія о планѣ Маннгардта.

ворить, очевидно со словъ Аванасьева, что собранный матеріалъ перешелъ отъ Аванасьева къ Котляревскому). По крайней мѣрѣ въ тѣхъ бумагахъ Котляревскаго, къ которымъ имѣлъ доступъ А. Н. Пыпинъ при составленіи біографіи его, данныхъ матеріаловъ не было. Такимъ образомъ, слѣды этого собранія пока затеряны. Жаль, что оно не попало своевременно въ руки Мангарда; еще болѣе жаль, если оно лежитъ и теперь гдѣ-либо, затерявшись между какими-нибудь бумагами, безъ пользы для науки.

Неизвѣстно также, заинтересовалъ ли кого-либо въ Археологическомъ Обществѣ вопросъ о Данцигской урнѣ, подробныя свѣдѣнія о которой даны Мангардомъ въ одномъ изъ писемъ.

Въ „Исторической Запискѣ“ о дѣятельности Общества за первые 25 лѣтъ, въ спискѣ трудовъ членовъ, напечатанныхъ въ его изданіяхъ, мы нашли только одну статью Мангардта «Къ исторіи древнеславянскаго народа», помѣщенную въ «Археологическомъ Вѣстникѣ» 1867 г., мартъ—апрѣль, страницы 57—61; это и есть то сообщеніе о Кашубскихъ древностяхъ и о завязываніи бороды, о которомъ говорится въ его письмѣ 1866 г.

Въ письмахъ Ю. Фейфалика, кромѣ программы къ собранію дѣтскихъ пѣсенъ и поговорокъ (повидимому ему не удалось довести до конца свой сборникъ,—мы не нашли такой книги въ спискѣ произведеній Фейфалика) заслуживаетъ вниманія указаніе, что нѣсколько сказокъ (изъ двухъ первыхъ выпусковъ собранія Аванасьева) были помѣщены имъ въ переводѣ въ какомъ-то журналѣ. Намѣреніе Фейфалика перевести все собраніе, очевидно, не осуществилось; о немъ уже не говорится во второмъ письмѣ.

Мы не знаемъ размѣровъ переписки Аванасьева даже съ двумя названными учеными, не говоря уже о другихъ сношеніяхъ, которыя навѣрно были. Въ семьѣ его помнятъ хорошо, что онъ переписывался съ Гриммомъ. Вѣроятно, это былъ Яковъ; въ концѣ 50-хъ годовъ Як. Гриммъ встрѣтилъ въ Берлинѣ молодого русскаго, занимавшагося народнымъ творчествомъ (П. В. Шейна) и бесѣдовалъ съ нимъ о Сказкахъ Аванасьева, которыхъ онъ зналъ первые два выпуска, очевидно, получивъ ихъ отъ автора. (Гриммъ немного разбираетъ по-русски). Гриммъ поручилъ П. В. Шейну по возвращеніи въ Россію обязательно отправиться къ Аванасьеву, съ которымъ Шейнъ не былъ тогда знакомъ, и свезти ему поклонъ¹⁾. Въ имѣющейся у насъ подъ руками перепискѣ А. Н. Аванасьева есть также дружеское письмо отъ А. Патеры (1867 г.),

¹⁾ Слышано отъ П. В. Шейна.

который очевидно познакомился съ Аѳанасьевымъ во время Славянскаго Съѣзда въ Москвѣ, въ 1867 г.

Уже изъ этихъ скудныхъ и отрывочныхъ данныхъ видно, что А. Н. Аѳанасьева и его работы знали за границей. Тонъ всѣхъ дошедшихъ до насъ писемъ свидѣтельствуесть о полномъ уваженіи къ его трудамъ и о признаніи ихъ научнаго значенія. Въ такомъ же смыслѣ говоритъ объ немъ Маннгардтъ въ предисловіи къ 2 тому своихъ «Wald und Feldkulte».

А. Грузинскій.

I.

Письма Ю. Фейфалика.

I. Извините, что я, будучи совершенно незнакомъ съ Вами, отваживаюсь обратиться къ Вамъ съ однимъ научнымъ вопросомъ. Мнѣ придаетъ смѣлости сознаніе, что я поступаю такъ съ серьезной пѣлью, и съ другой стороны увѣренность въ томъ, что при Вашемъ отличномъ знаніи русской народной жизни Вы можете дать мнѣ самый лучший и точный отвѣтъ.

Именно, я уже давно занимаюсь изданіемъ собранія чешскихъ и моравскихъ дѣтскихъ рѣмъ, поговорокъ и игръ.

Вы отлично понимаете, насколько необходимо въ такихъ сборникахъ сравненіе того, чѣмъ обладаютъ различныя славянскія племена; это особенно относится къ русскимъ, у которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ сохранилось столько стариннаго и поучительнаго, что лишь у русскихъ и въ русскихъ народныхъ обычаяхъ находились объясненіе и смыслъ иначе совершенно непонятнымъ вещамъ. Но къ сожалѣнію литературная связь между нами и Вашимъ отечествомъ крайне слаба, и всякій, занимающійся мѣологіей или чѣмъ-либо сроднымъ ей, долженъ сожалѣть объ этомъ въ виду все увеличивающагося значенія, которое пріобрѣтаетъ Россія въ наукѣ.

Болѣе или менѣе случайно доходятъ сюда книги изъ Россіи, здѣшнія-же бібліотеки очень бѣдны въ этомъ отношеніи. Поэтому мои свѣдѣнія о поговоркахъ и играхъ русскихъ дѣтей очень скудны и ограничиваются почти тѣмъ, что сообщаютъ объ играхъ Сахаровъ въ своихъ Сказаніяхъ и Снегиревъ въ своей книгѣ «О народныхъ праздникахъ». Я осмѣливаюсь поэтому обратиться къ Вамъ съ двойною просьбою: прежде всего сообщить мнѣ названія тѣхъ книгъ или журналовъ, въ которыхъ уже появились русскія дѣтскія пѣсни, поговорки и игры; я постараюсь ихъ пріобрѣсти впоследствии. А затѣмъ, если только это не доставитъ Вамъ слѣшкомъ много труда, (я прошу Васъ) сдѣлать мнѣ письменное сообщеніе о такихъ поговоркахъ и играхъ.

Само собою разумѣется, что я былъ бы Вамъ очень обязанъ за Вашу доброту и всегда готовъ при первой возможности отплатить Вамъ подобной-же услугой.

Позволю себѣ намѣтить Вамъ нѣкоторые пункты, на которые Вы будете добры обратить особенное вниманіе при собираніи такихъ поговорокъ.

1) Риемованный счетъ, т.-е. такія поговорки, которыя въ ходу у дѣтей, когда они конаются передъ игрой. Такия поговорки существуютъ навѣрно и въ Россіи, и я прошу Васъ сообщить мнѣ ихъ даже и въ томъ случаѣ, если онѣ, какъ это часто бываетъ, новидимому совершенно безсмысленны.

2) На животныхъ и растенія у дѣтей тоже существуютъ различныя поговорки. Такъ, у западныхъ славянъ (также и у васъ?) на божью коровку (*Coccinella septempunctata*, по-русски козявка), чтобы она слетѣла съ пальца; на улитку, чтобы она высунула рожки; на кукушку, когда она кукуетъ весною; на ворону, вѣрона, сокола, на быка, корову и стадо коровъ, на дикаго голубя, бабочку и т. д. Точно также на различныя растенія. — Какая птица или какое животное по русскому народному повѣрью приноситъ дѣтей? У западныхъ славянъ это — ворона, или коршунъ (*falco milvus*), у вѣмцевъ — ансть; точно также у обоихъ народовъ дѣтей находятъ въ колодцахъ, созданными изъ воды. — Какое повѣрье связано съ кукованьемъ кукушки?

3) Возгласамъ и крикамъ животныхъ принято придавать извѣстное значеніе. Такъ, малороссы говорятъ про одинъ изъ видовъ синицы, что она кричитъ весною: «попынь сани, визьмы визь!» Подобныя толкованія крика животныхъ я прошу Васъ сообщить мнѣ.

4) Дѣти западныхъ славянъ, срѣзая весною себѣ свистульки изъ ивы или другихъ вѣтогъ, употребляютъ при этомъ извѣстныя поговорки. Есть ли это и у русскихъ?

5) Точно также есть поговорки и пѣсни, относящіяся къ дождю и солнцу, которыя въ высшей степени интересны въ миеологическомъ отношеніи. Не меньше этого важны и пѣсни при жатвѣ, при молитвѣ (? bei der Bitte) и проч. Есть поговорки и пѣсни, произносимыя дѣтьми безъ всякаго опредѣленнаго повода.

6) Пока дѣти малы, родители охотно принимаютъ участіе въ ихъ играхъ; они катаютъ ихъ верхомъ у себя на колѣняхъ, ласкаютъ ихъ на всякіе лады, щекочутъ, пересчитываютъ имъ пальчики и т. д. На всё это имѣются различныя поговорки и пѣсенки.

7) Также принято говорить дѣтямъ сочетанія трудно произносимыхъ словъ, скороговорки, которыя часто заключаютъ въ себѣ *аллитерацію*, и дѣти учатся повторять ихъ.

8) Дѣти и народъ находятъ удовольствіе въ загадкахъ, при чемъ это часто переходитъ въ игру словъ. Прошу Васъ обратить здѣсь особенное вниманіе на загадки о *яичь*. Вѣроятно, у васъ имѣются печатные сборники такихъ народныхъ загадокъ.

9) У дѣтей, или, смотря по обычаямъ, и у взрослыхъ существуютъ разнообразныя поговорки и пѣсни на опредѣленные праздники. Такъ, на Рождествѣ и въ Новый Годъ, при Коледѣ или Колядѣ, на Пасхѣ. У западныхъ славянъ (едва-ли у русскихъ) за 2 недѣли до Свѣтлаго Воскресенья, въ недѣлю Laetare изгоняютъ смерть, Морену. Также въ Григорьевъ день (12-го марта) и на Власія у здѣшнихъ школьничковъ бываютъ школьные праздники. При всѣхъ этихъ праздникахъ дѣти ходятъ изъ дому въ домъ распѣвая и попрошайничая (что это употребительно при колядованіи у русскихъ, я знаю изъ Исторіи Карамзина, но тексты такихъ пѣсенъ мнѣ неизвѣстны).

10) Дѣтскія игры, наконецъ. Я прошу Васъ обратить особенное вниманіе на такія игры, гдѣ дѣти пляшутъ въ кругу и при этомъ поютъ. Пожалуйста, приложите также и описаніе порядка такихъ игръ.

Вотъ, кажется, все существенное. Если у васъ въ обычаѣ еще чтонибудь, чего я не знаю, передайте это мнѣ. Во всемъ матеріалѣ, который Вы будете добры сообщить мнѣ, прошу Васъ удерживать русскій языкъ и также хотъ приблизительно указывать мѣстность, гдѣ въ ходу тотъ или другой обычай.

О рѣдкихъ устныхъ выраженіяхъ я, разумѣется, долженъ буду просить Васъ давать поясненія, такъ-же, какъ Вы это сдѣлали въ Вашихъ сказкахъ.

Разъ ужъ я заговорилъ о Вашихъ прекрасныхъ народныхъ русскихъ сказкахъ, которыхъ я знаю два выпуска, я не могу высказать Вамъ своей искренней радости по поводу этой въ высшей степени интересной книги. Я позволилъ себѣ говорить о ней въ одномъ нѣмецкомъ періодическомъ изданіи и воздалъ ей должную честь. Нѣкоторые-же изъ сказокъ я помѣстилъ въ переводѣ въ журналахъ, разумѣется съ обозначеніемъ моего источника.

Было бы очень желательно, чтобы Вы позволили перевести всю книгу на нѣмецкій языкъ, и я попросилъ бы Васъ на этотъ случай указать Ваши условія.

Еще разъ, позвольте поручить Вашему благосклонному вниманію моему, можетъ быть, слишкомъ смѣлую просьбу. Въ случаѣ недостатка у Васъ времени для ея исполненія Вамъ, конечно, можно будетъ поручить это комунибудь другому. Можетъ быть, Вы укажете когонибудь и въ Царствѣ Польскомъ, къ кому я могъ бы обратиться съ подобной-же просьбой.

Примите увѣренія въ моемъ совершенномъ почтеніи, съ которымъ я остаюсь,

Вашъ преданный *Юліусъ Фейфалко*,
членъ многихъ ученыхъ обществъ.

Вѣна,
14 сент. 1858 г.

P. S. Я позволилъ себѣ написать Вамъ по-нѣмецки, потому что, какъ я увидалъ изъ сказокъ, Вы владѣете этимъ языкомъ. Что ка-

сается до Вашего благосклоннаго отвѣта, я прошу Васъ сообщить его мнѣ по желанію на нѣмецкомъ, французскомъ или русскомъ языкахъ, прилагаемая-же пѣсни во всякомъ случаѣ на русскомъ языкѣ.

II. Я долженъ у Васъ просить извиненія за то, что я такъ поздно, только теперь, приношу Вамъ благодарность за Ваши дружескія и цѣнныя сообщенія, а также за 3 и 4 выпуски Вашихъ интересныхъ Сказокъ; я всё откладывалъ отвѣтъ до тѣхъ поръ, пока получилъ возможность послать Вамъ съ своей стороны вещь, хоть сколько-нибудь стоящую вниманія, и такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. То, что я могу послать Вамъ на этотъ разъ, конечно, совершенно несравнимо по важности съ Вашимъ подаркомъ, и я не имѣю на то притязаній, но, быть можетъ, Вы найдете въ этомъ кое что интересное для Васъ. Вы получаете рядъ моихъ академическихъ работъ: 1) О королѣ Венцелѣ Богемскомъ, какъ о нѣмецкомъ пѣвцѣ, и о недостовѣрности древне-богемскихъ *řísen milostná Krále Václava*. 2) Объ отрывкѣ одного древне-верхне-нѣмецкаго стихотворенія о страшномъ судѣ (*Muspilli*). 3) Исслѣдованія о древнебогемскомъ стихосложеніи, выпускъ I-й. 4, 5) двѣ богемскія народныя книги къ сказанію о Рейнфритѣ Брауншвейгскомъ, съ прибавленіемъ къ этому труду. 7, 8, 9, 10) Этюды по исторіи древнебогемской литературы, тетради I—IV; далѣе—рядъ небольшихъ статей изъ XII тома Трудовъ Записокъ историко-статистической секціи въ Бруннѣ и наконецъ мою, только что появившуюся книгу о Краледворской рукописи. Я не прибавляю сюда двухъ изданныхъ мною древнегерманскихъ стихотвореній, такъ какъ они не должны имѣть для Васъ никакой цѣны.

Приблизительно черезъ 2 мѣсяца я думаю докончить и предложить Вамъ книгу о «Славянскихъ народныхъ зрѣлищахъ въ Моравіи», которую я теперь издаю и гдѣ мною сообщается рядъ моравскихъ рождественскихъ игръ, крещенскихъ, *Paradeis und Dorotheenspiele*; всѣ онѣ, быть можетъ, представляютъ для Васъ извѣстный интересъ; за этимъ послѣдуетъ рядъ другихъ статей изъ Записокъ нашей академіи, находящихся теперь въ печати.

Простите, что и на этотъ разъ я буду утруждать Васъ просьбами. Несмотря на всѣ старанія, мнѣ не удалось достать здѣсь книгу „Малорусскія и Галицкія загадки, изданныя Александромъ Семеновскимъ“. Кіевъ 1851 г. въ 8°. Не можете-ли Вы мнѣ доставить ее? Я съ удовольствіемъ возвращу Вамъ потомъ ея стоимость или деньгами, или вышлю Вамъ, если Вы пожелаете, взаменъ этой какою-либо нѣмецкую книгу. Точно такъ-же напрасно старался я достать очень важное и какъ разъ теперь необходимое для меня сочиненіе Пекарскаго, „Мистеріи и старинный театръ въ Россіи“; можетъ быть, оно помѣщено въ одномъ изъ періодическихъ изданій; въ послѣднемъ случаѣ я попросилъ бы Васъ скорѣе извѣстить меня объ этомъ, если-же статью эту можно имѣть отдѣльно, пожалуйста, вышлите мнѣ и эту книгу.

А. Н. Пыпинъ въ своемъ Очеркѣ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 223, упоминаетъ, ссылаясь на Снегирева, о двухъ не изданныхъ народныхъ книгахъ: 1) о Васиіи Королевичѣ Златовласомъ Чешскія земли и 2) объ Атылѣ королѣ Угорскомъ; особенно послѣдняя имѣла бы для меня большое значеніе, но и первая благодаря своему содержанію; нельзя ли дать мнѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о содержаніи той и другой книги или, смотря по обстоятельству, и копію съ рукописей? Вообще книги по народной литературѣ имѣютъ для меня громадный интересъ; не появилось-ли чего либо новаго въ этой области и нѣтъ-ли какихъ либо напечатанныхъ сборниковъ? въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности Тихонравова появились въ печати нѣкоторые очень важные изъ нихъ. Я знаю объ этомъ прекрасномъ предпріятіи черезъ Миллошича, который получилъ тетради отъ самого издателя, къ сожалѣнію лишь 1859 г., тетради I и III, такъ что оно повидимому запаздываетъ, что очень жаль. Что вообще появилось у Васъ новаго въ области русской исторіи литературы?

Можно пожалѣть, что у васъ нѣтъ такихъ библиографическихъ журналовъ и литературныхъ обзоровъ, которыми мы такъ богаты въ Германіи, или, если они существуютъ, что они совершенно неизвѣстны у насъ. Въ общемъ дѣло съ русской литературой обстоитъ у насъ въ высшей степени плачевно, узнаешь о новѣйшихъ научныхъ трудахъ почти всегда случайно, и если хочешь приобрести себѣ то, что заинтересовало — не съ кѣмъ поговорить и посоветоваться.

Я прилежно занимаюсь изученіемъ Вашихъ сказокъ; III и IV томы имѣютъ для меня совершенно особую важность, потому что они касаются животнаго эпоса, которымъ я много занимался. Я нашелъ въ нихъ теперь богатый запасъ интереснѣйшихъ сказокъ о животныхъ, котораго никогда бы не предположилъ у Васъ; еще болѣе интереса придаетъ имъ то, что онѣ такъ часто согласуются съ западными народными преданіями, причемъ нельзя допустить и самой отдаленной мысли о заимствованіи.

Примите еще разъ мою сердечную благодарность и мой лучший привѣтъ. Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ

Вѣна,
17 ноября 1860.

Вамъ преданный Юмюзъ Фейфаликъ.

II.

Письма В. Маннгардта.

Данцигъ, 18¹⁵/₉ 66.

I. Замедленіе всѣхъ книжныхъ сношеній вслѣдствіе войны было причиною того, что Вашъ хорошій и цѣнный подарокъ, отправленный изъ

Москвы въ маѣ, дошелъ до меня только нѣсколько недѣль назадъ¹⁾). Вотъ почему я только теперь собрался выразить Вамъ свою горячую, сердечную благодарность за Ваше письмо, за Вашу превосходную книгу и за сильную поддержку въ Археологическомъ Обществѣ моего предпріятія. Къ сожалѣнію, я слишкомъ плохо знакомъ съ русскимъ языкомъ, такъ что не могъ совершенно читать Вашу книгу безъ помощи одного друга, владѣющаго русскимъ языкомъ, но и съ нимъ мы пока прочитали лишь нѣкоторыя мѣста Вашей книги. А именно, меня въ высшей степени заинтересовало то, что сообщается тамъ о *завязываніи зерновой бороды*, какъ Вы можете видѣть изъ моей записки объ этомъ, недавно посланной въ Археологическое Общество. Собственно говоря, она предназначалась Вамъ лично, но мнѣ хотѣлось въ то-же время дать хотя слабое доказательство моего добраго желанія исполнять обязанности члена-корреспондента. Если сообщеніе мое о кашубскихъ древностяхъ возбудило интересъ между членами Общества, я могъ бы, лишь только узнаю это, написать имъ еще о другихъ немаловажныхъ находкахъ, которыя проливаютъ свѣтъ на древнеславянскую жизнь въ нашей мѣстности. Каменный вѣкъ у насъ очень скудно представленъ и большинство находокъ относятся къ новѣйшему періоду бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ; находеніе англо-саксонскихъ и Оттоновскихъ монетъ заставляетъ приурочивать къ X—XII столѣтіямъ наши ведскія могилы, въ которыхъ были найдены также и урны съ изображеніями лицъ (*Gesichtsurnen*). Здѣшнее Общество Естествоиспытателей обладаетъ урною, выкопанною въ началѣ прошлаго столѣтія и содержащею въ себѣ надпись, шрифтъ которой несправедливо признали за рунической; въ дѣйствительности же она не имѣетъ ничего общаго ни съ рунами ни вообще съ какой-либо производной формой древнесемитической азбуки (изъ которыхъ, какъ извѣстно черезъ многія посредствующія звенья, происходятъ и руны). Эта знаменитая руническая урна (очень дурно изображенная у В. Гримма въ «Нѣмецкихъ Рунахъ») заслуживала бы, конечно, болѣе точнаго воспроизведенія.

Такого-же вниманія заслуживаетъ найденный въ болотѣ, въ семи миляхъ отъ Данцига, и находящійся на сохраненіи въ одномъ изъ сосѣднихъ замковъ, большой гранитный обломокъ, покрытый съ 3-хъ сторонъ грубыми изображеніями человѣческихъ фигуръ и служившій когда-то, вѣроятно, пограничнымъ камнемъ, — онъ стоитъ вниманія потому, что, можетъ быть, эти человѣческіе образы суть изображенія боговъ. Если-бы я располагалъ нѣкоторыми средствами, я привелъ бы въ исполненіе давнишнее свое желаніе фотографировать эти предметы въ соответственномъ размѣрѣ, но теперь собственныя мои ограниченныя средства вовлечены въ предпріятіе, которымъ я въ настоящее время занятъ, такъ какъ правительственной субсидіи далеко не хва-

1) Рѣчь идетъ о I т. „Поэтыч. Возрѣвій“, вышедшемъ въ 1864 г. А. Г.

таеть на покрытіе расходовъ; а здѣсь нѣтъ никого, кто хотя сколько нибудь интересовался бы древностями страны.

Ваши сообщенія возбуждаютъ во мнѣ сильное желаніе хорошенько вникнуть во *все содержаніе* Вашей книги и получить изъ нея вмѣстѣ съ литературными указаніями *основы* знакомства съ истинными источниками русской мѣологии, и обозрѣть всю наличность какъ древнихъ свидѣтельствъ, такъ и традиціи, вновь выводимой изъ народныхъ сказаній и преданій. Касательно Эстляндіи и Лифляндіи я довольно хорошо осведомленъ, и могу критически сопоставить источники, опираясь на довольно полный подборъ всѣхъ подлинныхъ древнихъ свидѣтельствъ, идущихъ въ хронологическомъ порядкѣ; относительно же русскихъ — у меня еще большой недостатокъ въ пригодныхъ пособіяхъ. При всемъ выдающемся значеніи Вашихъ замѣчаній о завязываніи въ честь Волоса зерновой бороды, они возбуждаютъ во мнѣ нѣкоторые вопросы, и желаніе болѣе подробныхъ сообщеній. Вы упоминаете, что этотъ обрядъ «завязыванія Волосу зерновой бороды» въ обычаѣ на югѣ Россіи; но при этомъ нѣтъ *точного обозначенія* мѣстности. Извѣстенъ ли этотъ обычай въ *одномъ* лишь мѣстѣ или во *многихъ* и гдѣ именно онъ прослѣженъ? Не бываетъ ли въ мѣстахъ, гдѣ констатированъ этотъ обычай, варіацій въ подробностяхъ? Далѣе, Вы говорите, что «въ честь этой бороды поются употребительныя при этомъ обрядѣ пѣсни». Записаны ли онѣ? Для сужденія объ обычаѣ важно было бы имѣть и тексты.

Также очень заинтересовало меня Ваше положительное утвержденіе (на стр. 34, 35), о вліяніи *аналогіи* на происхожденіе примѣтъ, гаданій и заговоровъ.

Благодаря присутствію въ нашей странѣ многихъ тысячъ австрійскихъ военнопленныхъ, я получилъ случай этимъ дѣломъ не только значительно увеличить мой запасъ аграрныхъ обычаевъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ имперіи, но и собрать весьма интересный и важный матеріалъ изъ Богеміи, Моравіи и Галиціи. Такъ, между прочимъ, я приобрѣлъ рѣшительное доказательство, что многоголовыя божества, съ которыми насъ познакомили Гельмольдъ и Саксонъ Грамматикъ у Вендовъ, у Чеховъ находятъ подтвержденіе въ дѣйствительномъ народномъ повѣрьи.

Такъ какъ я на этихъ недѣляхъ жду изъ Варшавы отъ г. К. В. Войницкаго присылки польскихъ записей изъ этого королевства, то можно надѣяться, что я буду имѣть въ рукахъ достаточно средствъ для взаимной провѣрки сообщеній изъ различныхъ частей Польши (Прусскіе Мазуры, Австрійская Галиція и Русская Польша). Тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ я буду ждать изъ Россіи дальнѣйшихъ находокъ, которыхъ, надо надѣяться, появится въ свѣтъ большое количество, благодаря любезной разсылкѣ моихъ вопросовъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ; тогда я могу рѣшить, насколько совпадаетъ восточнославянская традиція съ германской и съ западно и южно-славянской и чѣмъ она отъ нихъ отличается.

Если Вы мнѣ дадите возможность поставить въ границы нѣмецкій народный обычай и установить его отношенія къ преданіямъ нашихъ восточныхъ сосѣдей, то я надѣюсь избѣжать многихъ односторонностей, въ которыя неизбѣжно впадаетъ изслѣдованіе, ограниченное одною этнографическою областью; тѣмъ самымъ я, быть можетъ, окажу въ свою очередь нѣкоторую услугу и Вашимъ изысканіямъ. Поэтому я принимаю съ глубочайшею благодарностью то цѣнное содѣйствіе, которое Вы оказали моему предпріятію, и прошу Васъ не оставить его и дальше своей поддержкой и участіемъ въ Археологическомъ Обществѣ. Позвольте мнѣ также обратиться къ Вамъ за совѣтомъ, когда мнѣ это понадобится при болѣе подробной разработкѣ русскихъ матеріаловъ.

Я былъ бы крайне счастливъ, если бы могъ Вамъ оказать съ своей стороны какую-либо услугу. Съ чувствомъ высокаго уваженія остаюсь

Вамъ преданный *Вильгельмъ Маннгардтъ*.

Данцигъ, 18²/₆67.

II. Вы получаете очень поздно выраженіе моей живѣйшей признательности за Ване любезное письмо отъ января мѣсяца и за сообщеніе относящихся къ завязыванію зерновой бороды пѣсенъ. Продолжительное нездоровье и усиленная работа вызвали это промедленіе. При этомъ благоволите получить фотографіи, которыя вы желали имѣть.

Двѣ изъ нихъ изображаютъ знакомыя уже Вамъ урны съ лицами, рисунокъ которыхъ я Вамъ уже посылалъ; три остальные представляютъ такъ называемую Данцигскую руническую урну, о которой я не разъ говорилъ. Красныхъ чертъ на оригиналѣ нѣтъ; это — просто проведенныя мѣломъ линіи, которыя я велѣлъ начертить, чтобы отдѣлать надпись. Цифры I, II, III обозначаютъ раздѣленіе въ послѣдовательномъ порядкѣ слѣва направо.

Означенная урна представляетъ въ настоящее время собственность Общества Естествоиспытателей въ Данцигѣ и хранится въ его помѣщеніи. Она была выкопана въ одной милѣ отъ Данцига изъ Померанско-Прусской цѣпи холмовъ, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія. Она стояла въ могилѣ, которая, судя по описанію, относилась, вѣроятно, къ нашимъ обыкновеннымъ Вендскимъ могильникамъ желѣзнаго вѣка.

Могила представляла гробообразную каменную кладку изъ расколотыхъ полевыхъ камней, между которыми стоялъ еще второй сосудъ съ пепломъ изъ красноватой глины, отличавшійся болѣе значительными размѣрами и болѣе изящной работой. Находки попали во владѣніе Данцигскаго бургомистра Шрёдера, и потомъ уже отъ его сына перенесли къ городу. Во второмъ десятилѣтіи XVIII вѣка онѣ сохра-

нялись въ бібліотекѣ Ратуши. Какъ и когда онѣ перешли въ собственность Общества Естествоиспытателей — неизвѣстно.

Уже въ 1723 г. Bayer въ своей диссертациі De nummo Rhodio in agro Sambiensis reperto и въ 1724 г. Reusch въ своемъ сочиненіи De tumulis et ignis sepulcralibus in Prussia сообшили свѣдѣнія объ одной изъ этихъ урнъ, снабженной надписью, и дали ея изображеніе. Лишь сто лѣтъ спустя К. Риттеръ въ своемъ Введеніи къ исторіи народовъ Европы 1820 г. снова напоинилъ объ урнѣ. Вильгельмъ Гриммъ въ своемъ произведеніи «Deutsche Runen» Göttingen, 1821, стр. 291, вернулся опять къ ней, повторилъ по Байеру изображеніе и объяснилъ что Риттеръ ошибался, признавая вполнѣ ясную надпись сосуда за сѣверныя руны. Финнъ Магнуссенъ, въ соч. «Runamo og Runerne» Kjöbenhavn 1841 г., далъ рисунокъ по гипсовому слѣпку и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о немъ. Наиболее подробно высказался Giesebrecht въ периодическомъ изданіи «Baltische Studien», Jahrg. XII, 1846, стр. 1—27, который снова объявилъ надпись сѣверною руническою и предложилъ чтеніе ея на древненорвежскомъ (исландскомъ) нарѣчій, одинаково несостоятельное, какъ съ палеографической, такъ и съ лингвистической точки зрѣнія. Обзорніе литературы предмета, сдѣланное Е. Форстеманомъ, можно найти въ «Neue Preussische Provinzialblätter» 1851, В. XII, стр. 411. Наконецъ, мнѣ извѣстно, что и I. I. Ганушъ упомянулъ объ урнѣ въ статьѣ «Zur slavischen Runenfrage» въ Архивѣ (Kunde oesterreich. Geschichtsqu., стр. 114).

Германскій музей въ Нюрнбергѣ владѣетъ черезъ меня гипсовымъ слѣпкомъ съ этой урны. Кто когда либо занимался нѣмецкими и скандинавскими рунами, признастъ тотчасъ же, что о рунахъ здѣсь не можетъ быть никакой рѣчи, но знаки несомнѣнно представляютъ надпись; наиболее вѣроятнымъ кажется предположеніе, не древнеславянская ли она, или даже, не принадлежитъ ли она древнему германскому населенію Остзейскаго края въ до Тацитовское время. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ было бы важно снова обратить вниманіе на этотъ предметъ и между прочимъ ближайшимъ образомъ сравнить знаки данной надписи съ «рунической урной» найденной въ 1852 году на Кэбелевскомъ полѣ у Штаргарда въ Мекленбургѣ, о которой слѣдуетъ навести справки у Воцеля въ Прагѣ «Sitzungsberichte der k. böhm. Gesellsch. der Wissenschaft», т. VIII, стр. 34—35 (14-го февраля 1853 г.) и «Mémoires de la société royale des antiquaires du Nord» 1845—49, Copenhague, 1852, стр. 853—57; также у Гануша «Zur slav. Runenfrage», S. 21. Характеръ письменъ кэблійской урны дѣйствительно совпадаетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ съ характеромъ Данцигской. Я прилагаю вмѣстѣ съ рисункомъ Байера послѣдней урны частичную приписку первой по Ганушу.

Надѣясь дать высокоуважаемому Обществу случай къ плодотворнымъ изысканіямъ, я позволяю себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ

передать ему въ качествѣ скромнаго дара прилагаемыя при семь пять фотографій.

Я весьма благодаренъ Обществу за разсылку моихъ вопросныхъ листовъ. Съ нетерпѣньемъ ожидаю я упомянутыхъ Вами записей Каравелова изъ Болгаріи; хорошо, если-бы онѣ могли быть сдѣланы на нѣмецкомъ, французскомъ, пли польскомъ языкахъ, потому что болгарскаго языка я не знаю. Вѣроятно, Обществомъ получено еще нѣсколько другихъ отвѣтовъ и записей; нѣсколько интересныхъ сообщений и между ними одно г. Грѣбнера изъ Ардатова, Симбирской губ. получено мною непосредственно. Если-бы оказалось возможнымъ въ теченіе послѣдней недѣли большаго Славянскаго Съѣзда передать мои вопросы въ возможно большемъ количествѣ подходящимъ лицамъ какъ изъ Россіи, такъ и изъ другихъ славянскихъ странъ, и если-бы оказалось возможно побудить кого нибудь изъ южныхъ славянъ (сербовъ, хорватовъ) къ собранію отвѣтовъ на ихъ родинѣ, то я съ своей стороны счесть-бы своимъ долгомъ присоединить еще большую благодарность къ той величайшей, которой я Вамъ уже обязанъ; но я смѣю Васъ увѣрить, что и пріобрѣтеніе для науки получилось бы немаловажное.

Если-бъ я могъ обратиться къ Вамъ еще съ нѣсколькими специальными просьбами, не рискуя показаться слишкомъ нескромнымъ и навязчивымъ, то я высказалъ бы слѣдующія свои желанія:

1) Не найдете-ли Вы возможнымъ достать мнѣ самую статью протоіерея Сабина въ Журн Мин. Нар. Просв., въ которой есть мѣсто о зерновой бородѣ Волоса?

2) Славянская литература мнѣ совершенно недоступна и всего меньше русская, у Васъ же во всякомъ случаѣ подъ руками всѣ появившіеся сборники (напр. Сахарова и др.) и отдѣльныя статьи объ обычаяхъ и сказаніяхъ въ Великой, Малой, Юго-западной Россіи и Галиціи. Не могу-ли я просить Васъ или Археологическое Общество объ одолженіи — отвѣтить въ этихъ сборникахъ и статьяхъ все, касающееся мифологіи, обычаявъ, сказаній, народныхъ пѣсенъ и повѣрій, связанныхъ съ земледѣльемъ, и поручить переписать для меня относящіеся сюда мѣста, конечно, если все это можетъ быть подыскано легко и безъ особыхъ затрудненій. Особенно я хотѣлъ бы получить списокъ тѣхъ мѣстъ изъ былинъ (у Кирѣвскаго и друг.), напр. въ былинѣ о Чурилѣ, въ которыхъ говорится о Бабѣ-ягѣ, и я весьма былъ бы обрадованъ, если бы Вы соблагородили къ этому присоединить все, что Вамъ помимо того извѣстно объ этомъ мифическомъ существѣ. Издержки по перепискѣ, въ случаѣ если-бы Вы взяли на себя трудъ выбора, я не замедлю уплатить тотчасъ-же по полученіи посылки.

Чѣмъ болѣе я углубляюсь въ Вашу послѣдній трудъ, что впрочемъ подвигается съ большою медленностью, тѣмъ болѣе я изумляюсь размѣрамъ Вашихъ изученій. Я позволю себѣ въ самомъ непродолжительномъ времени послать въ одинъ изъ нашихъ наиболѣе распространенныхъ журналовъ извлеченіе изъ нѣкоторыхъ главъ Вашей

книги, чтобы обратить живѣйшее вниманіе нѣмецкой публики на это превосходное произведеніе. Чтобы не замедлить еще болѣе отсылку фотографій, я не стану сейчасъ входить въ подробности. Примите еще разъ увѣренія въ моей живѣйшей признательности и моемъ искреннемъ и высококомъ уваженіи, съ которымъ я остаюсь

Вашъ преданнѣйшій

Вильгельмъ Маннгардтъ.

Материалы для словаря условного языка.

(„Масовскій“ языкъ одоевскихъ торговцевъ).

Уже давно отдѣльными изслѣдователями народнаго быта было обращено вниманіе на то, что нѣкоторымъ профессіямъ свойственъ особый языкъ, выработанный въ средѣ лицъ данной профессіи и имъ только понятный. Такъ, имѣютъ свой языкъ мелкіе торговцы, офени, шаповалы, сплавщики плотовъ и пр. Материала по этому вопросу накопилось уже немало, и изъ него могъ бы составиться порядочный словарь, изданіе котораго было бы весьма желательно.

Подобное изданіе, несомнѣнно, лежитъ на обязанности II-го отдѣленія Академіи Наукъ, и такой словарь бы необходимымъ дополненіемъ къ издаваемому Академіею Словарю живого русскаго языка. Въ настоящее время эта задача нетрудная, потому что уже сдѣлана главная и очень цѣнная подготовительная работа: составлена подробная библіографія условныхъ языковъ *П. К. Симоны*, напечатанная въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія Русск. языка и Словесности Имп. Ак. Наукъ» за 1896 г., кн. 2, стр. 427—434. Это довольно полный обзоръ литературы предмета, исключая лишь немногіе пропуски; такъ, составителемъ, кажется, не внесены въ указатель данныя по этому вопросу изъ нашего журнала и изъ «Живой Старины» (сообщенія *Е. Р. Романова* о бѣлорусскомъ «лемезнѣ», т. е. условномъ жаргонѣ). Оставляя въ сторонѣ пока не-русскіе материалы (какъ-то напр. о воровскомъ жаргонѣ въ «Wisle» 1891 г., № 1, о языкѣ «флисацкомъ» въ сочиненіи гр. *Конст. Тышкевича* «Wilija i jej brzegi» и др.), мы сообщаемъ здѣсь новый матеріалъ, почерпнутый изъ одного маленькаго русскаго провинціального изданія, желая этимъ вызвать нашихъ сотрудниковъ и другихъ изслѣдователей на сообщеніе матеріаловъ по этому вопросу.

Въ концѣ прошлаго года вышла въ Тулѣ книжечка въ 100 стр. *И. Красноточева*: «Очерки города Одоева». Первая часть ея—историческая (преимущественно очерки мѣстныхъ церквей), вторая—этнографическая, содержащая краткіе очерки мѣстнаго быта, обрядовъ, обычаевъ, народной медицины и пр. Между прочимъ здѣсь авторъ говорить и о языкѣ одоевцевъ. Ограничиваясь о языкѣ вообще лишь

бѣлыми замѣчаніями, онъ нѣсколько подробнѣе останавливается на условномъ языкѣ мѣстнаго торговаго класса (стр. 61—66). Этотъ языкъ носитъ названіе *масовскаго*, отъ слова *масъ* — я. Авторъ ставитъ вопросъ: «выработанъ-ли этотъ языкъ въ старину обществомъ торговцевъ, съ цѣлью прикрыть подчасъ не особо правильныя и честныя предпріятія, или же позаимствованъ былъ въ древности отъ первоначальныхъ обитателей Тульской губ. — «вятичей», татаръ и литовцевъ, и черезъ смѣсь этихъ языковъ образовалъ свой особенный, самобытный разговорный языкъ?» Прежде чѣмъ задаваться такими вопросами, необходимо было бы сравнить «масовскій» языкъ съ другими подобными и тогда уже искать тѣхъ или другихъ выводовъ.

При томъ, чтобы судить о языкѣ, надо знать какъ можно болѣе полно его лексическій составъ. Къ сожалѣнію, авторъ не потрудился составить словарикъ хотя бы болѣе употребительныхъ словъ «масовскаго» языка. Изъ отдѣльныхъ словъ имъ отмѣчены только слѣдующія: копейка — трифилка, гривенникъ — верешникъ, полтинникъ — ламешникъ, рубль — хрущевикъ, лошадь — потратъ, корова — трубеха, баранъ — бормать, овца — борматуха, собака — балзякъ, топоръ — скира (малор. сокира?), телѣга — катеха (авторъ пишетъ катѣха; отъ катить-ся?). Кромѣ того, приведены названія именъ числительныхъ количественныхъ: 1—калдынь, 2—бакры, 3—стрема, 4—бутыре(и?), 5—ельпень(ь?), 6—ельпень съ калднымъ, 7—ельпень бакры, 8—ельпень стрема, 9—ельпень бутырп, 10—сверситъ, 11—сверситъ калдынь и т. д. 15—сверситъ ельпень, 16—сверсптъ ельпень съ калднымъ, 17—сверситъ ельпень съ бакры, 18—сверситъ ельпень стрема, 19—сверситъ ельпень бутыри. 20—бакры сверситъ, 30—стрема сверситъ и т. д. соединяются единицы, десятки, сотни (стованъ) и тысячи для полученія сложныхъ числительныхъ.

Гораздо болѣшій интересъ представляетъ сообщеніе г. Краснопѣвцева въ отношеніи фразеологій «масовскаго» языка. Оказывается, что «самые рьяные изъ торговцевъ г. Одоева настолько втянулись въ свой торговый языкъ, что не только разговариваютъ на немъ между собою, но даже и ведутъ между собою переписку не иначе, какъ на масовскомъ языкѣ». Мало того, «нѣкоторые изъ особенно выдающихся знатоковъ этого языка занимаются даже и поэзією на ономъ».

Авторъ приводитъ образцы разговоровъ, переписки и отрывокъ пѣсни на масовскомъ жаргонѣ. Всѣ эти образцы мы и воспроизводимъ здѣсь въ видѣ матеріала.

Разговоръ 1-й.

Спрушь, поклимъ съ масомъ терманъ кѣрить.

— Поклимъ!

Масъ стяхну терманъ.

— А масъ тарна стяхнетъ.

Товарищъ, нойдемъ со мною чай пить.

— Пойдемъ!

Я возьму чаю.

— А я вина возьму.

Масы накѣришься¹⁾ тарнушки и приклизмъ²⁾ ли на юръ леншать?

— Спрушь, широмъ кулико кѣрнить. Ни сопа, соклнть.

— Масъ уклнть изъ юра, бакса не ухлнть.

А о масовскомъ ухлуть; масъ уклнть и откулался до сверсп (?) часованскихъ.

— Масъ приклнть на юръ, а бакса масовскаго чукать стрянетъ.

А масъ покля на юръ, перекулюсь черезъ чубринъ, и бакса не уухлнть, какъ масъ приклнть на юръ.

— Спрушь, сары ель за тарно отбирнть? У маса ель за терманъ отбирнть верешникъ съ бакрами трифилъками.

Спрушь, кулико тарна то покѣрили?

— Спрушь, широмъ не клн, масовскіе кулаются, масовъ уухлуть, стрѣ масы кнрьянѣ(ы?), приклять къ масамъ, „бирнй тарня(а?)!“ чалдять стрянуть(ъ?), я (а?) у масовъ за бѣту тарно отбирнть саръ нетаръ.

Ни сопа, широмъ клнть, чукнутъ терменьшкн и приклнть(ъ?) къ масамъ; масы сострются и отбирнмъ сары, а то за масомъ остранетъ ласенько.

— Приклнть терменьшкн, скулался съ масамн; съ масовъ приклялось саръ съ тремъ (выше: стрема) хрущевъ съ бакры (выше: съ бакрамм) верешниками и бакры трифилкоъ.

Масъ отбирнть бакры хрущевъ съ ламехою.

— А масъ отбирнть(ъ?) за калдннъ терманъ и поклнмъ на юръ.

Клнмъ!

Мы нальемъ вина и придемъ ли домой спать?

Товарищъ, даромъ много пить.

Ничего, сойдеть.

Я ушелъ изъ дому, отецъ не знаетъ.

А обо мнѣ знаютъ; я ушелъ и отпросился до 10 часовъ.

Я приду домой, а отецъ меня бить станетъ.

А я пойду домой, перелѣзу черезъ заборъ, и отецъ не узнаеть, какъ я приду домой.

Товарищъ, деньги есть за вино отдать? У меня есть за чай отдать гривенникъ съ двумя копѣйками.

Товарищъ много ли вина(то?) выпили?

Товарищъ, даромъ не ходи, налпн находятъ, насъ узнають, что мы пьяны, придуть къ намъ, „давай вина!“ говорить стануть, а у насъ за это вино отдать денегъ нѣтъ.

Ну³⁾, даромъ ходить, стукнуть буфетчнкн и придетъ къ намъ; мы сочтемъся и отдадимъ деньги, а то за мною останется маленько.

Пришелъ буфетчнкъ, счелся съ нами; съ насъ пришлось денегъ три рубля съ двумя гривенниками и двѣ копѣйкн.

Я отдамъ два рубля съ полтиною.

А я отдамъ за одинъ чай и пойдемъ домой.

Идемъ!

Разговоръ 2-й.

Масъ выклнлъ бутромъ у бутуре часованскихъ на торгованскій и стяхнулъ зетки на лася сары.

— Кулико стяхнулъ-то?

Ни сопа, масовскому прикулаетъся ельпнадцатъ (срв. выше) хрущевъ.

Я вышелъ утромъ въ четыре часа на торгъ и купилъ ржи за дешевыя деньги.

— Много купилъ-то?

Ничего, мнѣ придется пятнадцатъ рублей.

1) Вѣроятно опечатка, вм. накѣрнмса. *Ред.*

2) Приклизмъ? *Ред.*

3) Выше переведено: ни сопа—ничего. *Ред.*

—А масъ встрялъ въ зльненъ часо-
ванскихъ, пахашка масу тюрюхнула
термень кѣрить, а масъ съ муру
стрялъ кѣрить термень и зетку про-
кѣрить.

Спрушь, тарна выкѣрншь?

— Не хило.

Кулико стяживать?

— На стрема верешникъ стяживай,
клево будетъ.

Поклинь къ терменьщику.

— Климъ!

А я всталъ въ 5 часовъ, жена мнѣ
сказала чай пить, я сдуру сталъ пить
чай и рожъ пропнлъ.

Товарищъ, вина выпьешь?

Не худо.

Сколько брать?

На три гривенника бери, хорошо
будеть.

Пойдемъ къ буфетчику.

Идемъ!

Письмо.

Ноябряванскаго, сверси часован-
скаго, 1871 года.

Клевому кубяку!

Масовскому прикульваетъ стемагу,
прикли масу на юрь у бутгари часо-
вански терманъ кѣрить. Масъ на юру
каддингъ, максъ нетаръ на юрь. а
масовской поклитъ(ъ?) за сбраномъ;
сбранъ приклитъ(ъ?) къ масу на юрь и
кубякъ приклишь. Масы у неструшки
стринемъ раззукывать. Кубякъ, про-
зукай эту стемагу¹⁾ и масовскимъ на-
зукай же стемагу. Не бѣрай эту²⁾
стемагу шихтамъ.

Острялся масъ насокомъ, праку-
ланъ(лъ?) спрушонка съ стемагой къ
кубяку. Кубякъ, прикли же, маса не
обначь!

Ноября, 10 часовъ, 1871 года.

Доброму другу.

Тебѣ посылаю бумагу (письмо), при-
ходи ко мнѣ домой въ 4 часа чай пить.
Я дома одинъ, матери нѣтъ дома, а я
пойду за братомъ; братъ придетъ ко
мнѣ домой и (ты), другъ, придешь. Мы
въ карты станемъ играть. Другъ,
прочти эту бумагу и намъ напиши
тоже бумагу. Не давай эту бумагу
сестрамъ.

Остался я одинъ, послалъ маль-
чика съ бумагой къ тебѣ. Другъ, при-
ходи же, меня не обмань!

Отрывокъ пѣсни.

Масъ накѣрился тарнюшки
И поклинъ(лъ?) на юрь лѣпшать,
Масъ заклилъ къ алдной шахтенкѣ³⁾
Ласенечько почалдать,
Шихта масу тюрюхала:
„Кли на юрь лѣпшать“.

Я напился вина
И пошелъ домой спать.
Зашелъ къ одной дѣвушкѣ
Немного поговорить;
Дѣвушка мнѣ сказала:
„Иди домой спать“.

Изъ этихъ образцовъ можно получить нѣкоторое понятіе и объ
образованіи формъ въ масовскомъ языкѣ. Нѣкоторая непослѣдова-
тельность, отмѣченная нами вопросами объясняется или разнообра-
зіемъ формъ или, можетъ быть, неточностью записи. Удареніе, къ
сожалѣнію, нигдѣ не выставлено авторомъ, но оно, очевидно, при-
ближается къ русскому.

Было бы очень желательно болѣе обстоятельное изученіе этого
жаргона и другихъ подобныхъ ему. Редакція «Этнографическаго Обо-
зрѣнія» съ благодарностью приметъ всякаго рода сообщенія по этому
интересному вопросу.

Н. Я.

1) Выше вѣроятно ошибочно: стемагу. Ред.

2) Выше: за это вино—за блту тарно. Ред.

3) Можетъ быть опечатка: шихтенкѣ; сестра—шихта (срв. выше). Ред.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

1. Книги ученія и справочныя изданія.

Проф. Колеръ. Право какъ элементъ культуры. (*Перев. А. Э. Вормса. Изд. ред. „Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни“ № 4. М. 1896. 16°; стр. 53*). Небольшая, но чрезвычайно интересная и содержательная статья пр. Колера представляетъ вступительную лекцію къ курсу сравнительнаго правовѣдѣнія, читанному имъ въ 1885 году. Пр. Колеръ является, какъ извѣстно, представителемъ эволюціоннаго метода въ правѣ: «идея универсальнаго процесса и развитія какъ общей всепроникающей связи частныхъ явленій въ правѣ» — проповѣдуется имъ настойчиво во всѣхъ его многочисленныхъ работахъ; право не можетъ быть изучаемо изолированно, оно стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ культурой, и изученіе его должно итти параллельно съ общимъ изученіемъ движенія человѣческаго развитія. «У каждой эпохи — свое особое право, и каждое право соответствуетъ особому культурному строю — подобно тому, какъ у каждой эпохи есть свое имущество и свой хозяйственный строй», пишетъ пр. Колеръ; отсюда становится ясной точка зрѣнія автора: изученіе права слѣдуетъ начинать съ низшихъ культурныхъ ступеней; исторія права у цивилизованныхъ расъ можетъ быть понята только по изученію ея у расъ нецивилизованныхъ.

Въ указанной статьѣ авторъ даетъ краткій, но очень яркій очеркъ развитія семьи и брака, обязательственнаго и уголовнаго права у низшихъ въ культурномъ отношеніи народностей, и этотъ очеркъ «первобытнаго» права долженъ содѣйствовать уясненію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ развилось право культурныхъ народностей.

Двѣнадцать лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ времени, когда названная статья была написана авторомъ, объясняютъ въ достаточной степени, почему нѣкоторыя положенія пр. Колера не могутъ быть признаны вполне вѣрными: мы имѣемъ въ виду его очеркъ исторіи развитія семьи и брака. За послѣдніе годы новѣйшіе труды по указанному вопросу заставили видоизмѣнить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выводы, казавшіеся недавно еще совершенно безспорными. За то очерки развитія обязательственнаго и уголовнаго права пр. Колера

представлять для русских читателей тѣмъ большій интересъ, что недостатокъ русской этнографической и историко-юридической литературы особенно ошутителенъ именно въ этой области: между тѣмъ широкій взглядъ, который читатель встрѣтитъ въ работѣ г. Колера, опредѣленіе имъ основныхъ элементовъ развитія нормъ въ этихъ областяхъ народнаго правовоззрѣнія, окажетъ существенную помощь лицу, приступающему къ изученію обычнаго обязательственнаго и уголовнаго права, будь то въ средѣ инородцевъ или русскихъ крестьянъ. Они убѣдятъ его, что, пользуясь словами автора, «право не есть нѣчто неподвижное», что «напротивъ, исторія права представляетъ картину безпрестанныхъ приливовъ и отливовъ, непрерывнаго теченія идей», что «переходныя ступени, погружающіяся въ бездну времени, содѣйствуютъ достиженію великихъ цѣлей», однимъ словомъ, что «то, что погубло, продолжаетъ жить въ высшихъ, болѣе совершенныхъ формахъ, смѣнившихъ его». Усвоеніе основныхъ идей пр. Колера дастъ изслѣдователю возможность подойти сознательно къ изученію кажущихся на первый взглядъ грубыми нормъ первобытнаго права, открыть ихъ внутренній смыслъ и оцѣнить ихъ научное значеніе. Съ этой точки зрѣнія нельзя не принести благодарности г. Вормису, взявшему на себя трудъ перевести названную статью, и редакціи «Вопросовъ etc», за стремленіе познакомить русскую публику съ широкими взглядами на первобытное право такого авторитетнаго ученаго, каковымъ является пр. Колеръ. Н. Х.

Гр. М. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. V. *Курганныя древности и клады домонгольскаго періода*. (Спб. 1897; 4°, стр. 163 съ 225 рис. въ текстѣ). Пятый выпускъ извѣстнаго труда гр. Толстаго и Н. П. Кондакова отличается, какъ и предшествующіе, изяществомъ изданія, многочисленными удачно подобранными рисунками и рѣдкой доступностью по цѣнѣ. Настоящій выпускъ посвященъ одному изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ русской археологій, именно опредѣленію происхожденія и развитія элементовъ искусства, представленнаго многочисленными предметами, добытыми изслѣдованіемъ могильниковъ преимущественно средней полосы Россіи, и изученіемъ предметовъ кладовъ, найденныхъ тамъ же. Если для исторіи культуры области, занимаемой нашей родиной, чрезвычайно важными оказывается содержащаяся въ предшествующихъ выпускахъ «Русскихъ древностей» изученіе древностей классическихъ, находимыхъ на югѣ Россіи, предметовъ быта и обстановки скифо-сарматской эпохи и времени переселенія народовъ, если изученіе христіанскихъ памятниковъ Крыма, Кавказа и Кіева дастъ возможность между прочимъ выяснитъ мѣстные элементы и постороннее вліяніе въ церковномъ зодствѣ: то тѣмъ большій интересъ представляетъ изученіе бытовой обстановки древняго населенія нашей родины: оно даетъ возможность опредѣлить

культурный запасъ, съ которымъ разныя народности древней Россіи выступаютъ въ исторіи, выяснить вліяніе сосѣдей на древне-русскій и инородческій бытъ, отмѣтить вліяніе русскихъ древнихъ культурныхъ центровъ на переработку внесенныхъ извнѣ элементовъ и на передачу ихъ въ свою очередь другимъ, менѣе культурнымъ народностямъ. Недостатокъ письменныхъ памятниковъ за древній періодъ жизни Россіи, невозможность детально освѣтить путемъ ихъ бытовую обстановку населенія домонгольскаго періода вынуждаетъ отвести археологіи наиболѣе выдающееся мѣсто въ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Многочисленныя раскопки могильныхъ памятниковъ въ разныхъ частяхъ Россіи привели къ накопленію значительнаго матеріала, до настоящаго времени еще не бывшихъ въ своей совокупности предметомъ разработки съ общей, научной точки зрѣнія. Какъ ни темны еще многіе вопросы русской археологіи, какъ ни отрывочны могутъ казаться раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ, результаты ихъ все же настолько обильны, что они давно уже напрашивались на выводы и обобщенія. Попытку объединить и научно освѣтить этотъ матеріалъ и составляетъ задачу работы г. Толстого и г. Кондакова.

Для этнографовъ естественно наибольшій интересъ представляетъ не чисто археологическая сторона названной работы, а методъ и историко-культурные выводы, которые мы встрѣчаемъ въ ней. Нѣкоторые пробѣлы и неточности при описаніи найденныхъ предметовъ (напр. рис. 49, лампочки изъ гнѣздовскаго могильника), не могутъ быть поставлены въ вину авторамъ; матеріалъ надъ которымъ имъ приходилось оперировать, настолько обширенъ и настолько разбросанъ, что подобныя ошибки почти неизбежны. Рѣшеніе авторами нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся предметовъ древности, можетъ подать поводъ къ сомнѣніямъ и спорамъ; такъ, напр., вопросъ объ опредѣленіи времени происхожденія шапки Мономаховой, часть которой авторы относить къ XI—XII в., едва ли можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Совершенно невѣроятнымъ представляется намъ объясненіе происхожденія извѣстнаго мотива въ такъ наз. чудскихъ древностяхъ: именно птицы, какъ бы возносящей человека — изъ мотива изображенія вознесенія Александра на небо птицею (представленный въ доказательство этого положенія рисунокъ взятъ изъ росписи плафона Палатинской капеллы въ Палермо).

Авторы, начертивъ картину древняго быта населенія Россіи во внѣ-историческую эпоху его жизни, переходятъ сначала къ характеристикѣ предметовъ изъ инвентаря различныхъ могильниковъ, а затѣмъ къ описанію кладовъ предметовъ, относящихся къ эпохѣ до монгольскаго завоеванія. Эта послѣдняя часть представляетъ наиболѣе подробную сводку данныхъ о кладахъ.

Авторы изслѣдуютъ только стиль и технику предметовъ обильно представленныхъ могильнымъ инвентаремъ. Съ замѣчательной эрудиціей они стараются опредѣлить художественные образцы, послужившіе

для воспроизведенія предметовъ быта и украшенія на почвѣ Россіи. Они даютъ блестящій очеркъ техническихъ различій, въ особенности насколько это касается филиграни, между византійскими и русскими издѣліями: стиль, господствующій въ предметахъ курганной культуры они объясняютъ вліяніемъ Византіи и Востока въ широкомъ смыслѣ этого слова. Для изученія стиля предметовъ украшенія до-монгольской эпохи Россіи трудъ гр. Толстого и г. Кондакова безусловно даетъ много новаго и интереснаго матеріала. широкихъ сопоставленій, съ которыми, быть можетъ, не всегда возможно соглашаться, но уже оттого важныхъ, что они поднимаютъ доселѣ еще мало разработанный въ совокупности инвентарь могильниковъ средней полосы Россіи. Методъ, принятый авторами, неизбѣжно однако приводитъ ихъ къ односторонности, вслѣдствіе чего трудъ ихъ даетъ значительно меньше того, чего былъ-бы въ правѣ ожидать читатель отъ работы лицъ, пользующихся такой заслуженной извѣстностью въ дѣлѣ изученія русскихъ древностей.

Періодъ, обнимаемый изслѣдованіемъ весьма великъ: отъ VIII—XIII вв. Въ теченіе этихъ столѣтій происходило передвиженіе разноплеменныхъ народностей, населявшихъ Россію, возникали новые культурные и торговые центры какъ въ ней, такъ и въ государствахъ, съ которыми велись оживленные торговые сношенія; измѣнялись и самыя торговые пути. Национальныя особенности представителей разныхъ племенныхъ группъ, географическое положеніе ихъ относительно торговыхъ путей, особенности вкуса и пр. должны были отражаться на выборѣ предметовъ для ввоза равно и на мѣстномъ производствѣ. Вслѣдствіе этого, хотя при современномъ состояніи русской археологій и немислимо еще классифицировать всѣ открытыя могильники по національностямъ,—представляется возможнымъ отмѣтить географически и хронологически нѣсколько культурныхъ типовъ выраженныхъ ясно въ особенностяхъ какъ погребальнаго ритуала, такъ и могильнаго инвентаря. Авторы однако почти совершенно обходятъ этотъ вопросъ: они изучаютъ почти исключительно только *стиль* предметовъ, не обращая вниманія на обстановку, въ которой они найдены, т. е. упускаютъ изъ вида именно то, что могло-бы дать свѣдѣнія о культурномъ уровнѣ населенія и освѣтить и сами предметы искусства; эти послѣдніе вслѣдствіе этого являются въ изложеніи авторовъ какъ-бы совершенно изолированными, не связанными съ бытомъ племени, населявшаго ту или иную область средней Россіи. Для опредѣленія стиля наиболѣе полезнымъ оказываются предметы роскоши: на нихъ-то и сосредоточиваютъ почти все свое вниманіе авторы. Они имѣютъ дѣло преимущественно съ *objets de luxe*, которые и въ отдаленный курганный періодъ были достояніемъ только немногихъ, богатыхъ лицъ. Какъ жаль, чѣмъ украшала себя бѣдный слой населенія—какъ-будто не интересуется авторы. Между тѣмъ для уясненія вопроса объ элементахъ, которые вліяли на произведенія искусства древней Россіи, по-

жалуй наибольшій интересъ представляютъ именно могилы массы менѣе обеспеченнаго населенія, чѣмъ тогдашнихъ богачей. Въ могилахъ послѣднихъ могли быть положены случайные предметы, занесенные торговлей или инымъ путемъ, которые не повліяли на творчество народа. Прослѣживая связь хотя-бы сосудовъ, найденныхъ на почвѣ Россіи, съ восточными, авторы совершенно не касаются тѣхъ обыденныхъ сосудовъ, которыми пользовалась народная масса и которые въ многочисленныхъ и разнообразныхъ образцахъ находятся въ могилахъ и въ городищахъ; между тѣмъ они представляютъ различные типы и по техникѣ и по орнаментаци. Въ нихъ сказывался въ извѣстномъ направленіи художественный вкусъ народности, и элементамъ, которые мы видимъ на простыхъ глиняныхъ черепкахъ, безусловно слѣдуетъ приписать большее вліяніе на развитіе художественнаго творчества населенія, чѣмъ рѣдкому дорого-стоющему сосуду, присланному изъ Херсонеса, Византіи или Сиріи. Какому-бы серьезному изученію ни были подвергнуты предметы роскоши древняго населенія Россіи, какъ-бы ни велика была эрудиція авторовъ при рѣшеніи вопроса о техникѣ этихъ предметовъ, они не въ состояніи уяснить культурный запасъ, съ которымъ выступаетъ разноплеменное населеніе нашей родины при первыхъ лучахъ исторіи. Мало того, даже въ предѣлахъ изученія болѣе или менѣе богатыхъ украшеній авторы не отмѣчаютъ ни хронологическихъ, ни культурныхъ типовъ. Между тѣмъ предметы могильниковъ, какъ Люцинскій, Лядинскій или Курманскій, рѣзко отличаются по своимъ типамъ отъ предметовъ т. н. курганной культуры, которая въ свою очередь можетъ быть подведена подъ нѣсколько группъ. Археологическія данныя позволяютъ намѣтить и хронологическія даты разныхъ типовъ и предвидѣть рѣшеніе вопроса о національности могильниковъ. Вопросы: почему культурные элементы быстро измѣняются въ теченіе сравнительно краткаго періода, отдѣляющаго могильники безъ насыпей отъ кургановъ, почему и откуда появляются новые элементы въ украшенияхъ, почему въ одной области предметы представляютъ рѣзкую разницу отъ другой, смежной и пр.— или совершенно не освѣщаются авторами, или затрогиваются ими лишь мимоходомъ. Такимъ образомъ вопросы о различіи культуры, видоизмѣненіяхъ ея и вліяніи сосѣдей въ теченіе полтысячелѣтія жизни Россіи остаются почти совершенно не разъясненными. Указанная односторонность метода составляетъ недостатокъ, и притомъ весьма существенный, интересной работы гг. Толстого и Н. П. Кондакова.

Въ культурно-историческомъ отношеніи 5-й выпускъ труда авторовъ представляетъ значительный интересъ, поскольку рѣчь можетъ идти о сравнительно узкой области, которую они отмѣживали въ качествѣ объекта своего изученія. Они отмѣняютъ важное значеніе для развитія искусства рассматриваемаго ими періода Херсонеса, бывшаго средоточіемъ торговли и мѣстнаго производства: сюда стекались разнообразнѣйшіе товары различныхъ мѣстностей Востока, здѣсь-же

существовалъ и крупный центръ мѣстнаго производства. Херсонесъ служилъ для древней Россіи передаточнымъ пунктомъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ культурными центрами юга и востока. Но вносимая торговлей культура не представляла въ русскихъ областяхъ лишь заноснаго элемента. Теперь легко доказать, пишутъ авторы, что самыя утонченныя художественныя производства существовали въ Кіевѣ (какъ напр. перегородчатая эмаль по золоту), что ими занимались русскіе мастера, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, что мастера эти распространили свои производства въ Рязань, Суздаль, а слѣдовательно находка византійскаго стиля вовсе не представляетъ собою, какъ думали еще очень недавно, греческаго заноса, но напротивъ памятникъ мѣстной работы... Далѣе весьма интересенъ выводъ авторовъ, что въ предметахъ искусства Россія почти не испытывала на себѣ вліянія Скандинавіи: скорѣе наоборотъ—восточное производство черезъ посредство Россіи оказывало до извѣстной степени воздѣйствіе на скандинавское искусство: «одновременное появленіе въ Скандинавіи и зап. Россіи предметовъ съ тождественными художественными формами, пишутъ авторы, слѣдуетъ приписать, во первыхъ, арабскому привозу, а во вторыхъ, существованію въ приднѣпровской области обширныхъ мастерскихъ».

Вѣрный въ основѣ своей взглядъ на значеніе востока для истории древняго искусства Россіи, быть можетъ, проведенъ авторами слѣдующимъ образомъ: напр. едва-ли въ т. н. коптскихъ тканяхъ можно видѣть источникъ нѣкоторыхъ особенностей мордовскаго костюма. Этотъ и подобные вопросы требуютъ еще разъясненія, но важно уже и то, что они подняты авторами. Едва-ли возможно также признать, что скандинавскія издѣлія совершенно не оказывали вліянія на русское производство, но, благодаря труду авторовъ, это вліяніе должно считаться меньшимъ, чѣмъ предполагалось раньше.

Несмотря на отмѣченные недостатки, 5-й вып. «Русскихъ древностей» представляетъ значительный вкладъ въ русскую науку, а многочисленные рисунки дѣлаютъ его необходимымъ пособіемъ для изученія произведеній искусства древняго населенія Россіи домонгольскаго періода.

Н. Х.

Матеріалы по археологіи Кавказа. Выпускъ V. Изд. Императорскаго Археологическаго Общества. Подъ редакціей графини Ш. С. Уваровой. Москва 1896. Настоящій выпускъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа», собранныхъ экспедиціями Императорскаго Археологическаго Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства, посвященъ изслѣдованію *М. В. Никольскаго* „Клинообразныя надписи Закавказья“. Въ предѣлахъ Россіи клинообразныя надписи впервые были открыты въ 1862 году эчмиадзинскимъ монахомъ (нынѣ архіепископомъ) Месропомъ Сумбатьянцемъ около селенія Тападиби, на мѣстѣ предполагаемой армянской столицы Армавира. Въ 1892 г. Московское Археологическое Общество поручило

г. Никольскому подвергнуть научному изслѣдованію матеріалъ по клинообразнымъ надписямъ, обнаруженнымъ архіеп. Месропомъ въ армянскомъ журналѣ «Араратъ». Результатомъ этой обработки явился трудъ г. Никольскаго „Клинообразныя надписи ванскихъ царей въ предѣлахъ Россіи“, убѣдившій Археологическое Общество, насколько скудны и несовершенны свѣдѣнія о клинообразныхъ памятникахъ южнаго Закавказья. Это обстоятельство послужило однимъ изъ побужденій для Общества снарядить въ 1893 г. специальную экспедицію въ лицѣ М. В. Никольскаго и А. А. Ивановскаго для изслѣдованія клинообразныхъ надписей Эриванской и Елизаветпольской губерній и Карсской области. Экспедиція удалось произвести изслѣдованіе мѣстности, гдѣ находятся клинообразные памятники, открыть четыре надписи, наука до того времени неизвѣстныя, съ многихъ снять впервые удовлетворительные эстампажи. Вновь приобретенный матеріалъ, вмѣстѣ съ изданными уже надписями съ поправками и дополненіями въ текстѣ, съ его транскрипціей и переводомъ, собраны нынѣ г. Никольскимъ въ одинъ „Corpus inscriptionum“ въ интересахъ полноты и цѣльности изданія. Всѣхъ надписей въ сборникѣ 24, которыя сопровождаются фотографическими снимками и примѣчаніями издателя. Вопросъ объ языкѣ надписей остается пока открытымъ да и въ самомъ дешифрированіи ихъ не установлена точность, такъ какъ чтеніе ихъ не встрѣчаетъ контроля въ текстахъ на другомъ уже извѣстномъ языкѣ. Науку не удалось отождествить языкъ этихъ такъ называемыхъ ванскихъ надписей ни съ какою изъ извѣстныхъ лингвистическихъ группъ, ни разъяснить вопроса объ этнографіи ванскаго народа. Въ самыхъ названіяхъ страны заключается много неяснаго, такъ какъ по ассирійской терминологіи страна эта называется Ugartu (Араратъ), а на ихъ собственныхъ памятникахъ Biaina (Ванъ). Помимо интереса со стороны языка и содержанія, надписи эти служатъ показателями проникновенія ассиро-вавилонской культуры на сѣверъ за восемь вѣковъ до Р. Х. Памятники эти впервые открыли и истолковали забытую страницу объ упорной борьбѣ ванскихъ царей съ великою ассирійскою монархіей на югѣ и о завоевательныхъ ихъ успѣхахъ на сѣверѣ—въ долину рѣки Аракса и областяхъ Малаго Кавказа.

А. Хах—овъ.

С. Рыбаковъ. О поэтическомъ творествѣ уральскихъ мусульманъ. Отт. изъ „Живой Старины“ вып. III и IV 1894. С. П. Б. 1895 г. Его же „Курай“, башкирскій музыкальный инструментъ. Съ приложеніемъ шести мелодій. Оттискъ изъ „Русской-музыкальной газеты“ 1896 г. (январь) С. П. Б. 1896.

На поэтическое творчество и музыку нашихъ инородцевъ до сихъ поръ обращалось мало вниманія со стороны изслѣдователей, а между тѣмъ при ближайшемъ изслѣдованіи этихъ инородцевъ оказывается, что между ними есть лица съ музыкальными способностями. Подтвержде

ниемъ этому могутъ служить вышеуказанныя изслѣдованія г. Рыбакова, который специально занимается изученіемъ настоящаго вопроса среди уральскихъ мусульманъ (татарь, башкирь и тептярей). Автору какъ специалисту музыки, удалось переложить на ноты нѣкоторыя башкирскія и татарскія пѣсни. Занимаясь этнографическимъ изученіемъ этихъ народностей, авторъ включилъ въ программу своихъ изслѣдованій и такіе вопросы: образцы книжнаго мусульманскаго творчества, народныя лирическія пѣсни (болѣе 100 пѣсенъ записано) и мелодіи къ нимъ. Кроме того имъ собраны образцы инструментальной музыки у инородцевъ, нѣсколько сказаній и легендъ, образцы пословицъ, поговорокъ, причитаній, заговоровъ, ворожбы и т. д.¹⁾

По изслѣдованіямъ г. Рыбакова оказывается, что мелодіи пѣсенъ татарь, башкирь и тептярей отличаются между собою. Такъ, напримеръ, среди башкирь въ большомъ количествѣ распространены и татарскія пѣсни, но онѣ часто поются на башкирскія мелодіи. Въ башкирскихъ пѣсняхъ обнаруживается больше поэтичности и вѣщей мелодичности; у нихъ болѣе фантазіи и творчества; башкирамъ присущи повѣстическое и музыкальное творчество; между ними нерѣдко встрѣчаются пѣсенники, соединяющіе въ себѣ и даръ повѣвъ и даръ композиторовъ. Относительно богатства фантазіи башкирь мнѣніе подтверждается еще тѣмъ, что по поводу почти каждой инструментальной мелодіи они сообщаютъ какое нибудь сказаніе или легенду.

Тептярскія пѣсни въ отличіе отъ татарскихъ также имѣютъ каждая свою мелодію. Пѣсни среди тептярей и башкирь живутъ не болѣе человѣческаго вѣка, замѣняясь съ новымъ поколѣніемъ новымъ пѣсеннымъ цикломъ; такимъ образомъ каждое поколѣніе несетъ свои пѣсни. Въ виду этого крайне было бы желательно прослѣдить болѣе подробно такое явленіе и выяснитъ, какими пѣснями смѣняются старья.

Во второй брошюрѣ авторъ говоритъ объ одномъ весьма распространенномъ башкирскомъ музыкальномъ инструментѣ, такъ называемомъ *кураѣ* — родъ свирѣли. Нужно замѣтить, что музыка у башкирь дѣлится на два разряда: на музыку вокальную и инструментальную. Последняя, можетъ быть, говоритъ авторъ, даже болѣе обширна, чѣмъ первая. Предпославъ нѣсколько словъ объ этомъ инструментѣ, о которомъ ранѣе говорилось (почему то приводится отзывъ одного только Соммы), авторъ довольно подробно описываетъ какъ самое устройство кураѣ (приводится хорошо исполненный рисунокъ), такъ равно и приемы тѣхъ артистовъ, которые на немъ играютъ. Не каждый можетъ на немъ играть, не смотря на простоту его конструкціи, а есть своего рода спеціалисты. Есть даже женщины, которыя на немъ играютъ. Такой музыкантъ пользуется извѣстностью среди своихъ и часто приглашается на разнаго рода празднества. Играть можно на кураѣ какъ плясовыя пѣсни, такъ и протяжныя. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на обозначенныя работы г. Ры-

1) Интересный трудъ г. Рыбакова издастъ И. Академія Наукъ. Ред.

бакова какъ со стороны этнографовъ, такъ и любителей музыки. Написаны онѣ хорошимъ литературнымъ языкомъ. Д. Им—й.

Н. Ѡ. Натановъ. Продавія тобольскихъ татаръ о Кучумѣ и Ермакѣ. Тобольскъ, 1896 г.

Имя Ермака мы встрѣчаемъ не только въ исторической литературѣ, но и въ пѣсняхъ русскаго народа. Но не было свѣдѣній о немъ среди пѣсней и сказаній у тобольскихъ татаръ, бывшихъ подъ властью Кучума и покоренныхъ затѣмъ Ермакомъ. Восполняя этотъ пробѣлъ, авторъ перевелъ на русскій языкъ тѣ пѣсни и рассказы о Кучумѣ и Ермакѣ, которыя были записаны В. В. Радловымъ въ татарскомъ оригиналѣ въ 1865—1867 годахъ. Раздѣляя мнѣше, что народныя сказанія безусловно необходимы для историческихъ выводовъ и справокъ, авторъ передаетъ въ близкомъ подлиннику переводѣ пѣсни и сказанія о Кучумѣ и Ермакѣ, желая показать, насколько сохранилась память объ этихъ герояхъ у татаръ Западной Сибири. О Кучумѣ или Кучюмѣ приведены три рассказа—первые два изъ нихъ немного отличаются между собою. Что касается сказаній объ Ермакѣ, то, по рассказамъ, Ермакъ былъ мирный поселенецъ, поселившійся на р. Тоболѣ и занимался ловлей стерлядей, изъ которыхъ большія дарились хану. Затѣмъ говорится объ исчезновеніи Ермака, и только спустя 3 года онъ приплылъ на кораблѣ, съ котораго происходила битва между народомъ Ермака и татарами. Ермакъ, по сказаніямъ татаръ, умеръ отъ стрѣлы, пушенной стрѣлкомъ хана. Но народъ Ермака все-таки побѣдилъ народъ Кучума. Н.

С. Е. Поповянецъ. Медико-топографическій очеркъ Ольгинскаго округа Карсской области. («*Медич. Сборникъ*», изд. *Кавказскаго Медич. Общества. 1896 г. № 53*).

Авторъ описываетъ одинъ изъ глухихъ угловъ, находящихся въ Карсской области, населенной разноплеменнымъ народомъ, представляющимъ большой интересъ не только въ медицинскомъ отношеніи, но и этнографическомъ. Автору пришлось прослужить самому въ этой мѣстности четыре года. Въ названный очеркъ вошли слѣд. главы: 1) топографія мѣстности, 2) ея гидрографія, 3) климатъ 4) флора, 5) фауна, 6) этнографія, 7) минеральныя богатства, историческіе памятники и 8) медицинская часть, въ которой изложены свѣдѣнія о санитарномъ состояніи и санитарномъ надзорѣ въ округѣ, а также свѣдѣнія о болѣзняхъ въ немъ. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія имѣются по этнографіи населенія и медицинской части, хотя не лишены интереса и остальные главы. Населеніе Ольгинскаго края доходить до 23,437 душъ; изъ нихъ наибольшее количество приходится на турокъ (14,094), затѣмъ—туркменъ, курдовъ и армянъ. Изъ всѣхъ народностей только курды и цыгане являются кочующими, остальные же осѣдлы. При описаніи каждой группы населенія авторъ говоритъ о

нѣкоторыхъ обрядахъ, обычаяхъ, общественныхъ увеселеніяхъ, семейной жизни, одеждѣ, пищѣ и т. д. Очень мало свѣдѣній объ армянахъ и курдахъ. Не безынтересны свѣдѣнія о жилищахъ населенія, которыя весьма вредны въ гигиеническомъ отношеніи (землянки), и пищѣ. Санитарныя условія населенія плохи, что отражается и на заболѣваемости населенія. За 7 лѣтъ (1887—1893 г.) обращалось за медицинскою помощью 6224 челов. Первое мѣсто занимаютъ болѣзни: перемежная лихорадка (27,5%), затѣмъ болѣзни глазъ (8,41%); третье мѣсто — болѣзни дыхательныхъ органовъ (7,43%). Сифилисъ далъ 1,67% больныхъ; о немъ авторъ даетъ болѣе подробныя свѣдѣнія, и оказывается, что сифилисъ существовалъ здѣсь еще до прихода русскихъ. Замѣчено, что населеніе охотно обращается къ медицинской помощи.

Не смотря на краткость нѣкоторыхъ свѣдѣній, работа представляетъ интересъ и можетъ служить важнымъ матеріаломъ для послѣдующихъ изслѣдованій.

Д. Никольскій.

В. Вышпольскій. Медико-топографическіе очерки Иссыкъ-Кульскаго уѣзда, Семирѣченской области, съ описаніемъ преобладающихъ болѣзней, въ зависимости отъ почвы, климата и бытовыхъ условій среди населенія уѣзда. («Военно-медицин. Журналъ» 1895 г. кн. IX).

Наши окраины, достаточно сравнительно изученныя съ естественно-исторической и этнографической стороны, совсѣмъ почти не затронуты съ медико-топографической и санитарной. Поэтому, появленіе каждой работы, относящейся до характеристики мѣстности съ медико-санитарной точки зрѣнія, заслуживаетъ вниманія. Вышеуказанная работа, именно и относится къ такимъ. Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ даетъ характеристику уѣзда съ географическо-климатической точки зрѣнія, описывая почву, Иссыкъ-Кульское озеро, ключи (между послѣдними есть и минеральные), метеорологическія наблюденія, растенія и вліяніе климата на движеніе заболѣваемости въ населеніи какъ гражданскомъ (съ 1870—1871 г.) такъ и военномъ (съ 1884—1894 г.). Въ долину Иссыкъ-Кульской въ осѣдломъ населеніи господствуютъ лѣтомъ поносы и болѣзни органовъ пищеваренія, «составляющія настоящій бичъ». Вообще эти данныя автора весьма интересны, въ особенности по отношенію къ мѣстному населенію. Въ *третьей* главѣ описываются населенныя мѣста, дома, кладбища (очень краткія свѣдѣнія); въ *четвертой* — народонаселеніе уѣзда, количество, составъ его (кара-киргизы) и образъ жизни (пища, одежда, жилища, болѣзни и т. д.); въ *пятой* — рождаемость и смертность среди кочевниковъ (безъ цифровыхъ данныхъ), роды, уходъ за ребенкомъ, общія черты характера кара-киргизовъ. Затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о заболѣваемости хотя и краткія, среди сарто-калмыковъ, дунганъ, сартъ, татаръ и русскихъ; попутно съ этими свѣдѣніями авторомъ даются нѣкоторыя этнографическія данныя, главнымъ образомъ относящіяся къ описанію домашней обстановки и т. д.

Отдавая должное указанной работѣ, мы должны замѣтить, что въ ней не затронутъ вопросъ о вліяніи прилегающаго населенія на туземцевъ и наоборотъ. Въ ряду причинъ, способствующихъ заболѣванію военнаго сословія, авторъ отводитъ главное почти мѣсто климату и почвѣ и меньше всего бытовымъ условіямъ.

Д. Н.—И.

И. Миниевичъ. Обрѣзаніе у древнихъ Колховъ и другихъ различныхъ народовъ. (*Медиц. Сборн. Императорскаго Кавказскаго Медиц. Общества, № 59, 1896 г.*)

Докторъ Миниевичъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ врачей, которымъ не чужды вопросы этнографіи и особенно инородческаго населенія. Авторъ далъ уже не мало работъ въ этомъ направленіи относительно населенія Кавказа. Разсматриваемые имъ вопросы по этнографіи связываются съ медицинскими и санитарными, что еще болѣе придаетъ значенія этимъ работамъ. Авторъ, какъ видно, придаетъ большое значеніе изученію народной медицины, познакомившись съ которою, «мы можемъ, такъ сказать, уразумѣть внутреннюю жизнь народа, его взгляды, убѣжденія». Въ народной медицинѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, отражаются религіозныя взгляды, народное міровозрѣніе. Въ названной работѣ авторъ разсматриваетъ вопросъ объ обрѣзаніи, употреблявшемся въ глубокой древности на Кавказѣ у однихъ Колховъ. Вначалѣ предпосылаются сравнительныя историческія свѣдѣнія объ обрѣзаніи вообще у различныхъ народовъ (библейскихъ евреевъ, египтянъ у жителей Африки, Австраліи и т. д.), о значеніи обрѣзанія, обрядовъ, совершаемыхъ при этомъ и т. д., и въ заключеніе говорится, что на начало развитія и распространенія обрѣзанія чрезвычайно сильно вліяли расовыя условія и извѣстныя степени культурнаго развитія племенъ. У древнихъ народовъ, какъ дикихъ, варварскихъ, поdraжаніе сильно вліяло на развитіе этого обычая.

Вопросу объ обрѣзаніи у древнихъ Колховъ авторомъ удѣлено немного мѣста—всего около четырехъ страничекъ (изъ 28) съ историческими о нихъ свѣдѣніями. По аналогіи авторъ допускаетъ существованіе обрѣзанія у Колховъ не только у мужчинъ, но даже и женщинъ, хотя у послѣднихъ оно могло быть, но могло и не быть.

Д. Н.—И.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Виржевыя Вѣдомости. 1896. — 6. Краткій очеркъ быта „бозровъ“. — 8, 9. *Изъ Славимскій. Ахалкалакскіе духоборы.* — 12. *Б. Л. Корреспонденція изъ М. Глубокое. Виленск. губ. (Эксплоатація невѣжества и бѣдности крестьянъ съ помощью заманиванія ихъ на переселеніе въ Сибирь).* — 14. Подношенія дальняго Востока. Описаніе костюмовъ и конскаго убора, поднесенныхъ Государю Императору депутаціей перчинскихъ тунгусовъ. — 20. Краткій очеркъ исторіи дѣятельности Импер. Русск. Геогр. Общ. — 23. Краткое изложеніе статьи г. Тезякова о вотяхахъ Больше-Гондырской волости Пермск. г. („Новое Слово“). — 29. Судебная хроника. Сопровиженіе властью, вызванное толкованіемъ манифеста. — 34. Корреспонд. изъ Старолуба Черниг. губ. („Орлов. Вѣст.“). Корреспонд. изъ Балашов. у. Факты, свидѣтельствующіе объ отвращеніи крестьянъ къ тѣлесному наказанію. — 36. О Кузѣ-богѣ у мордвы. (Изъ „Новаго Времени“). Историческая справка о сектѣ знахара Кузьми Пелядина. — 36. Присяга въ судѣ не на свою душу, а на душу утюга. (Изъ „Варшавск. Дневн.“). — 36. Обычай приглашать въ домъ невѣсты „лежня“. („Орлов. Вѣст.“) — 41. Человѣчскія жертвоприношенія у вотяковъ. Замѣтка о докладѣ г. Дунинова въ заведеніи отдѣл. этногр. Импер. Русск. Геогр. Общ. — Русское поселеніе въ Малой Азій. Замѣтка о докладѣ въ отд. этногр. И. Р. Г. О. (Поселеніе русскихъ раскольниковъ въ глубинѣ М. Аз.). — 43. Секта „вешательщиковъ“. Возникла въ Красноуфимск. у., Пермск. г., на почвѣ недовольства заводскихъ крестьянъ положеніемъ, явившимся вслѣдствіе реформы 19 февр. Крестьяне отказались принять условія реформы, отказались нести повинности и подати. Духовенство, ставъ на сторонѣ правительства, вооружило противъ себя наиболее фанатичныхъ крестьянъ; отсюда религіозное броженіе: отказу отъ уплаты податей и исполненія государственныхъ повинностей подысканы религіозныя основанія. Сущность ученія секты: теперь—время антихриста; гражданскія власти—установленіе антихриста; церковь заодно съ ними; поэтому не надо слушать властей ни гражданскихъ, ни церковныхъ; не надо платить за землю—земля „Божія“; нужно уклоняться отъ воинской повинности, такъ какъ истинные воины только тѣ, что борются съ не принадлежащими къ сектѣ и пр. Спасеніе возможно только „въ духѣ“; церковь съ ея вѣншей, обрядовой стороною угодила Богу только до 7-й тысячи. Общественное богослуженіе у сектантовъ въ видѣ домашнихъ соборій съ чтеніемъ библіи и твореній нѣкоторыхъ отцовъ церкви; сектанты держатся особнякомъ, вина не пьютъ. („Пермск. Епарх. Вѣд.“). — 44. Корреспонденція изъ Сумского у. Отказъ новобранца отъ военной службы и присяги (изъ „Недѣли“). — 44. *Далинъ. Неужели никто?* Приводитъ письмо крестьянина о томъ, какъ мѣстная интеллигенція относилась къ его стремленію къ саморазвитію. Любопытны высказываемыя имъ мнѣнія 45. Докладъ В. Г. Короленко. Замѣтка о докладѣ Короленко, читанномъ въ заведеніи Антропологич. Общ. — 50. Корреспонд. изъ г. Сосныцы о возрастающемъ довѣрїи крестьянъ къ врачамъ. — 57. Корреспонд. изъ Фатежа Курск. г. Слухи о томъ, что наступаютъ невѣроятные морозы. Тутъ

же выдержка изъ Екатеринослав. Губ. Вѣд. о такомъ же слухѣ въ с. Каменскомъ Екатеринос. у. — 60. Краткій очеркъ исторіи шахматной игры. — 63. Мнѣнія разныхъ вѣдѣстныхъ лицъ о возможности человѣческаго жертвоприношенія у вояковъ (Изъ „Петерб. Газ.“) — Отношеніе крестьянъ къ князямъ, проводящимъ критическій взглядъ на народныя суевѣрія. („Орл. Вѣст.“) — 79. Замѣтка о докладѣ объ обстановкѣ вотскихъ жертвоприношеній, читанномъ въ засѣданіи Отд. Этн. И. Р. Г. О. — 84. Взглядъ грамотнаго, развито крестьянина на тѣлесное наказаніе и причины неуспѣшности развитія грамотности (изъ „Русск. Богат.“) — 104. *Малороссъ*. „Осначи“. (Славячки гѣса). Корресп. изъ Чернигов. г. Изъ Могилевск. у., Подольск. г. Эксплоатація ворами религіознаго повѣрья евреевъ о явленіи духа Ильи Пророка во время Пасхи. — 106. Игральныя столики въ деревнѣ (народная рулетка): (Изъ „Ворон. Тел.“) — Отношеніе простого деревенскаго люда къ серебрянымъ дѣньгамъ (Изъ „Харьк. Вѣд.“) — 106. Фактъ, характеризующій отношеніе къ играмъ со стороны бѣлыхъ американцевъ. — 109. Убийца шаха. „О сектѣ бабидовъ“. — 114. *Далимъ*. Съ согласія и благословенія „преподобнаго старца Михаила“. Убийство на религіозномъ основаніи. — 118. О сектѣ бабидовъ. — 124. Замѣтка о докладѣ проф. Позднѣева въ Антрополог. Общ. о буддизмѣ. — 125. Опять кончина міра. Слухи о концѣ міра, распускаемые сектантами въ Гансаевск. у., Эстл. губ. (изъ „Валгуса“). — 153. Судебная хроника. Кавказскіе нравы. Убийство во время борьбы при свадебныхъ торжествахъ. — 153. Легковѣріе крестьянъ: слухи о царскихъ подаркахъ. (Изъ „Орл. Вѣст.“) — 157. 162. Судебная хроника. Мушкетерское дѣло — 158. Страшное дѣло. Убийство на почвѣ повѣрья, что свѣчи, изготовленныя изъ человѣческаго салыника, гарантируютъ вора отъ поимки. (Изъ „Харьк. Губ. Вѣд.“) „Благодатный посланникъ“. Эксплоатація почитанія о. Іоанна Кроншт. — 159 *Далимъ*. „По другому реценду“. Описаніе быта нѣмцевъ колонистовъ Поволжья. — 161. 162. 164. *Далимъ*. Саратовская „заграница“ или „Иванъ, да не тотъ“. Описаніе быта нѣмецкихъ колонистовъ Поволжья. — 163. Корреспонд. изъ Курска. Повѣрье о полвѣни чернаго креста на спицѣ поджигателя. — Корресп. изъ Ростова Ярослав. Повѣрье о громовой стрѣлѣ и дѣлесномъ свойствѣ воды, скаченной съ нею. — 167. *Далимъ*. Женщина въ Саратовской „заграницѣ“. Положеніе женщины въ нѣмецкихъ колоніяхъ Поволжья. — 175. 176. *Е. О. Дубровина*. Мусульманская тризна въ Бакъ. Описаніе тризнѣ халифѣ мусульманъ шитовъ Шахъ-Хусейнѣ. — 181. 182. 183. *П. Ноерусскій*. Замѣтки по инородческому вопросу. (О положеніи миссіонерскаго дѣла среди чувашей Буняск. у.) — 181. Дюпотопная мѣра (о хлѣбныхъ мѣрахъ у малороссовъ). Изъ „Харьк. Вѣд.“ — 181. Замѣтка о перидскомъ театрѣ (изъ „Fortnightly Review“). — 182. Случай религіозной маніи нѣсколькихъ женщинъ подъ вліяніемъ одной. (Изъ „Виленск. Вѣст.“) — 183. Борьба съ суевѣріемъ. (Суевѣрное мнѣніе о томъ, что грѣхъ тушить пожары, происшедше отъ удара молніи. — 186. *И. Ин-цевъ*. Медицинская помощь въ нижегородскомъ земствѣ. — Санитарное положеніе уѣзда. (Описаніе вышняго быта нижегородск. крестьян.) — 187. *Ляго*. Изъ-за имущественныхъ земельныхъ раздѣловъ. Указанія на положеніе женщины въ крестьянск. семьѣ. — Казусное событіе. (Вѣра въ нечистую силу. „Заклятый молебень“). — 188. Беспорядки въ станицахъ Хоперскаго окр. (Причина ихъ — толки о томъ, что у казаковъ отберутъ гѣсъ въ казну.) — 190. Корреспонд. изъ Крапивен. у., Тульск. г. Эксплоатація вѣрованія въ явленныя иконы. — 195. Изъ Таганрога. Оригинальный способъ мести. Повѣрье о томъ, что если у порога дома разбить кувшинъ съ водою, которою былъ омытъ мертвецъ, то съ живущими въ этомъ домѣ случится бѣда. — 197. Народный театръ въ Самарск. г. (Изъ „Русск. Вѣд.“) — 204. „Кабачная культура“. Замѣтка о свадебныхъ развлеченияхъ въ гѣхъ деревняхъ Астраханск. г., куда проникла городская культура. — 212. Мамадышъ. Бунтъ татаръ по поводу опыта народной переписи. (Изъ „Гражданина“). — 214. 215. 216. 218. 220. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 229. Археологич. съѣздъ въ Рязѣ. — 229. *П. Критскій*. Латини и ихъ этнографическая выставка въ г. Рязѣ. — 234. Японскія пословицы. — 241. Раскольники въ Россіи (статистика раскола). — Изъ Ревеля. Новыя секты. (Изъ

„Олевика“). — 242. Обычай печь блины въ Вознесенье. (Изъ „Церковн. Вѣст.“). — 243. „Еленушкина секта“ въ Псковск. г. (Въ ученье ея входятъ ожиданіе скорого наступленія конца свѣта, антихристъ—о. Іоаннъ Кроншт.). (Изъ „Нов. Вр.“). — Корреспонд. изъ Царицына. Распространеніе слуховъ о явленіи антихриста, прішествіи вр. Іліи (Іоаннъ Кроншт.) и Еноха (о. Николай). Деревенскій театръ (Изъ „Вѣстника Финансовъ“). — 245. *А. Осиповъ*. Чѣмъ турки живи. Очеркъ духовной культуры турокъ. — *Н. П. Леонтьевскій*. Самоѣдъ на нижегородской выставкѣ. (Впечатлѣнія автора отъ разговора съ самоѣдомъ, бывшимъ на выставкѣ). — 246. *А. Осиповъ*. Общественное хозяйство въ Константиноволѣ. Очеркъ вѣшнаго быта турокъ. — 250. Взаимное вліяніе русскихъ и киргизовъ. Выдержка изъ статьи г. Степного „Дорожныя письма изъ Тургайской области“, помѣщ. въ „Волжско-Камск. Краѣ“. — Замѣтка о вѣмекцкихъ колоніяхъ на Кавказѣ. (Изъ „Тифлисс. Листка“). — Изъ Самары. Артель женщинъ—чернорабочихъ. — 253. Объ отношеніи крестьянъ къ книгѣ. (Замѣтка изъ „Вятск. Краѣ“). — 256. *Независимый*. „Игуны“. Происхожденіе прозвища безработныхъ. — 259. 264. Лишніе люди. О положеніи переселенцевъ. — 269. *Независимый*. Феноменальный случай. Вѣра въ бѣсоватихъ. — 273. Замѣтка о происхожденіи „камаринскаго мужика“. (Изъ „Орл. Вѣст.“). — Судебная хроника. Сопротивленіе власти. (Слуха о крещеніи магометанъ). — 274. *Казизенкъ*. Дагестанскіе порядки. — 276. Объ экспедиціи г. Шимкевича въ районъ Бурей, Зек, Амгунъ. (Изъ „Русск. Вѣд.“). — 285. Судебная хроника. Дѣло духоборовъ. — Объ отношеніи народа къ книгѣ. Замѣтка по статьѣ г. Рогола-Левцовой—„Изъ жизни одной воскресной школы“, помѣщен. въ „Образованіи“. — 287. О дѣятельности англичанъ въ Индіи. Изложеніе статьи г. Краснова, помѣщен. въ „Книжкахъ Недѣль“. — 290. Расправа съ конокрадомъ. — 293. *В. Чортъ* въ провинціи. Факты, свидѣтельствующіе о вѣрѣ въ нечистую силу и колдовство. (Изъ „Сарат. Дневн.“, „Казанск. Тел.“ и одной вѣм. газ.). — 300. Въ Антропологич. Обществѣ. Замѣтка о докладахъ: д-ра Никольскаго—объ итогахъ трехлѣтняго существованія и дѣятельности общества в г. Залѣскаго—о сибирскомъ народцѣ карагасовъ—Переселенци. Переселенци изъ Виленск. г. поѣхали въ Туркестанъ черезъ Петербургъ в Москву, такъ какъ дунали, что чѣмъ дальше разстояніе, тѣмъ дешевле билетъ. — 304. *Независимый*. Къ восточнымъ берегамъ. (Стремленіе крестьянъ къ переселенію; слухи о томъ, что въ Сибирь дадутъ много земли и сбрасываютъ недолжки; о билетахъ за „Царскимъ оромъ“, замѣтлившихъ паспорта). — 307. Исторія новоявленія евреевъ въ предѣлахъ Абиссиніи и современное ихъ положеніе. (Изъ „Нов. Вр.“). — 309. Крестьяне и землемѣръ. Сопротивленіе властямъ, возникшее на почвѣ недоуверія къ землемѣру. (Изъ „Смоленск. Вѣст.“). — Изложеніе содержанія статьи П. Леруа-Болье о „Власти денегъ“, помѣщен. въ журн. „Восходъ“. — 310. Судебная хроника. Зарайскіе сектанты. — Русскія поселенія на китайской границѣ. Изложеніе доклада г. Шмурло въ засѣданіи Имп. Р. Г. Общ. — 317. Перерожденіе или вырожденіе. Корреспонд. изъ Гевинческа. Наблюденія надъ селомъ, переживающимъ превращеніе въ городъ. — Изложеніе доклада г-жи Тарновской „О женской преступности“, сдѣланнаго на IV конгрессѣ криминальной антропологич. — 319. Изложеніе доклада г. Левенстима „Суевѣріе въ его отношеніи къ уголовному праву“, сдѣланнаго въ засѣданіи уголовного отдѣленія Юридич. Общ. — 320. Изложеніе статьи г. Агаевова о Швейцаріи. („Міръ Бож.“). — 324. Судебная хроника. Дѣло объ убійствѣ мальчика для суевѣрныхъ дѣлей. Повѣрье о томъ, что если убить человека, вынуть изъ него жиръ, сдѣлать двѣ свѣчки, зажечь ихъ и итти съ ними, то „и звѣри не возьмутъ и люди будутъ спать“. — 329. Заявленіе гласнаго изъ крестьянъ противъ отънимъ тѣлесныхъ наказаній. — 346. 359. *Н. Александровъ*. Геніальныя дѣти. Замѣтка о японской художественной выставкѣ. — 348. „Арбузный праздникъ“. Корреспонд. изъ Владивостока. (Краткая замѣтка о большомъ годовомъ праздникѣ китайцевъ посещемъ названіе „арбузнаго“). — Самоубійство въ состояніи религіознаго вступленія. (Изъ „Русск. Вѣд.“).

Варшавскія Губ. Вѣд. 1887. 19—26. *Мошковъ*. „Старообрядцы Варшавской губ. и ихъ пѣсни“ (текстъ съ нотами, — прод. слѣд.).

Волжскій Вѣстникъ. 1897.—23. *Пономаревъ, П.* Къ вопросу о жекскомъ образованіи въ Казани въ началѣ XIX вѣка.—24. Къ переселенческому вопросу.—57. *Борисовъ, В.* Изъ исторіи памятника покоренія Казани.—С. П. Д. Битъ, нравы и религія минусинскихъ инородцевъ. Изложенье реферата Н. Ѳ. Катанова.—Къ характеристикѣ современной русской деревни.—88. *Орловъ.* Изъ исторіи народнаго образованія въ Россіи.—94. Страстная недѣля въ Мадридѣ.

Камско-Волжскій Край. 1897.—350. Изложенье доклада о іезуитахъ, поклонникахъ діавола, читаннаго г. Романовымъ въ Географическомъ Обществѣ.—351. *Матвеевъ, С.* Игры и забавы татарской молодежи Уфимской губ.—362. Засѣданіе Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, 27 февраля, 1897 г. Доклады: Н. Ѳ. Катанова—„Отчетъ объ этнографической экскурсіи въ Минусинскій округъ“, и свящ. Н. А. Архангельскаго—„Городище на Свѣтломъ озерѣ въ Ядринскомъ уездѣ“.—364. *Зайоскинъ, Н.* Казанскіе академическіе пѣни и вѣтні начала текущаго столѣтія. (Окончаніе).—359, 366. *И. С.* Изъ наблюденій надъ жизнью Сибири. (Продолженіе).—365. Забѣтка о „мишарахъ“, татарской народности.—378. Пытка въ Бухарѣ.—376. Праздникъ Благосвѣщенія на Русь.—381 *И. С.* Книга Генри Друмонда: Прогрессъ и эволюція человека.

Костромскія Губ. Вѣд. 1897.—17. *Бекаревичъ, Н. М.* Докладъ, читанный въ Костромской архивной комиссіи о древностяхъ Костромской губерніи.—18. *Рябинцевъ, М. Д.* О двухъ пѣсняхъ, выходящихся въ старинномъ нотномъ рукописномъ сборникѣ, принадлежащемъ М. Д. Рябинцеву. (Первая, по мнѣнію автора, изображаетъ казни Іоанна IV подъ видомъ брачнаго поѣзда, вторая описываетъ недружелюбныя отношенія зятя къ тещѣ).—19—21, 26, 27. *Милюшдоевъ, И.* Слѣды миселогіи древнихъ обитателей Костромскаго края.

Костромскія Епарх. Вѣд. 1897.—67. О пѣніи въ православныхъ церквахъ гречскаго Востока. (Продолженіе).

Курляндскія Губ. Вѣд. 1897. 28. Истор. очеркъ Фридрихштадтской церкви.—30. Некрологъ и перечень трудовъ историка права Прибалтійскаго края Ф. А. Буна.

Курскія Губ. Вѣд. 1897.—57. Объ изданіи полнаго собранія русскихъ народныхъ сказокъ.—57—62. *Термоескій, С.* Забѣтки о народномъ образованіи.—62. Изъ религіозной жизни раскольничьихъ-поморцевъ. (Корреспонденція изъ с. Камшинаго, Сузданскаго у., Курской губ.).—63—68. *Тамковъ, А.* Необходимость и возможность учрежденія въ Курскѣ архимандритской комиссіи.—64—67. *Базальтъ, Д. И.* Акты Курскаго края, извлеченные изъ фамильнаго архива графа М. М. Толстого.

Lodzer Zeitung.—1897.—59, 61. Привислинскій край триста лѣтъ тому назадъ.—64. Движеніе населенія Европейской Россіи за 1892 годъ.—65. Права женщинъ у малайцевъ.—76. Къ вопросу о народномъ образованіи.—76. О находкѣ сочиненій Папія, епископа Пераполиса. (Изъ Петерб. Вѣд.).—86. Выставка древностей, принадлежащихъ городу Варшавѣ.

Нижегородскія Губ. Вѣд. 1897.—16. Л—мъ, *Н.* Образцы стихотвореній, писанныхъ семинаристами въ началѣ текущаго столѣтія.—16. Страстная недѣля въ старой Москвѣ. Историческая справка о св. плащаницѣ.

Пензенскія Губ. Вѣд. 1897.—79. Суеварное употребленіе освашенной вербы.

Подольскія Губ. Вѣд. 1897. 26. Самыя маленькія государственя (Kilde къ Зап. отъ Гебридскихъ о-ровъ в Hout в департ. Нижнихъ Пререевъ; краткія свѣдѣнія взяты изъ Rundschau f. Geographie und Statistik).

Рязанскія Епарх. Вѣд. 1897.—5, 6. Матеріалы для біографіи преосвящ. Симона Лаговы (Продолженіе). Духовные дѣатели Рязанскаго края. (Продолженіе).—6, 7. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила.

Сибирь. 1896. 1. Д. А. *Клеменъ:* Докладъ въ Зап.-Сиб. Отд. Имв. Русск. Геогр. Общ. о результатахъ экспедиціи въ Монголію. (Геологическія свѣдѣнія, археологическія: 17 тюркскихъ надписей, и этнографическія: буддійскія вѣрованія

сѣверныхъ монголовъ). 6. Киргизы и переселенцы: докладъ г. Рибкова въ Этногр. обществѣ Географ. Общ. 9. Г. Ц. К. У Забайкальскихъ бурятъ: Новый годъ („Цаншганъ“ и „цаганъ-сара“ — названія новаго года и перваго мѣсяца у бурятъ и монголовъ. Происхожденіе этихъ названій. Встрѣча и самый день новаго года. Игры: „шигай-чигураку“—ловля лодыжекъ и „бильчэсикъ-нинуху“—пріятныя кольца. Лунный календарь). 14. В. О. Въ странѣ тунокъ и лиственницъ (Баронъ Гергардъ Майдель: Путешествіе по сѣверо-восточной части Якутской области въ 1868—70 годахъ).—20. М. К. Къ вопросу о землеустройствѣ сельскаго населенія Сибири. 25. Вл. Студниковій. Преступность въ Сибири. (Самосуды. Дѣла о побояхъ, причиняющихъ смерть, по отношенію къ мужчинамъ и главнымъ образомъ къ женщинамъ въ большихъ крестьянскихъ семьяхъ. Положеніе женщинъ въ большихъ крестьянскихъ семьяхъ). 28. Ред. на кн. Кауфмана: „Крестьянская община въ Сибири“. 29. В. Брониславскій. Существуетъ ли сибирская народность? (Митія Астырева, Щапова, Ядринцева и др. объ особомъ характерѣ сибиряковъ). Критика этихъ митій въ связи съ исторіей колонизаціи Сибири). 34. Въ Казанскихъ ученыхъ обществахъ—замѣтка о докладѣ Катанова: поѣздка къ койбанамъ, бельтирамъ, сагайдамъ и вачинцамъ (быть, русское вліяніе на языкъ и религію). 35. Шаманство у минусинскихъ инородцевъ—докладъ Катанова (обрядовая сторона).

Тиганрогскій Вѣстникъ. 1897. — 36. Библиографическая замѣтка объ „Очеркахъ Сибири“ С. Елизатьевского.

Южанинъ. 1897.—66. Замѣтка о предполагаемомъ И. Русскимъ Географическимъ Обществомъ изданіи народныхъ сказокъ.—76. Находка античной бронзовой статуэтки въ Одесскомъ уѣздѣ.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Александровъ, А. Матеріалы и нѣкоторыя изслѣдованія по исторіи Черногогоріи. Казань 1897.

Вагешотъ. Научные законы развитія народовъ въ связи съ наслѣдственностью и естественнымъ подборомъ. Перев. съ франц. Изд. К. Г—вой и А. О—ва. Харьковъ. 1896.

Водуэиъ-де-Муртевъ, И. А. Кашубскій языкъ, Кашубскій народъ и Кашубскій вопросъ. Статья 1-я (изъ „Журнала Мин. Нар. Просв.“ 1897, апр.—май). Сиб. 1897.

Вонвало, Габр. Невѣдомая Азія. Путешествіе въ Тибетъ. Перев. съ франц. Л. А. Богдановича. Изд. ред. журнала „Средне-Азіатскій Вѣстникъ“. Ташкентъ. 1897.

Востокиъ Европейской Россіи. Казань. 1897.

Даттанъ, А. В. Историческій очеркъ развитія Приамурской торговли. Москва. 1897.

Долганевъ, Е. Современная Абиссинія. Очеркъ быта, культуры общественной и религіозной жизни эіопскаго народа. Спб. 1897.

Дубровинъ, Н. Георгій XII, послѣдній царь Грузіи, и присоединеніе ея къ Россіи. 2-е изд. Спб. 1897.

Юннъ, А. А. Новыя данныя къ исторіи Восточной Сибири XVII вѣка. Иркутскъ. 1895.

Борженевскій, Вор. По Востоку. Путевые очерки и картины, въ 3 частяхъ, съ 117 иллюстраціями. Москва. 1897.

Боршъ, Ф. Е. О русскомъ народномъ стихосложеніи. I. Бытныи. Приложеніе: 1. Ударенія въ языкѣ русской народной поэзіи. Существительныи съ подвижнымъ удареніемъ. Женскій родъ. Вып. 1. (Изъ Извѣстій 2-го отдѣленія И. Академіи Наукъ). Спб. 1897.

Краткій историческій очеркъ Алтайскаго округа (1747—1797 г.г.). Спб. 1897.

Красновъ, А. Н. Какъ живутъ китайцы. Изд. Харьковск. Общества распр. въ народѣ грамотности. Харьковъ. 1895.

Лашковъ, Ф. Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія. Сборникъ документовъ. Симферополь 1897.

Левенстимъ, А. А. Суевѣріе въ его отношеніяхъ къ уголовному праву. (Изъ „Журн. Мин. Юстиціи“, 1897, янв.—февр.) Спб. 1897.

Мензбиръ, М. А. Историческій очеркъ воззрѣній на природу. („Вопросы науки, искусства, литературы и жизни“, № 2). Изд. кн. магаз. Гросманъ и Кнебель. Москва. 1897.

Мечъ, Серг. Австралія и Тасманія. 2-е испр. изд. Москва. 1896.

Милаковскій, М. Г. Очеркъ Вѣлостока въ историческомъ, этнографическомъ и бытовомъ отношеніяхъ съ приложеніями. Изд. кн. маг. „Обществ. Польза“ въ Вѣлостоцѣ. Кіевъ. 1897.

Мидлеръ, Всеволодъ. Очерки русской народной словесности. Бытныи

I.—XVI. (Историко-культурная библиотека. Изд. тов. И. Д. Сытина). Москва. 1897. 8°, XIV+464 стр.

Мисюревъ, А. А., протоіер. Краткій историко-статистическій очеркъ Томской епархіи. Томскъ. 1897.

Молитвы передъ обѣдомъ и послѣ обѣда за цѣлый годъ по обряду караимовъ и **обряды**: обрѣзанія, бракосочетанія и погребенія у Караимовъ. Перевель съ древне-еврейскаго языка *И. Б. Н. Фирковичъ*. Т. I и II. Царицынъ. 1896.

Молодыхъ, И. А. и Булаковъ, П. Е. Иллюстрированное описаніе быта сальскаго населенія Иркутской губерніи. Составл. подъ ред. П. П. Семенова. („Труды Восточно-Сиб. Отдѣла И. Русс. Геогр. Общества по участію Отдѣла на Всероссийской Выставкѣ въ 1896“). Сиб. 1896, 242 стр.

Наршахи-Мухаммадъ. Исторія Бухары. Перев. съ персидск. Н. Лыкошинъ, подъ ред. В. В. Бартольда. Ташкентъ. 1897.

Наскоровъ, А. К. Образцы народной литературы казанскихъ татаръ. (Изъ XIII т. „Извѣстій Общ. Археол., Исторіи и Этногр. при Казанск. университет.“). Казань. 1896.

Некрасовъ, Н. А. Замѣтки о языкѣ. „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ по Лаврентьевскому списку летописи. Спб. 1897. (Изъ Извѣстій 2-го отдѣленія И. Академіи Наукъ т. I и II). Спб. 1896—97.

Никифоровскій, Н. Я. Простонародныя примѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собр. въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1897.

Обряды, Бѣлорусскіе свадебные, и пѣсни сравнительно съ великорусскими. Составилъ А. З—чъ. Спб. 1897.

Пальмовъ, Мих. Идолопоклонство у древнихъ евреевъ. Спб. 1897.

Панковъ, А. Древне-русскій приходъ. Краткій очеркъ церковно-приходской жизни въ восточной Россіи до XVIII в. и въ западной Россіи до XVII в. Сергіевъ Посадъ. 1897.

Плоскъ, Г., д-ръ. Женщина въ естествознаніи и народовѣдѣніи. Переводъ съ 5-го нѣм. изд., улучшеннаго и переработ. д-ромъ М. Бартельсомъ, д-ра Комаровскаго. Т. I. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 1897.

Пономаревъ, П., свящ. Описаніе церквей и приходовъ Кунгурскаго уѣзда Пермской губ. Кунгуръ. 1897.

Реутскій, Н. В. Луцкое православное Крестовоздвиженское братство и его историческія заслуги. Историческій опытъ. Луцкъ. 1897.

Савванитовъ, Пав. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одежды, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. Спб. 1896.

Свягинъ, Н. С. По русской и китайской Манчжуріи отъ Хабаровска до Нянгути. Впечатлѣнія и наблюденія. Спб. 1897.

Слескинскій, А. Мурманъ. Изд. Комитета для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера. Съ 82 рис. Спб. 1897.

Сумцовъ, Н. Ф. Современная малорусская этнографія. (Изъ „Кіевской Старины“). 1897.

Тимошенко, И. Е. Литературные первоисточники и прототипы 300 русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897.

Филимоновъ, Е. С. Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія. *Вып. I.* Формы волостнаго землевладѣнія въ сѣв.-зап. Барабѣ. *Вып. II.* Краткій историч. очеркъ Малорусскаго землевладѣнія и замѣтка о Византійскомъ землевладѣніи X—XIII стол. Пермь. 1895.

Фортунатовъ, Ф. Ф. Критическій разборъ сочиненія проф. Варш. унив. Г. К. Улянова: „Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ“. Ч. I и II. Варшава 1891—95. (Изъ Отчета о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1895). Спб. 1897.

Шимаковскій, В. Звуковыя и формальныя особенност. народныхъ го-

воровъ Холмской Руси. Обзоръ, съ приложеніемъ образцовъ народныхъ говоровъ. Варшава. 1897.

Щербатова, О. А., кн. Въ странѣ вулкановъ. Путевыя замѣтки ва Явѣ 1893 г., съ географическимъ, историч. и политич. обзоромъ Малайскаго архипелага. Съ 10 фототип., 100 рис. и картой. Сиб. 1897.

Głodziej, Fr. Ekspertyza lekarska w dawnych sądach Polskich do końca XVIII stulecia. Przyczynek do dziejów medycyny w Polsce. (Odbitka z „Kroniki Lekarskiej”). Warszawa. 1896.

Keussler, Fr. von. Der Ausgang der ersten Russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XIII Jahrhundert. Mit 1 kolorierten Karte. St.-Petersburg. 1897.

Splleth, Wilh. Ueber vorgeschichtliche Alterthümer Schleswig-Holsteins. Kiel u. Leipzig. 1896. 8° 61 pp.

Weinberg, Jul. Powstanie i rozwój rodu ludzkiego. Warszawa 1897.

ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ.

1. Русскія народныя пѣсни.

Въ послѣднее время русская народная пѣсня, бывшая долгое время въ заголѣ и пренебреженіи, снова начинаетъ привлекать вниманіе общества, ученыхъ изслѣдователей и специалистовъ музыкантовъ. Въ отношеніи музыкальномъ то, что сдѣлано было въ прежнее время для русской пѣсни, оказывается слишкомъ недостаточнымъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе двухъ причинъ: неправильныхъ зависей пѣсенныхъ напѣвовъ, особенно многоголосныхъ, и произвольной гармонизаціи пѣсень подъ вліяніемъ современной западной музыки. Необходимость новыхъ болѣе точныхъ записей вызвала въ Петербургѣ образованіе при И. Р. Географическомъ Обществѣ пѣсенной комиссіи, въ Москвѣ же возникла мысль записыванія народныхъ пѣсень, особенно хоровыхъ, при помощи фонографа (см. „Этногр. Обзор.“ кн. XXXII в. «Русскія Вѣдомости», № 181 1897 г.). Для практическаго осуществленія этой мысли, необходимо было прежде всего собрать свѣдѣнія о томъ, *идь еще сохранились хорошія старинныя хоровыя пѣсни?* Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, обращенный отъ Этнографическаго Отдѣла путемъ печати, было получено нѣсколько отвѣтовъ изъ разныхъ мѣстностей. Печатаю ниже существенное изъ этихъ отвѣтовъ, мы возобновляемъ нашу просьбу о доставленіи подобныхъ свѣдѣній изъ другихъ мѣстностей. Дѣло записыванія пѣсень фонографически, успѣшно начатое этимъ дѣломъ г-жею Е. Э. Лиевой, желательно продолжить на будущее время, и сообщаемыя намъ свѣдѣнія могутъ помочь нѣсколько ориентироваться, чтобы не тратить напрасно времени и средствъ на неуспѣшныя перѣѣзды. Эти же свѣдѣнія могутъ пригодиться и другимъ лицамъ, интересующимся этимъ дѣломъ.

1) М. Г. . . . Спѣшу подѣлиться съ Вами кой-какими свѣдѣніями по части пѣсень. Я выросъ въ Зап. Сибири и затѣмъ порядочно поколесилъ по Россіи, жилъ 4 года и въ Малороссіи, въ Черниговской губ. По моему скромному мнѣнію, всего музыкальнѣе въ Россіи казаки, наслѣдовавшіе массу старинныхъ пѣсень отъ удалыхъ разбойниковъ. Въ Западную же Сибирь пѣсни приходили со всей Россіи съ переселенцами и смѣшанными. Тамъ, у Сибирскихъ казаковъ, вы услышите много прекрасныхъ старинныхъ пѣсень, забытыхъ уже на мѣстѣ ихъ созданія. Поѣзжайте въ казачьи станицы на Алтаѣ, и вы соберете богатую жатву... Я не музыкантъ, но слухъ и музыкальную память имѣю и отлично помню еще много пѣсень, слышанныхъ въ Сибири. . . Самая лучшая пѣсня—„Село Павлово“. Слова въ высшей степени прости, напѣвъ же богатѣйшій. Воспѣвается с. Павлово на р. Волгѣ, между рѣчекъ Бѣляночки и Щигляночки. Ведетъ пѣсню запѣвало, а хоръ подхватываетъ. Гармонизація богатѣйшая, мотивъ широкий... Запѣвъ хорошия плясовыя: 1) „Гуляла чечетка, гуляла лебедка на боярскомъ дворѣ“, 2) „Чарочки по столу похаживаютъ, пьяницы на вдовушку поглядываютъ“, 3) старинная: „Ходитъ царь вокругъ Нова-города“, 4) протяжная: „Отчего ты, красна дѣвица, пригоркилась, у воротъ стоишь?“ 5) „По Дону гуляетъ казакъ молодой, дѣвчина слезы ронять надъ быстрой рѣкой“. Многія извѣстныя въ

Россія пѣсни поюга сибирскими казаками иначе, и по моему—лучше. Интересная подробность: казаки—мужчины поютъ превосходно, женщины же отвратительно визжать; казенные сибиряки-крестьяне поютъ плохо.

Маршрутъ слѣдующій: до Омска по желѣзной дорогѣ, оттуда до Семипалатинска на пароходѣ, дальше до Усть-Каменогорска (212 в.) на лошадяхъ вдоль Иртыша; дорога отличная, везутъ по-сибирски (до 20 вер. въ часъ), и ни проѣдете черезъ массу казачьихъ поселеній. Отъ Усть-Каменогорска до поселка Ульбинскаго (25 в.) по почтовой дорогѣ. Прогонъ тамъ 1½ к. съ лошади и версты. Ульбинскъ самъ по себѣ стоитъ, чтобы побывать тамъ,—прекраснѣйшее горное мѣстечко, въ роскошной долинѣ рѣки Ульбнвой...“.

Алексѣй Владимировичъ Полторацкій.

Полоцкъ, Кадетскій корпусъ,
14 мая 1897 г.

2) „М. Г.!... Считаю долгомъ обратить вниманіе на выдающіеся по своей старинѣ и напѣвамъ пѣсни, существующія въ селеніяхъ Козловскаго уѣзда (Тамб. губ.), въ волостяхъ: Челновской, Стеженской и Ново-Дегтянской, расположенныхъ по р. Челновой, въ 50 вер. отъ г. Козлова, съ одной стороны, въ 18 вер. отъ станціи Сосновка Богооявленско-Сосновской вѣтви Рязанско-Уральской же. дороги, и съ другой въ 15—20 вер. отъ ст. Пожаровское-Сабурово той же дороги“.

Предсѣд. Ульин. Зем. Управы 1).

Козловъ,
17 мая, 1897 г.

3) „Здѣшнее село на берегу Оки; при немъ нѣтъ ни одного необытнаго дуга. На покосъ, около Петрова дна и Казанской, собирается сюда много бабъ и дѣвокъ,—какъ здѣсь говорятъ,—съ горъ, т.-е. изъ полевныхъ деревень, и каждый вечеръ онѣ такъ поютъ, что рѣшительно нельзя оторваться, ихъ слушавши. Почти все село собирается ихъ слушать до поздней ночи. И пѣвцы и слушатели, конечно, устали, но поютъ божественно. Здѣшнія же пѣсни очень скверныя, карикатурныя романсы“.

Марія Евграфовна Михайловская.

с. Верхне-Бѣлоомутъ, Ряз. губ., Зар. у.
16 мая, 97 г.

4) „... „Близко знакомый съ народнымъ бытомъ верховьевъ Сѣверо-Двинскаго бассейна, я имѣю честь указать Вамъ на такую мѣстность, гдѣ еще можно услышать хорошіе народные хоры.—это побережье Малой Сѣверной Двины въ предѣлахъ Устюжскаго уѣзда, Вологодской губ., волости: Шемогодская, Приводянская и Удимская. Нѣкоторыя данныя о народномъ творчествѣ и пѣняхъ этой мѣстности находятся въ моей статьѣ: „Черты современнаго быта и повѣстческаго творчества Вологодскаго крестьянства“, помѣщенной въ „Вологодскомъ Сборникѣ“, изд. въ пользу голодающихъ (СПб. 1892), и въ книжкѣ И. Я. Львова: „Новое время—новыя пѣсни“ (Устюгъ. 1891) 2)....“

Александръ Александровичъ Тарутинъ.

Великій Устюгъ,
27 мая 1897 г.

1) Подпись неразборчива.

2) Авторъ предлагаетъ свои услуги, если понадобится какая-нибудь помощь на мѣстѣ (онъ бываетъ на Двинѣ въ іюнѣ и іюль); кромѣ того, указываетъ на мѣстнаго жителя вышеназваннаго Ив. Яковл. Львова (въ Устюгѣ). *Ред.*

II. *Кукольный театр.*

М. Г.! Всестороннее изученіе народности подвигается въ Россіи быстрыми шагами; но до сихъ поръ исследователи нѣсколько удѣляли вниманію народному театру. Лишь въ послѣднее время наблюдается нѣкоторое оживленіе интереса къ этому виду народнаго творчества. Что до театра марионетокъ въ Россіи, то единственными въ своемъ родѣ являютя работы г. Алферова („Петрушка и его предки“) и моя („Кукольный театръ на Руси“. Историческій очеркъ). Предпринимая работу по исследованію развитія народнаго кукольнаго театра и нуждаясь въ русскихъ и дружныхъ матеріалахъ по интересующему меня вопросу, почтительнѣе прошу Васъ, М. Г., не отказать въ сообщеніи отвѣтовъ на нижеслѣдующіе пункты:

I. Существуетъ ли въ той мѣстности, гдѣ Вы живете, постоянно или временно кукельный театръ: а) религиозный (вертевь, бетлейка, шопка) или б) *святскій* („Петрушка“ или что-нибудь въ этомъ родѣ). (Мѣстность обозначить точно).

II. Каково отношеніе а) мѣстныхъ жителей и б) главныхъ образомъ — полиціи къ показывателямъ кукольнаго театра? Если существуютъ какія-либо циркулярныя или мѣстныя распоряженія полиціи, запрещающія кукольныя представленія, прошу не отказать въ сообщеніи ихъ (въ точныхъ копіяхъ).

III. Кто обыкновенно занимается устройствомъ и показываніемъ куколъ? а) Национальность, вѣроисповѣданіе, возрастъ, имена и фамиліи показывателей и музыканта (если таковой сопровождаетъ кукольника и участвуетъ въ представленіи); б) отъ кого усвоили это искусство показыватели кукольной комедіи и почему избрали это занятіе? Вознагражденіе, получаемое ими?

IV. Каково устройство кукольнаго театра? сцены и куколъ? (если возможно — прошу сообщить планъ, рисунокъ или хотя набросокъ).

V. На какомъ языкѣ происходятъ представленія? Содержаніе ихъ? Просту записать текстъ представляемой куклами пьесы; а если представленіе ведется по печатной книгѣ (рѣдко), то сообщить точное заглавіе этой книгѣ (списать титульный листъ ея). Записывать устный текстъ слѣдуетъ съ соблюденіемъ особенностей произношенія показывателя, не стѣсняясь современной принятой орфографіей. Такъ какъ существуетъ два рода пьесъ: —одни удобныя для сѣтанной публликы, другія неудобныя, — то прошу обратить особенное вниманіе на послѣднія: эти пьесы кукольники остерегаются показывать кому пошло, иди когда заподозрять присутствіе полицейскаго надзора. Особенно тщательно прошу отнѣстись имена дѣйствующихъ въ пьесахъ лицъ.

VI. Существуетъ ли въ Вашей мѣстности панорама (райкъ)? Сообщите устройство его (планъ, рисунокъ, списокъ картинъ), а также текстъ. Нѣтъ ли текста на самихъ картинахъ? Гдѣ послѣднія приобретаются и часто ли мѣняются? У кого учатся райшники?

Владим. Никол. Перетцъ,
(приватъ-доцентъ С. П. В.—скаго университета).

Отвѣты просимъ адресовать въ Москву, въ редакцію „Этнографическаго Обзорнія“, въ Политехнический музей, или въ Петербургъ г. Перетцу (Екатерингофскій проспектъ, д. 59, кв. 19).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ исторіи современной русской этнографіи.

Въ кн. XVII „Этнографическаго Обзорія“ (стр. 232—233) указывалось на желательность *собиранія матеріаловъ для исторіи современной русской этнографіи* путемъ доставленія въ редакцію „Этногр. Обзорія“ автобиографическихъ очерковъ (съ приложеніемъ фотографій) отъ самихъ лицъ, занимающихся этнографіей, т.-е. какъ лицъ напечатанныхъ уже что-нибудь въ этой области, такъ и тѣхъ, кто занимается собираніемъ матеріаловъ по народному быту. На призы редакціи откликнулись пока только слѣдующія лица, присылкою довольно обстоятельныхъ автобиографій съ приложеніемъ списка своихъ работъ: 1) *Н. Я. Никифоровскій*—изъ Витебска, 2) *А. В. Галовъ*—изъ Пошехонья, 3) *П. А. Шилоковъ*—изъ Тобольска.

Повторяемъ нашу просьбу, обращенную ко всѣмъ русскимъ этнографамъ, особенно же къ тѣмъ, дѣятельность которыхъ мало обрисована или вовсе не затронута въ сочиненіи А. Н. Пылева „Исторія русской этнографіи“. *Ред.*

Волынской этнографическій музей.

Въ г. Городкѣ, Ровенскаго уѣзда, въ мѣстѣ бар. Ф. Р. Штейнгеля, по инициативѣ владѣльца мѣстнаго, въ концѣ прошлаго года, положено основаніе областному музею Волынской губерніи. Музей устривается по широкой программѣ. При музеѣ устривается библиотека, посвященная специально Волынской губерніи. Помимо книгъ, газетныхъ и журнальныхъ статей, въ нее войдутъ всѣ печатные и рукописные документы, такъ или иначе касающіеся Волынской губерніи. Для пополненія коллекціи музея предполагается устраивать поѣздки по краю. Нѣсколько такихъ экскурсій уже было предпринято, другія намѣчены. Несмотря на то, что музей существуетъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, уже найдены интересныя предметы почти въ каждомъ изъ его отдѣловъ, такъ какъ учрежденіе музея встрѣтило полное сочувствіе со стороны мѣстныхъ землевладѣльцевъ и помѣщиковъ. Въ этнографическомъ отдѣлѣ нѣтъ уже дѣлалъ коллекція предметовъ въ нѣсколько сотъ экземпляровъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь „вертепъ“, найденный въ м. Славутѣ. „Вертепъ“ найденъ съ полной обстановкой и съ текстомъ, наомынающимъ собою одну изъ мистерій Симеона Полоцкаго. „Вертепъ“, хранящійся въ музеѣ бар. Ф. Р. Штейнгеля, нѣтъ видѣ двухэтажнаго домика съ мезониномъ. Всѣхъ фигуръ въ этомъ вертепѣ 17—два ангела, Ааронъ, Давидъ, Иродъ, три царя, два солдата, пономарь, женщина съ ребенкомъ, смерть, чортъ, еврей, мужикъ съ цѣпомъ, цыганъ, ведущій барана, панъ и панн. Костюмы и фязіономіи этихъ фигуръ представляютъ собою много интереснаго для этнографа. („Новости Дня“, № 5024).

Некрологъ.

† 2 февраля скончался въ своемъ хуторѣ Мотроновкѣ, въ Черниговской губ. *Пантелеимонъ Александровичъ Кулишъ*, извѣстный представитель украинской литературы историкъ и этнографъ. Помимо своихъ печатныхъ трудовъ покойный оставилъ послѣ себя много рукописей, сохраняемыхъ и приводимыхъ въ порядокъ вдовомъ покойнаго, извѣстномъ также въ малорусской литературѣ поэтѣ всеволонимомъ Ганни Баранюкомъ. Некрологи П. А. Кулиша и воспоминанія о немъ помѣщены въ журналахъ «Кіевская старина», „Историческій вѣстникъ“ и др.

† 31 іюля скончался въ Москвѣ на 80 году жизни заслуженный профессоръ Московскаго университета ординарный академикъ *Федоръ Ивановичъ Буслевъ*, извѣстный изслѣдователь русской старины въ области письменности, искусства, народной поэзіи и языка. Въ слѣдующей книжкѣ будетъ помѣщена богѣе обстоятельная статья, посвященная обзоромъ ученой дѣятельности и заслугъ покойнаго.